

Ибероамериканские тетради

• №01

Том IX
2021

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2021-9-1

В научном журнале рассматриваются тенденции
и перспективы политического и экономического развития
Иberoамериканского региона.

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год.

→ Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

→ Издатель

Институт международных исследований, МГИМО МИД России

→ Главный редактор

Габарта Анджей Артурович, МГИМО МИД России (Москва)

→ Заместитель главного редактора

Попов Иван Владимирович, МГИМО МИД России (Москва)

→ Редакторы выпуска

Неклюдов Никита Яковлевич
Павлов Владимир Владимирович
Самойловская Наталия Александровна
Ткач Дмитрий Николаевич
Якутова Ульяна Вячеславовна

Компьютерная верстка: Талалаевский Алексей Владимирович

Дизайн: Левицкая Вероника Евгеньевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

© ИМИ МГИМО МИД России, 2021

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

ISSN (Versión papel) 2409-3416
ISSN (Electrónico) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2021-9-1

La revista se dedica al estudio de las tendencias
y perspectivas del desarrollo político y económico
de la región iberoamericana.

Año de creación: 2013.

Periodicidad: 4 números al año (trimestral).

→ Fundador

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú
adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación
de Rusia (Universidad MGIMO)

→ Publicador

Instituto de Estudios Internacionales, Universidad MGIMO

→ Presidente del Consejo Editorial

Andrzej A. Habarta, Universidad MGIMO (Moscú)

→ Vicepresidente del Consejo Editorial

Ivan V. Popov, Universidad MGIMO (Moscú)

→ Redacción

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach
Uliana V. Yakutova

Diseño editorial: Alexey V. Talalayevskiy

Diseño: Veronica E. Levitskaya

Esta revista es indizada por el Índice de Citación Científica de Rusia

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2021-9-1

The academic journal focuses on important trends and scenarios of political and economic development of the Iberoamerican region.
Established in 2013.
Published on a quarterly basis.

→ Founder

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

→ Publisher

Institute for International Studies, MGIMO University

→ Editor-in-Chief

Andrzej A. Habarta, MGIMO University (Moscow)

→ Deputy Editor-in-Chief

Ivan V. Popov, MGIMO University (Moscow)

→ Associate Editors

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach
Uliana V. Yakutova

Desktop Publishing: Alexey V. Talalayevskiy
Design: Veronica E. Levitskaya

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index

© IIS, MGIMO University, 2021

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Mass Media Registration Certificate
ПИ No. FS77-78906 of August 7, 2020

Международный редакционный и научно-экспертный совет

Л.С. Окунева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России, председатель Совета

А.А. Габарта, кандидат экономических наук, МГИМО МИД России, главный редактор

И.В. Попов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России, заместитель главного редактора

У. Алехандро Санчес, Американский университет, США

Н.Е. Анিকেва, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

П. Ботта, доктор международных отношений, Католический университет Аргентины

А.Х. Верду-Ховер, доктор экономических наук, Университет Мигеля Эрнандеса, Испания

О.В. Волосюк, доктор исторических наук, НИУ ВШЭ

Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, Университет Гранады, Испания

В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, ИЛА РАН

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, РУДН

А.Л. Дюффе Монтальбан, доктор филологии, Университет Ренн 2, Франция

Х. Касальс Льяно, доктор экономики, Высший институт международных отношений им. Рауля Роа Гарсиа МИД Кубы

М.В. Ларионова, кандидат филологических наук, МГИМО МИД России

Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, МГИМО МИД России

О.А. Масалова, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет

М.П. Молоезник, доктор юридических наук, Университет Гвадалахары, Мексика

Х. Моралес Эрнандес, доктор международных отношений, Мадридский университет Комплутенсе, Испания

Р. дель Мораль, доктор филологии, Президент Европейской ассоциации преподавателей испанского языка, Испания

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, Национальный университет заочного обучения, Испания

К. дель Прадо Игера, доктор истории, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, ИМЭМО РАН

В.У. Рамирес Лавалье, Атлантический международный университет, США

Э. Сан Мигель Перес, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

А. Санчес-Андрес, доктор экономики, Университет Валенсии, Испания

К. Уриарте Санчес, доктор юридических наук, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

П.А. Фернандес Санчес, доктор юридических наук, Университет Севильи, Испания

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ

Л.С. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ

С.М. Хенкин, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

А.В. Шестоппал, доктор философских наук, МГИМО МИД России

Consejo Internacional de Expertos Científicos

Presidenta del Consejo Académico Internacional **Dra. L. Okuneva** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Presidente del Consejo Editorial **Dr. A. Habarta** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Vicepresidente del Consejo Editorial **Dr. I. Popov** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

W. Alejandro Sanchez (Universidad Americana, Estados Unidos)

Dra. N. Anikeeva (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. P. Botta (Universidad Católica Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Instituto Superior de Relaciones Internacionales "Raúl Roa García", Cuba)

Miembro-Correspondiente de la Academia de ciencias de Rusia **V. Davydov** (Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia)

Dr. D. Degterev (Universidad RUDN, Federación de Rusia)

Dra. A.L. Duffé Montalván (Universidad Rennes 2, Francia)

Dr. P.A. Fernández Sánchez (Universidad de Sevilla, España)

Dr. R. Guzmán Tirado (Universidad de Granada, España)

Dr. J. de Hoyos Puente (Universidad Nacional de Educación a Distancia, España)

Dr. L. Jéifets (Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia)

Dr. V. Jéifets (Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia)

Dr. S. Khenkin (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. M. Larionova (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. B. Martynov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. O. Masalova (Universidad Federal de Kazán, Federación de Rusia)

Dr. M.P. Moloeznik (Universidad de Guadalajara, México)

Dr. R. del Moral (Presidente, Asociación Europea de Profesores de Español, España)

Dr. J. Morales Hernández (Universidad Complutense de Madrid, España)

Dra. C. del Prado Higuera (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dra. I. Prokhorenko (Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia)

V.H. Ramírez Lavalle (Universidad Internacional Atlántica, Estados Unidos)

Dr. E. San Miguel Pérez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A. Sánchez-Andrés (Universitat de València, España)

Dr. A. Shestopal (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. C. Uriarte Sánchez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A.J. Verdú-Jover (Universitas Miguel Hernández, España)

Dra. O. Volosyuk (Universidad ESE, Federación de Rusia)

International Editorial and Expert Advisory Board

President of the Board **Dr. L. Okuneva** (MGIMO University, Russian Federation)

Editor-in-Chief **Dr. A. Habarta** (MGIMO University, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief **Dr. I. Popov** (MGIMO University, Russian Federation)

W. Alejandro Sanchez (American University, USA)

Dr. N. Anikeeva (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. P. Botta (Catholic University of Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Higher Institute of International Relations "Raúl Roa García", Cuba)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences **V. Davydov** (Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences)

Dr. D. Degterev (RUDN University, Russian Federation)

Dr. A.L. Duffé Montalván (University Rennes 2, France)

Dr. P.A. Fernández Sánchez (University of Sevilla, Spain)

Dr. R. Guzmán Tirado (University of Granada, Spain)

Dr. J. de Hoyos Puente (National University of Distant Education, Spain)

Dr. L. Jéifets (Saint-Petersburg State University, Russian Federation)

Dr. V. Jéifets (Saint-Petersburg State University, Russian Federation)

Dr. S. Khenkin (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. M. Larionova (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. B. Martynov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. O. Masalova (Kazan Federal University, Russian Federation)

Dr. M.P. Moloeznik (University of Guadalajara, Mexico)

Dr. R. del Moral (President, European Association of Professors of Spanish, Spain)

Dr. J. Morales Hernández (Complutense University of Madrid, Spain)

Dr. C. del Prado Higuera (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. I. Prokhorenko (Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences)

V.H. Ramírez Lavalle (Atlantic International University, USA)

Dr. E. San Miguel Pérez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A. Sánchez-Andrés (University of Valencia, Spain)

Dr. A. Shestopal (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. C. Uriarte Sánchez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A.J. Verdú-Jover (Miguel Hernández University, Spain)

Dr. O. Volosyuk (HSE University, Russian Federation)

Содержание

Незападные теории международных отношений в Латинской Америке

→ 7 От главного редактора

Международные отношения

→ 9 Карлос Уриарте Санчес
Отношения между Испанией и Россией сквозь призму общих интересов: ключ к нормализации отношений с Европейским Союзом

→ 19 Виктор Уго Рамирес Лавалье
Национальная безопасность Мексики и США. Между американской гордыней и неэффективностью

→ 32 Витор Ленгрубер
Теория зависимости: ее разработка и вклад в международные отношения

→ 50 А.А. Еремин
Периферийный реализм Карлоса Эскуде

→ 62 А.А. Шинкаренко, В.К. Медина Гонсалес, Б.И. Некрасов
Концепция Buen Vivir в контексте экологизации международных отношений

Политика

→ 76 Э.С. Дабагян
Никарагуа: секреты политического долголетия президента

→ 89 Д.В. Морозов
Никарагуа: кризис власти и выборы 2021 г.

→ 102 Н.Е. Аникеева
Политическая история Испании (2016–2020): преодоление кризиса

→ 114 Для авторов

Content

Non-Western theories of international relations in Latin America

→ **7** Editorial

International Relations

→ **9** **Carlos Uriarte Sánchez**
Relationship between Spain and Russia through shared interests: key for normalization of relations with the European Union

→ **19** **Víctor Hugo Ramírez Lavalle**
National security of Mexico and USA. Between pride and ineffectiveness

→ **32** **Vitor Lengruher**
Dependency Theory: developments and contributions to international relations

→ **50** **Arkadii Eremin**
Peripheral realism of Carlos Escudé

→ **62** **Alexander Shinkarenko, Vinicio Xavier Medina González, Boris Nekrasov**
The concept of Buen Vivir in the context of green theory in international relations

Politics

→ **76** **Emil Dabagyan**
Nicaragua: the secrets of the President's political longevity

→ **89** **Dmitry Morozov**
Nicaragua: power crisis and elections in 2021

→ **102** **Natalya Anikeeva**
Political history of Spain (2016–2020): overcoming the crisis

→ **114** For authors

Уважаемые читатели,

Представляем вашему вниманию первый номер журнала «Ибероамериканские тетради» за 2021 год. Мы решили немного отойти от традиции подготовки страновых номеров в пользу тематического, посвященного незападным теориям международных отношений (НТМО) в странах Латинской Америки.

В октябре 2020 года Российский университет дружбы народов (РУДН) провел научный семинар «Латиноамериканские концепции международных отношений». Его отличительной чертой была постановка вопроса: можно ли причислить латиноамериканские теории международных отношений к незападным? В семинаре приняли участие ведущие специалисты из России – представители Института Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН), МГИМО, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета и РУДН.

В данном номере мы решили познакомить вас с концепцией периферийного реализма Карлоса Эскуде, которую проанализировал в своей статье старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН Аркадий Еремин. Автор сопоставил основные положения концепции с имеющимися достижениями. По мнению А. Еремина, концепция периферийного реализма уникальна своим «взглядом со стороны слабого», который англосаксонские школы ТМО обычно предпочитают игнорировать. Автор утверждает, что, с одной стороны, данная концепция в неполной мере относится к «западным» ТМО, но, с другой, отнести ее полностью к «незападным» нельзя, поскольку К. Эскуде считал, что единственный выход для стран Латинской Америки – это ориентация на политику главного гегемона западного мира – США. К. Эскуде выступал против автономной внешней политики, призывая экономически слабые страны принять иерархию сильных государств при реализации задач по развитию экономики и повышению благосостояния граждан. А. Еремин отметил, что результаты внедрения идей периферийного реализма в политику для Аргентины, на примере которой проводился анализ, оказались достаточно скромными.

Научный сотрудник Католического университета Петрополиса (Бразилия) Витор Ленгрубер в статье «Теория зависимости: развитие и вклад в международные отношения» представил результаты собственной исследовательской работы. По мнению автора, доминирующей теоретической парадигмой для региона является либерализм, от которого лишь слегка «отстает» реализм. Неомарксистская парадигма, к которой, собственно, и относят теорию зависимости, в последние десятилетия начинает терять популярность в академическом сообществе региона, уступая место другим парадигмам международных отношений. Несмотря на это, как утверждает В. Ленгрубер, значимость положений теории зависимости огромна, так как именно на ее базе, еще до появления идей И. Валлерстайна, в латиноамериканской научной мысли формировалось представление о мире, в основе которого лежит простая идея: главным препятствием для успешной внешней политики стран региона является отсталость в развитии, что не позволяет максимально реализовывать потенциал региона на мировой арене.

Тему незападных теорий международных отношений также затронул старший научный сотрудник ИЛА РАН Александр Шинкаренко вместе с представителями кафедры ТИМО РУДН Борисом Некрасовым и Ксавьером Мединой Гонсалесом. Статья по-

священа анализу концепции Buen Vivir и тенденции к усилению роли так называемого экологизма в формировании ценностных ориентиров внешней политики государств Латинской Америки. В регионе эти положения стали важной составляющей процесса «экотерриториального сдвига» и протестной активности в условиях возрастания значимости экологической повестки. По мнению авторов, это является закономерным ответом на широкую коммерциализацию природных ресурсов, криминализацию протестов и наступление на территории традиционного проживания населения. Интерпретация экодискурса через концепцию Buen Vivir является локальной версией существующей в современной геополитике «теории природных сред». Указанный концепт вышел за пределы национальных границ Эквадора и Боливии, охватив весь регион. Его ставят в один ряд с другими теориями альтернативного развития, такими как «анти-рост» и экологический сварадж. Авторы пришли к выводу, что концепция Buen Vivir является региональной вариацией экологической геополитики, получившей развитие в рамках критического подхода.

В номере значительное внимание уделено также теме приближающихся президентских выборов в Никарагуа. Ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН Эмиль Дабагян в своей статье дает политический портрет Д. Ортеги, прошедшего долгий путь от борца с диктаторским режимом до фактически пожизненного президента. Автор раскрывает механизмы и способы, с помощью которых Д. Ортега добился политического долголетия, прослеживает основные тенденции экономического развития Никарагуа.

Старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН Дмитрий Морозов в статье «Никарагуа: кризис власти и выборы 2021 г.» анализирует внутриполитическую ситуацию в этой стране, причины острого социально-политического кризиса. Д. Морозов описывает установленный в Никарагуа режим личной власти президента Д. Ортеги с опорой на бюрократию и силовые структуры. Автор дает анализ политического потенциала и электоральных возможностей оппозиционных сил, а также прогнозирует развитие внутриполитической обстановки в связи с приближающимися выборами. Д. Морозов приходит к выводу, что режим Д. Ортеги слабеет, но пока сохраняет запас прочности. При этом Д. Ортега постарается любым способом удержать власть.

В журнале также опубликованы два материала, посвященные испанской тематике: К. Уриарте Санчеса «Отношения между Испанией и Россией сквозь призму общих интересов: ключ к нормализации отношений с Европейским Союзом» и Н.Е. Аникеевой «Политическая история Испании (2016–2020): преодоление кризиса».

В 2021 году мы продолжим обсуждение актуальных региональных тем. Желаем вам приятного знакомства с журналом!

А.А. Габарта, главный редактор

Международные отношения • Relaciones internacionales

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-9-18>

Una relación entre España y Rusia a través de intereses compartidos: clave para la normalización de relaciones con la Unión Europea

© Carlos Uriarte Sánchez, 2021

Carlos Uriarte Sánchez, Profesor de Derecho Constitucional de la Universidad Rey Juan Carlos, Madrid (España)
Para la correspondencia: 28032, España, Madrid, Paseo Artilleros

E-mail: carlos.uriarte@urjc.es

Recibido: 10.05.2021

Revisado: 19.06.2021

Aceptado: 01.07.2021

Para citar: Uriarte Sánchez, Carlos. "Una relación entre España y Rusia a través de intereses compartidos: clave para la normalización de relaciones con la Unión Europea" [Relationship between Spain and Russia through shared interests: key for normalization of relations with the European Union]. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 9-18. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-9-18>. [In Spanish]

→ Resumen

Desde el año 2014 las relaciones entre la Unión Europea y Rusia se han visto seriamente dañadas por una política de sanciones mutuas, que indudablemente han perjudicado a ambas partes y donde España no ha podido quedarse al margen de las mismas. No obstante, nuestro país manteniendo la posición común de sanciones contra Rusia por solidaridad y por sus compromisos adquiridos con sus socios europeos ha intentado desarrollar una relación bilateral con la Federación Rusa en positivo. España es consciente que es mucho más lo que nos une con Rusia, que lo que nos separa. Los intereses y retos comunes entre España y Rusia son múltiples no sólo en el plano bilateral desde un punto de vista cultural, científico, económico y comercial, sino también en ámbitos políticos de la agenda global como son la lucha contra el cambio climático, el terrorismo, el crimen organizado. Estos retos también son compartidos entre la Unión Europea en su conjunto y Rusia, y por este motivo, España, puede jugar un papel catalizador central en dicho acercamiento. España sin renunciar a los principios y valores que inspiran el proyecto de construcción europeo puede impulsar una agenda bilateral con Rusia que contribuya a la regularización paulatina de nuestras relaciones mutuas también en el ámbito político. Este objetivo final será alcanzado cuando se den

las condiciones adecuadas y se hayan reconstruidos las confianzas rotas. Este proceso también podría ser liderado por España en el seno de la Unión Europea, pues quizás, nuestro país goce de una posición más equilibrada con Rusia que la de otros socios europeos; pudiendo esto, convertir a nuestro país en un facilitador necesario y decisivo en este diálogo y esfuerzo normalizador.

→ Palabras clave

España, Unión Europea, Rusia, Vladimir Putin, relaciones, retos, oportunidad, catalizador, normalización

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-9-18>

Relationship between Spain and Russia through shared interests: key for normalization of relations with the European Union

© Carlos Uriarte Sánchez, 2021

Carlos Uriarte Sánchez, Professor of Law, King Juan Carlos University, Madrid (Spain)

For correspondence: 28032, Spain, Madrid, Paseo Artilleros

E-mail: carlos.uriarte@urjc.es

Received: 10.05.2021

Revised: 19.06.2021

Accepted: 01.07.2021

For citation: Uriarte Sánchez, Carlos. "Una relación entre España y Rusia a través de intereses compartidos: clave para la normalización de relaciones con la Unión Europea" [Relationship between Spain and Russia through shared interests: key for normalization of relations with the European Union]. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 9–18. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-9-18>. [In Spanish]

→ Abstract

Since 2014 relations between the European Union and Russia have been severely affected by the sanctions policy that has been detrimental to both sides. However, Spain has not been able to stand aside from this policy. Nevertheless, Spain, maintaining a common position on sanctions against Russia out of solidarity and because of its obligations to European partners, has tried to develop bilateral relations with the Russian Federation in a positive way. Spain realizes

that more unites it with Russia rather than divides. Spain and Russia have common interests and challenges not only in cultural, scientific, economic and commercial spheres of bilateral relations, but also in political areas of the global agenda such as the climate change and terrorism, the organized crime. These challenges are also common for both the European Union as a whole and Russia, and for this reason, Spain can play a role of catalyst in possible rapprochement. Without abandoning the principles and values at the heart of the European project, Spain can advance a bilateral agenda with Russia, which will contribute to the gradual building of mutual relations, including in political sphere. The ultimate goal will be achieved when the right conditions are created and the broken trust is restored. Spain could also lead this process within the European Union, since it has a more balanced position in relations with Russia than other European partners do. Thus, Spain can become a necessary and key facilitator of the dialogue and efforts to normalize relations.

→ Keywords

Spain, European Union, Russia, Vladimir Putin, relations, challenges, opportunity, catalyst, normalization

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Introducción histórica: una larga relación diplomática entre España y Rusia

La historia diplomática entre España y Rusia se remonta a 1519, concretamente a la notificación que el Rey Carlos I de España envió al Gran Duque Basilio III de Moscú, informándole de su ascensión al trono del Sacro Imperio Romano Germánico como Carlos V. En 1523 la respuesta del Gran Duque llegó a Valladolid de mano de su enviado Yakov Polushkin, cerrándose así el primer contacto oficial de la historia entre estos dos países¹.

Un segundo contacto notable tuvo lugar en 1525, cuando los enviados rusos Ivan Zaikin-Yaroslavsky y Semen Borisov llevaron la noticia del descubrimiento de América a Moscú, tras presentar sus cartas credenciales ante Carlos V. Otro contacto temporal fue establecido por la embajada de Piotr Potemkin durante el reinado de Alexis I de Rusia. No obstante, las primeras embajadas regulares entre Rusia y España no se establecerían hasta 1722². Por lo tanto, estos dos países cuentan con una amplia tradición diplomática que, no obstante, ha tenido sus momentos de ruptura y sus períodos de desarrollo.

El primer gran momento de ruptura llegó con la Guerra Civil y la creación de la URSS, lo que supuso un parón para estas relaciones que se prolongó a lo largo de buena parte del período de la Guerra Fría. Estando España dentro del bloque occidental y gobernada por una dictadura de ideas marcadamente anticomunistas, la congelación de estas relaciones es algo perfectamente comprensible, especialmente dentro del contexto internacional reinante durante la Guerra Fría: un sistema bipolar dominado por dos potencias antagónicas.

Fue en 1963, dentro del período más desarrollista de la dictadura de Franco, cuando se emprendió un ligero plan de descongelación de las relaciones, comenzando un lento proceso de restablecimiento que culminaría en 1977. No obstante, ya en 1972 se cerró el Instrumento de Ratificación del Protocolo entre el Gobierno del Estado Español

1 Hillgarth 2000.

2 Anisimov et al. 2004.

y el Gobierno de la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas sobre el establecimiento de Delegaciones comerciales; seguido por otros hitos como la firma del Convenio entre el Gobierno de España y el Gobierno de la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas del transporte aéreo en 1976¹.

En España, estos acuerdos llegaron en tiempos políticamente convulsos, marcados por la muerte de Francisco Franco y por la necesidad de reformar un sistema político que pudiera garantizar un futuro democrático y estable para una nación todavía fuertemente dividida ideológicamente. Con el Rey Juan Carlos I como Jefe del Estado, se comenzó el exitoso período de la Transición, en 1975. Dos años más tarde, en 1977, se celebraron las primeras elecciones democráticas y se estableció el Gobierno de Adolfo Suárez. Y España comenzó su apertura al mundo tras años de aislamiento. Ya este gobierno solicitó el inicio de negociaciones con Europa, que fueron aceptadas ese mismo año. En 1978 se aprobó la nueva Constitución española, y en 1979 comenzaron las negociaciones con Bruselas, siendo éstas continuadas por el Gobierno de Leopoldo Calvo-Sotelo y concluidas por el de Felipe González. Finalmente, el 12 de junio de 1985, España y Portugal firmaron el Tratado de Adhesión a las Comunidades Europeas, convirtiéndose en parte del proyecto político europeo. En ese mismo año 1985, la Unión Soviética comenzaba también su propio proceso de reapertura paulatina bajo la presidencia de Mijail Gorbachov². El 1 de enero de 1986, culminaría con la incorporación de España y Portugal a las entonces Comunidades Europeas la Transición Española.

Gorbachov, ante el estancamiento de la economía soviética, anunció sus famosas reformas conocidas como la glásnost (liberalización, apertura, transparencia) o perestroika (reconstrucción). Así, tanto España como Rusia se embarcaban en un nuevo proyecto de apertura al exterior tras un período de aislamiento debido a una dictadura en el caso de España, y a los efectos de la Guerra Fría en el caso de la Unión Soviética. No obstante, las relaciones entre ambos países no fueron del todo amistosas, alcanzando un punto especialmente crítico con la entrada de España en la OTAN el 30 de mayo de 1982, lo que fue visto como una amenaza importante por la Unión Soviética. Pese a ello y, en los años posteriores, Rusia y España han mantenido unas relaciones intensas y productivas en diversos y variados ámbitos.

Entre los muchos tratados que se han establecido desde entonces podemos destacar algunos tan importantes como el Acuerdo entre el gobierno de la Federación de Rusia y el gobierno del Reino de España sobre cooperación en la esfera económica e industrial, de 1994³; el Convenio entre el Gobierno del Reino de España y el Gobierno de la Federación de Rusia para evitar la doble imposición y prevenir la evasión fiscal en materia de Impuestos sobre la Renta y sobre el Patrimonio y Protocolo; o el Acuerdo de cooperación en materia de turismo entre el Gobierno del Reino de España y el Gobierno de la Federación de Rusia, hecho en Madrid el 9 de febrero de 2006.

En total, desde 1972 hasta 2014 se firmaron cerca de 40 tratados en apenas 40 años, lo que da una semblanza general de que, aunque las relaciones entre Rusia y España nunca fueron fáciles, especialmente en el contexto de la OTAN, sí hubo una vinculación intensa y una voluntad de diálogo por ambas partes, incluso en temas militares.

1 "Ficha país: Rusia," Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, accessed May 4, 2021, http://www.exteriores.gob.es/documentos/fichaspais/rusia_ficha%20pais.pdf.

2 Carlos Uriarte, José Castro, "En los 35 años desde que España y Portugal se unieron a la CEE," *Política Exterior*, January 24, 2020, <https://www.politicaexterior.com/espana-portugal-horizonte-europeo/>.

3 Online Conferencia "Rusia-España. V siglos de diálogo," May 26, 2021, <https://rsa.ranepa.ru/es/anuncios/132-conferencia-rusia-espana-v-siglos-de-dialogo>.

Sirva como ejemplo, el hecho de que, en 2009, se firmó el Convenio entre el Gobierno del Reino de España y el Gobierno de la Federación de Rusia sobre el tránsito de equipos militares y personal a través del territorio de la Federación de Rusia con motivo de la participación de las Fuerzas Armadas del Reino de España en los esfuerzos de estabilización y reconstrucción de la República Islámica de Afganistán¹. En 2013, de hecho, el presidente ruso Dmitry Medvédev expresó la importancia del desarrollo de las relaciones bilaterales con países europeos, tales como Alemania, Francia, Italia y los Países Bajos. Aunque solo hizo mención a España bajo la categoría de "otros", esto es una muestra más del buen estado de salud de las relaciones entre Rusia y Europa, incluso dentro de su natural complejidad.

La crisis de Crimea: un punto de inflexión en las relaciones

No obstante, en el año 2014, la anexión de Crimea a Rusia supone un nuevo punto de ruptura y un empeoramiento de las relaciones entre Rusia y todos los países de la Unión Europea, incluyendo España. El gobierno español defendió la integridad territorial de Ucrania². Rusia representa un desafío estratégico para la Unión Europea por la disposición del Kremlin de usar todos los instrumentos a su disposición para bloquear la expansión de la UE y la OTAN, la guerra híbrida contra occidente y la erosión de los tratados de desarme y de las medidas de cooperación³ reflejadas en el Documento de Viena.

La reacción de la Unión Europea fue la imposición de sanciones de diverso tipo, disponibles para su revisión en la página web del Parlamento Europeo⁴. Dentro del campo diplomático, en 2014 se canceló la cumbre UE-Rusia y los Estados miembros de la Unión se abstuvieron de celebrar las cumbres bilaterales periódicas. Por otro lado, los países de la Unión respaldaron la suspensión de las negociaciones sobre la adhesión de Rusia a la Organización para la Cooperación y el Desarrollo Económicos (OCDE) y a la Agencia Internacional de la Energía (AIE). Estas sanciones se sumaron a restricciones de inmovilización de bienes y prohibición de viajes individuales contra 175 personas y 44 entidades.

La UE también impuso sanciones económicas aplicables a los intercambios con Rusia en determinados sectores económicos, que se han venido prorrogando por periodos sucesivos. Las sanciones económicas estuvieron en vigor hasta el 31 de julio de 2020⁵. Esto fue seguido por dos episodios de cierta tensión militar en 2016, cuando se le negó a una flotilla rusa el poder hacer escala en el puerto de Ceuta⁶; y cuando un caza ruso sobrevoló los mares costeros de España y Portugal sin establecer comunicación alguna, por lo que hubo de ser escoltado por cazas españoles y portugueses hasta que este abandonó el espacio aéreo de la OTAN.

1 "Ficha país: Rusia."

2 "Rusia en un mundo globalizado y la Unión Europea: interacciones, tensiones y autonomía," Online Seminar, El Instituto de Cuestiones Internacionales y Política Exterior, July 8, 2021, <https://www.incipe.org/2021/07/08/rusia-en-un-mundo-globalizado-y-la-union-europea-interacciones-tensiones-y-autonomia/>.

3 Mira Milosevich-Juaristi, "Zapad-2017: las maniobras militares rusas como ingrediente de la disuasión estratégica," Real Instituto Elcano, September 4, 2017, http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari64-2017-milosevichjuaristi-zapad-2017-maniobras-militares-rusia-disuasion-estrategica.

4 "Fernando Garcés de los Payos, Rusia," Fichas temáticas sobre la Unión Europea, May, 2021, <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/es/sheet/177/rusia>.

5 "Medidas restrictivas de la UE en respuesta a la crisis de Ucrania," Consejo Europeo, accessed May 4, 2021, <https://www.consilium.europa.eu/es/policies/sanctions/ukraine-crisis/>.

6 "Las Fuerzas Armadas y la evolución de la estrategia militar de Rusia," Online Seminar, El Instituto de Cuestiones Internacionales y Política Exterior, July 1, 2021, <https://www.incipe.org/2021/07/01/las-fuerzas-armadas-y-la-evolucion-de-la-estrategia-militar-de-rusia/>.

Más recientemente, en 2017, la prensa española acusó a Rusia de injerencia a través de la web con el fin de desestabilizar el Estado¹ y favorecer la independencia de Cataluña. La cuestión fue tan sonada, que España, a través de la ministra de defensa Dolores de Cospedal, denunció estos hechos ante la Unión Europea². Rusia ha estado interviniendo en países occidentales con la intención de desestabilizar a la opinión pública o promover gobiernos autoritarios³. Moscú se vale de la “guerra híbrida” para desinformar y favorecer a grupos en contra del orden liberal internacional⁴.

Incluso con el cambio de gobierno producido a raíz de la moción de censura del ahora presidente Pedro Sánchez las relaciones siguieron siendo tensas. Esta tensión se vio especialmente reflejada en 2019, cuando el entonces ministro de Relaciones Exteriores español, Josep Borrell (actual Alto Representante de la Unión para Asuntos Exteriores y Política de Seguridad), calificó a Rusia como el “viejo enemigo” de Europa⁵.

Si bien estas declaraciones no fueron interpretadas de forma amistosa, también hicieron que Vladimir Putin manifestara que Rusia no representa ninguna amenaza para España, y subrayó que los rusos aman y respetan a España, y le desean prosperidad y todo lo mejor. Estas palabras fueron subrayadas por las declaraciones del ministro consejero de la embajada de la Federación de Rusia en España, Dmitry Sokolov, que calificó las relaciones entre España y Rusia como excelentes⁶.

Vínculos y oportunidades de cooperación entre Rusia y España: España como vector en la normalización de las relaciones con la Unión Europea

Efectivamente, pese a estas tensiones con la OTAN y a esta política de sanciones mutuas, España es plenamente consciente de los muchos vínculos que la unen a Rusia desde todos los puntos de vista: culturales, científicos, económicos, sociales y comerciales. La Unión Europea se basa en “Cinco principios rectores”⁷ en sus relaciones con Rusia:

1. Aplicación del acuerdo de Minsk.
2. Consolidación de las relaciones de la UE con sus socios orientales.
3. Fortalecimiento de la firmeza de la UE.
4. Posibilidad de alcanzar compromisos selectivos con la UE.
5. Necesidad de establecer contactos persona a persona y respaldar la sociedad civil rusa.

Según manifestó el embajador ruso Yuri P. Korchagin en 2015, la Unión Europea sigue siendo el principal socio económico de Rusia, pues con ella se realiza más de la mitad

1 “El aislamiento ruso en Europa,” Online Seminar, El Instituto de Cuestiones Internacionales y Política Exterior, June 10, 2021, <https://www.incipe.org/2021/06/10/el-aislamiento-de-rusia-en-europa/>.

2 Itziar Reyero, “Cospedal alerta al PP europeo de que la injerencia rusa es real”, ABC, March 8, 2018, https://www.abc.es/espana/abci-cospedal-alerta-pp-europeo-injerencia-rusa-real-201803081134_noticia.html.

3 Scott Shane, “Russia isn’t the only one meddling in Elections. We do it too,” *The New York Times*, February 17, 2018, <https://www.nytimes.com/2018/02/17/sunday-review/russia-isnt-the-only-one-meddling-in-elections-we-do-it-too.html>.

4 Trenin 2018.

5 Luis Ángel Sanz, “Exteriores cree que Rusia «ha sobrereaccionado» al citar al embajador español por unas declaraciones de Borrell,” *El Mundo*, May 28, 2019, <https://www.elmundo.es/espana/2019/05/28/5ced545321efa0a0318b4629.html>.

6 Diego Herrera Calcedo, “Las relaciones de Rusia con España son «excelentes,” *COPE*, July 18, 2019, https://www.cope.es/emisoras/castilla-y-leon/burgos-provincia/burgos/noticias/las-relaciones-rusia-con-espana-son-excelentes-20190718_462246.

7 Martin Russell, “The EU’s Russia policy: Five guiding principles,” European Parliamentary Research Service, February 2018, [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614698/EPRS_BRI\(2018\)614698_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614698/EPRS_BRI(2018)614698_EN.pdf).

del comercio exterior ruso y casi el 80% de la inversión extranjera acumulada ha llegado a la economía rusa desde los países de la Unión Europea, cerca de 260 mil millones de dólares¹.

Por poner un ejemplo, según el Observatorio de Complejidad Económica, en 2018 el valor de las exportaciones de España a Rusia superó los 2.5 billones de dólares; mientras que las importaciones de España provenientes de Rusia alcanzaron los 2.7 billones de dólares². Por su parte, en el mismo año, España invirtió aproximadamente 825 millones de euros en Rusia; y Rusia invirtió aproximadamente 433 millones de euros³ en España. Rusia sigue siendo el principal proveedor de petróleo crudo y gas natural y también el principal proveedor de combustibles sólidos pese a haber visto reducida su participación debido a las sanciones⁴. Más allá de las diferencias y tensiones entre estos dos países, hay retos comunes en los que se debe establecer una mutua colaboración como, por ejemplo, la lucha contra el cambio climático, el terrorismo, el crimen organizado, entre otros.

La cooperación entre la Unión Europea y la Federación de Rusia en los campos de justicia y seguridad, de hecho, ha sido clave desde 1990, apuntando hacia la implementación de una cooperación mayor dentro del llamado "roadmap for the EU-Russia Common Space of Freedom, Security and Justice" adoptado en 2005⁵. La cooperación entre la Unión Europea y Rusia en materia de migración y control de fronteras ha sido también bastante intensa, con FRONTEX cooperando con su contraparte rusa a la hora de analizar posibles amenazas y desarrollar programas de entrenamiento e investigación conjuntos.

Esta cooperación se ha extendido a otros ámbitos más relacionados con la lucha contra el crimen organizado, como el Acuerdo de Cooperación Estratégico de 2003 entre Europol y el Ministerio del Interior de Rusia; y contra el tráfico de drogas, con la firma del Memorandum de Entendimiento de 2007 para facilitar el intercambio de información. Asimismo, tanto la Unión Europea como Rusia son miembros del Acuerdo de París de 2015, el primer acuerdo universal legalmente vinculante que busca luchar contra el cambio climático. Por otra parte, en el campo de la ciencia y la tecnología también se han firmado varios acuerdos entre 2000 y 2001, principalmente vinculados al campo de la energía y la seguridad nuclear.

Aunque España mantiene la posición común de la UE, por solidaridad con sus socios, también puede jugar un papel catalizador central a la hora de establecer o recuperar las relaciones europeas con Rusia⁶. Sin renunciar a los principios y valores que inspiran el proyecto de construcción europeo, España puede constituirse en un puente para impulsar una agenda de cooperación bilateral con Rusia, que contribuya a la normalización paulatina de las deterioradas relaciones mutuas.

Esto puede suponer una magnífica oportunidad para ambos países. En el contexto europeo y debido a su equilibrada y privilegiada posición con Rusia, España puede tomar un papel de liderazgo en el seno de la Unión Europea en lo que se refiere a la recuperación de las relaciones con Rusia. Rusia, a su vez, puede ver en España a un importante socio con el cual normalizar sus relaciones con la Unión Europea y extensivamente con la OTAN.

1 Uriarte 2015.

2 "España," Observatorio de Complejidad Económica, accessed May 4, 2021, [https://oec.world/en/profile/country/esp/#:~:text=Overview%3A%20In%202018%20Spain%20was,Economic%20Complexity%20Index%20\(ECI\)](https://oec.world/en/profile/country/esp/#:~:text=Overview%3A%20In%202018%20Spain%20was,Economic%20Complexity%20Index%20(ECI).).

3 "Relaciones bilaterales entre España y Rusia," Instituto Español de Comercio Exterior, accessed May 4, 2021, <https://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestros-servicios/informacion-de-mercados/paises/navegacion-principal/el-pais/relaciones-bilaterales/index.html?idPais=RU#12>.

4 "Energy production and imports," Eurostat. Statistics Explained, September 17, 2020, https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_production_and_imports.

5 "The European Union and the Russian Federation," Servicio Europeo de Acción Exterior, accessed May 3, 2021, https://eeas.europa.eu/delegations/russia/35939/european-union-and-russian-federation_en.

6 "Russia – EU. How to climb down the tree together," Online Seminar, El Instituto de Cuestiones Internacionales y Política Exterior, June 17, 2021, <https://www.incipe.org/2021/06/17/russia-eu-how-to-climb-down-the-tree-together/>.

No obstante, no podemos caer en un optimismo engañoso, pues son muchos los obstáculos que todavía tenemos ante nosotros. El entusiasmo de los primeros momentos de la Unión Europea se ha convertido en vacilación y dificultad, especialmente con el reciente proceso del Brexit, que ha puesto en jaque el modelo de la Unión Europea. Rusia, por su parte, ha de enfrentarse a crecientes tensiones geopolíticas frente a Estados Unidos y frente a la propia Europa¹. En este contexto, el flagelo del Covid-19 se ha sumado a una situación ya de por sí tensa. Este es un momento de desafío y de oportunidad por igual², especialmente ante la crisis económica y social que esta pandemia ha generado. La Unión Europea debe buscar coordinarse para lograr su propia reconstrucción, pero también debemos mirar a nuestros vecinos rusos, ya que muchos de los retos a los que nos enfrentamos son compartidos.

La clave y la razón misma de la Unión Europea era unir a los Estados de Europa para preservar los valores comunes y construir riqueza, libertad, justicia y prosperidad en común, lo que ahora se hace más necesario que nunca. No obstante, no basta con una unión entre los países de Europa, sino que también es necesaria la creación de un espacio de cooperación entre la Unión Europea y Rusia, especialmente en aquellos ámbitos e intereses que nos sean comunes, tales como la educación, la investigación o la lucha contra el cambio climático, pero también en cuestiones de seguridad y lucha contra el terrorismo, crimen organizado (tráfico de drogas y seres humanos, etc.).

Una muestra de que esta cooperación es posible puede encontrarse en la celebración de los Años Duales, destinados a fomentar el conocimiento mutuo entre las sociedades española y rusa a través de la puesta en marcha de multitud de eventos culturales y visitas de alto nivel. Pese a la tensión existente por el asunto de Crimea, las relaciones culturales entre España y Rusia no se detuvieron, como muestra la celebración del Año Dual de las Lenguas y las Literaturas Española y Rusa (abril 2015-2016) y el Año Dual del Turismo España-Rusia (mayo 2016 – mayo 2017). Sin duda alguna, estos eventos son un brillante testimonio de que la cultura española se valora en Rusia y viceversa. Por otro lado, existen numerosos foros de cooperación internacional en los que España y Rusia pueden desarrollar unas relaciones mutuamente beneficiosas, siendo el ejemplo más evidente la Organización Mundial del Comercio (OMC), de la que España es miembro desde 1995 y Rusia desde 2012; o la Organización Mundial de la Salud (OMS) que tanta importancia ha cobrado en estos recientes tiempos de pandemia.

El camino ante nosotros es incierto, pero una cosa hay clara: la única forma en la que podremos avanzar todos juntos es a través de la cooperación y el diálogo. Debemos, entonces, apostar por el multilateralismo dentro de un entorno en el que prime el diálogo frente a la confrontación, basado en el Derecho Internacional y en el respeto a la soberanía de los Estados, en el que sea posible recuperar la confianza perdida.

Según un artículo escrito por Vladimir Putin: *“Tenemos la memoria histórica común, entonces podemos y debemos tener confianza en el otro. Proporcionará una base sólida para negociaciones exitosas y esfuerzos concertados para fortalecer la estabilidad y la seguridad globales con miras a aumentar la prosperidad y el bienestar de todos los Estados. No es exagerado decir que es nuestro deber y nuestra responsabilidad ante el mundo entero, así como ante las generaciones del presente y el futuro”*³.

1 Carlos Uriarte Sánchez 2015, 294.

2 “Rusia en el mundo de hoy,” Online Seminar, El Instituto de Cuestiones Internacionales y Política Exterior, June 23, 2021, <https://www.incipec.org/2021/06/23/rusia-en-el-mundo-de-hoy/>.

3 Vladimir Putin, “El 75º aniversario de la Gran Victoria: responsabilidad colectiva ante la historia y el futuro,” Embajada de la Federación Rusa en el Reino de España, accessed May 4, 2021, https://spain.mid.ru/es_ES/-/75-aniversario-de-la-gran-victoria-responsabilidad-comun-ante-la-historia-y-el-futuro?redirect=https://spain.mid.ru/es_ES/.

Conclusión

En definitiva, las relaciones entre la Unión Europea y Rusia se abren ahora ante la posibilidad de un nuevo cambio, un proceso de acercamiento y recuperación de la confianza perdida durante la crisis de Crimea. España puede, dentro de la UE, constituirse como un puente privilegiado entre Rusia y Europa, para que tanto los unos como los otros podamos enfrentarnos a los retos compartidos que la nueva era post-Covid-19.

→ Referencias / References

Anisimov, Evgenii V. *Five empresses: court life in eighteenth-century Russia*. Santa Barbara, CA: Praeger, 2004.

Hillgarth, Jocelyn Nigel. *The mirror of Spain, 1500-1700: the formation of a myth*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.

Sánchez, Carlos Uriarte. *Visiones de Europa: retos compartidos*. Pamplona: Ediciones Universidad de Navarra, 2015.

Trenin, Dmitri. *Avoiding U.S.-Russia military escalation during the hybrid war*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2018. https://carnegieendowment.org/files/Trenin_Hybrid_War_web.pdf.

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-9-18>

Отношения между Испанией и Россией сквозь призму общих интересов: ключ к нормализации отношений с Европейским Союзом

© К. Уриарте Санчес, 2021

Карлос Уриарте Санчес, доктор юридических наук, профессор права Университета Короля Хуана Карлоса, Мадрид (Испания)

E-mail: carlos.uriarte@urjc.es

Для корреспонденции: 28032, Испания, Мадрид, Пасео Артиллерос

Статья поступила в редакцию: 10.05.2021

Доработана после рецензирования: 19.06.2021

Принята к публикации: 01.07.2021

Для цитирования: Uriarte Sánchez, Carlos. "Una relación entre España y Rusia a través de intereses compartidos: clave para la normalización de relaciones con la Unión Europea" [Relationship between Spain and Russia through shared interests: key for normalization of relations with the European Union]. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 9-18. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-9-18>. [In Spanish]

→ Аннотация

С 2014 года отношения между Европейским Союзом и Россией серьезно пострадали из-за санкционной политики, которая, несомненно, нанесла ущерб обеим сторонам и от которой Испания не могла оставаться в стороне. Тем не менее, Испания, придержи-

ваясь общей позиции в отношении санкций против России из солидарности и в силу взятых на себя обязательств перед европейскими партнерами, пыталась развивать двусторонние отношения с Российской Федерацией в позитивном ключе. Испания осознает, что с Россией ее связывает больше, чем разделяет. Общие интересы и вызовы для Испании и России многочисленны не только на двустороннем уровне в культурной, научной, экономической и торговой сферах, но и в политических областях глобальной повестки дня, таких как борьба с изменением климата, терроризмом, организованной преступностью. Эти вызовы также являются общими для всего Европейского Союза и России, и по этой причине Испания может играть роль главного катализатора в их сближении. Не отказываясь от принципов и ценностей, которые лежат в основе европейского проекта, Испания может продвигать двустороннюю повестку дня с Россией, которая будет способствовать постепенному налаживанию взаимных отношений, в том числе в политической сфере. Конечная цель будет достигнута, когда будут созданы надлежащие условия и восстановлено разрушенное доверие. Этот процесс в рамках Европейского Союза также может возглавить Испания, поскольку она занимает, возможно, более взвешенную позицию в отношениях с Россией, чем другие европейские партнеры. Таким образом, Испания может стать необходимым и ключевым посредником в диалоге и усилиях по нормализации отношений.

→ Ключевые слова

Испания, Европейский союз, Россия, Владимир Путин, отношения, вызовы, возможность, катализатор, нормализация

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Международные отношения • Relaciones internacionales

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-19-31>

Seguridad nacional México-Estados Unidos de América. Entre la soberbia y la inoperancia

© Víctor Hugo Ramírez Lavalle, 2021

Víctor Hugo Ramírez Lavalle, Maestro en Estudios Diplomáticos y en Relaciones Internacionales, profesor, Universidad Iberoamericana Puebla (México) E-mail: Vhrl11@gmail.com
Para la correspondencia: 72820, México, Puebla, Blvd. del Niño Poblano, 2901

Recibido: 07.05.2021

Revisado: 11.06.2021

Aceptado: 28.06.2021

Para citar: Ramírez Lavalle, Víctor Hugo. "Seguridad nacional México-Estados Unidos de América. Entre la soberbia y la inoperancia" [National security of Mexico and USA. Between pride and ineffectiveness]. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 19-31. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-19-31>. [In Spanish]

→ Resumen

Este análisis destaca en forma puntual la génesis de las relaciones e instrumentos sobre seguridad nacional que rigen en la relación de México con los Estados Unidos de América, así como sus alcances y resultados; las bases constitucionales sobre seguridad y defensa nacional mexicana, el concepto mexicano de seguridad nacional.

En éste marco conceptual, destaca el hecho de que, a mediados de marzo de 2021, llegó a México una delegación estadounidense encabezada por Roberta Jacobson, ex Embajadora estadounidense en México y en ese momento, Coordinadora para la Frontera Sur de la Casa Blanca, cargo especial otorgado por el Presidente Joe Biden. Ambas delegaciones dieron a conocer que las pláticas tenían como elemento principal la consolidación de una migración ordenada, segura y regular en la región y los avances del Plan de Desarrollo Integral para la región del norte de Centroamérica, pero, en el fondo, el tema principal sería la seguridad nacional de los Estados Unidos de América. En otras palabras, la regulación de las corrientes migratorias procedentes de México y los países del denominado Triángulo del Norte (Guatemala, Honduras y El Salvador).

Ambos temas mencionados no son nuevos en la agenda bilateral México-estadounidense, por lo que todo parecería indicar que el gobierno del Presidente Biden está decidido a revertir las políticas de Donald Trump sobre migración, pero ahora con una especial atención sobre seguridad nacional, con un enfoque verbal menos

agresivo, pero, a cambio, más estricto políticamente hablando y ya sin la amenaza de seguir con la construcción del muro fronterizo. Ante lo referido es oportuno presentar las bases jurídicas con las que cuenta México, plenamente establecidas en su Constitución Política, las cuales le permiten sentarse a negociar debidamente y al mismo tiempo, presentar una visión puntual sobre el estado actual que guarda la seguridad nacional entre los dos países.

→ Palabras clave

Seguridad nacional México-EE.UU., principales instrumentos bilaterales, antecedentes constitucionales jurídicos mexicanos

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-19-31>

National security of Mexico and USA. Between pride and ineffectiveness

© Víctor Hugo Ramírez Lavalle, 2021

Victor Hugo Ramírez Lavalle, Master in Diplomacy and International Relations, Professor, Iberoamerican University of Puebla (Mexico)
For correspondence: 72820, México, Puebla, Blvd. del Niño Poblano, 2901

E-mail: Vhrl11@gmail.com

Received: 07.05.2021

Revised: 11.06.2021

Accepted: 28.06.2021

For citation: Ramírez Lavalle, Víctor Hugo. "Seguridad nacional México-Estados Unidos de América. Entre la soberbia y la inoperancia" [National security of Mexico and USA. Between pride and ineffectiveness]. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 19–31. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-19-31>. [In Spanish]

→ Abstract

This article pays special attention to the genesis of relations and documents in the field of national security, which determine the relationship between Mexico and the United States, examines its framework and results, as well as the concept and constitutional foundations of national security and defense of Mexico.

In this conceptual framework, it is noteworthy that in March 2021 the American delegation, headed by Roberta Jacobson, the former US Ambassador to Mexico, the White House Border Coordinator, arrived in Mexico. Both delegations announced that the talks would focus on ensuring orderly, safe and legal migration in the region and progress in implementing the Comprehensive Development Plan for the Northern

Region of Central America, but in fact, the main subject of talks would be US national security. In other words, the regulation of migration flows from Mexico and the countries of the so-called Northern Triangle (Guatemala, Honduras and El Salvador).

The topics mentioned above are not new on the US-Mexico bilateral agenda, and in this regard, the government of President Biden seems to revise Donald Trump's policy on migration, with a special focus on national security, using less aggressive rhetoric, without threats to continue the construction of the border wall, but, in turn, more rigid from a political point of view. In view of the above, it appeared appropriate to present the legal framework, set out primarily in the constitution, on which Mexico relies and which allows it to properly negotiate and at the same time have a clear vision on the current state of national security between the two countries.

→ Keywords

Mexico-US national security, main bilateral instruments, Mexican legal constitutional background

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Génesis de las relaciones e instrumentos binacionales

Con el propósito de que se entienda la difícil relación entre México y los Estados Unidos de América (EE.UU.), particularmente en cuanto a los temas relacionados con la seguridad nacional: la lucha contra los carteles de la droga, los grupos de la delincuencia transnacional y sus "efectos colaterales" como las corrientes migratorias mexicanas y de otros países, que histórica y cíclicamente se desarrollan en la frontera entre los dos países, es necesario plantear brevemente el escenario en que actualmente se desarrolla la relación bilateral¹.

En términos históricos generales, las relaciones entre los dos países han pasado por diversas etapas, desde intervenciones militares y ofensivas en las que México perdió más de la mitad de su territorio, hasta aquellas etapas de franco entendimiento pero entre éstas, también ha habido una serie de vicisitudes, de encuentros y desencuentros, de coincidencias y divergencias; es decir la relación se ha distinguido por sensaciones de "indignación y necesidad" pero al mismo tiempo de interdependencia y vulnerabilidad mutua.

En esta convulsionada relación también se han presentado constantes etapas de ambigüedad y desconocimiento de las realidades socio-culturales en ambos sentidos; enormes asimetrías en los campos económico, comercial y social; profundas diferencias en los principios mexicanos y las doctrinas estadounidenses en los que cada país sustenta su política exterior, sobre todo, impera una carencia de pragmatismo político en sus respectivos mandatarios y en los principales actores que intervienen en esa relación. Estas aristas, tanto en lo individual como de manera conjunta, han producido tensiones bilaterales constantes y cada vez más frecuentes. Por las razones que se quieran esgrimir, los dos países continúan empeñados en no entenderse y las breves etapas en que han coincidido tienden a ser desplazadas por el acontecer político al interior de cada uno de ellos (elecciones presidenciales o legislativas y el consecuente cambio de partido y de fuerza política en el poder), o por circunstancias o temas coyunturales en el contexto internacional.

Dada la enorme asimetría de poder de México frente a su vecino del norte, ha ponderado darle prioridad, tanto en lo interno como externo, a contener en la medida de lo posible la hegemonía de los EE.UU., para así sobrevivir la vecindad y mantener la soberanía nacional, entendiéndose ésta como la facultad de mantener su integridad territorial y de definir libre, autónoma e independientemente, sin injerencia externa alguna (principalmente estadounidense) su forma de gobierno y las políticas públicas que se aplican al interior del país sobre su población y al exterior, en sus relaciones con otros Estados y actores internacionales¹. En el sistema internacional ha apelado con certeza el Derecho Internacional y desde luego apoyado de sus principios de política exterior plasmados en la Constitución Política.

A esta compleja relación se sumaron los sucesos del 11/9 que implicaron un redimensionamiento de las políticas tradicionales de defensa y seguridad estadounidense, no solo por haber sido rediseñadas con un mayor moralismo como base de su política exterior sino, por consecuencia, de acuerdo a sus intereses y a su seguridad nacional de manera que le diera más consistencia a su seguridad interna; también dio lugar a que en el mejor de los casos, se ignorara la opinión de los países donde habían decidido actuar.

En efecto, sus decisiones de política exterior y de seguridad, se dirigieron desde esa fecha hacia una acción preventiva cuyo propósito es adelantarse a cualquier peligro (existente o no) a su interior y a nivel internacional (particularmente en su entorno inmediato), en una amplia gama que va desde la imposición de “democracias” para evitar la llegada al poder de regímenes no afines; al tiempo de pasar –desde su particular visión– por la no proliferación de armas de destrucción en masa, salvo que la tengan o la desarrollen países “amigos”; hasta llegar inclusive a considerar que tanto el tráfico de drogas o la migración son amenazas para su seguridad nacional.

De esta manera, el tema de la seguridad se convirtió en el eje fundamental de las relaciones entre los dos países y, en esta “nueva relación”, el objetivo prioritario de la política estadounidense hacia México es el fortalecimiento y control sobre personas, bienes y mercancías que ingresan al territorio de Estados Unidos por la frontera que comparten, así como la obligada cooperación para la seguridad física de instalaciones o regiones consideradas estratégicas dentro del perímetro de su seguridad nacional, política que quedó plasmada con la suscripción de la Alianza Fronteriza México-Estados Unidos² en marzo de 2002, ampliada con la firma de la Alianza para la Seguridad y la Prosperidad de América del Norte (ASPAN)³ en marzo de 2005, bajo el supuesto de hacer de América del Norte una región segura, con un crecimiento económico sostenible, mayor creación de empleos y mejores estándares de vida para los ciudadanos de los tres países (Estados Unidos como eje, acompañados de Canadá y México) y finalmente con la denominada Iniciativa Mérida⁴ en junio de 2008 (una copia del Plan Colombia que aún se sigue ejecutando en ese país), siendo éste plan una ayuda estadounidense dirigido a contribuir en el combate al narcotráfico y al crimen organizado en México y en Centroamérica.

Respecto a la Alianza para la seguridad fronteriza, este acuerdo es un plan de acción de 22 puntos, propuesto (debe leerse impuesto por los EE.UU.) en los que se definen acciones sin precedentes, como por ejemplo la vigilancia de las instalaciones estratégicas comunes, así como el paso de personas, vehículos y mercancías en un marco de mayor seguridad y

1 Schiavon et al. 2006, 8.

2 Emmerich 2003.

3 Elma del Carmen Trejo García et al., “Alianza para la Seguridad y la Prosperidad de América del Norte (ASPAN),” Servicio de Investigación y Análisis, Subdirección de Política Exterior de la Cámara de Diputados, July 2006, <http://www.diputados.gob.mx/sedia/sia/spe/SPE-ISS-02-06.pdf>.

4 Alma Arámbula Reyes, “Iniciativa Mérida. Compendio,” Servicio de Investigación y Análisis, Subdirección de Política Exterior de la Cámara de Diputados, June 2008, <http://www.diputados.gob.mx/sedia/sia/spe/SPE-CI-A-02-08.pdf>.

desde luego, la detección y detención de las migraciones masivas de mexicanos y personas de otras nacionalidades hacia Estados Unidos¹. Estas medidas de control y seguridad no han tenido hasta ahora un impacto positivo, por el contrario, lo que se percibe es que existe un alto grado de corrupción en ambos lados de la frontera, y que los estadounidenses se niegan a reconocer que sus autoridades, tanto federales como fronterizas, están ligadas de diversas maneras a los carteles mexicanos y a ciertos grupos del crimen organizado, particularmente a los grupos tratantes de personas indocumentadas.

Dicho de otra manera, las acciones realizadas por el gobierno estadounidense son pocas o nulas en el combate y/o control al narcotráfico, no se ha conseguido evitar la venta indiscriminada y la subsecuente exportación ilegal de diversos tipos de armamentos, tanto a su interior como en la franja fronteriza y por otra parte, insiste en culpar de todo a México o a los países productores del consumo interno de marihuana y distintos tipos de drogas, lo que no llega a producir un avance balanceado que privilegie la cooperación y la coordinación sino simplemente, presiona para que los "Estados involucrados" se subordinen a sus decisiones y directrices, con su clásica actitud de soberbia imperial.

En cuanto a la Alianza para la Seguridad y Prosperidad de América del Norte (también "propuesta" por los estadounidenses), desde un principio fue considerada como "tratado plus de libre comercio" (ASPAN o TLCAN ampliado), al tener como premisas consolidar una región segura, con un crecimiento económico sostenible, mayor creación de empleos y mejores estándares de vida para los ciudadanos de los tres países involucrados (México, EE.UU. y Canadá), ya que este documento parte de conceptos irrefutables cuando sostiene que los tres países enfrentan retos comunes: amenazas a la seguridad, desarrollo, desafíos al crecimiento económico desigual, por lo que sólo desde una perspectiva transicional podrá avanzarse; pero la realidad es que es un plan destinado a la construcción de un perímetro real y permanente para la seguridad estadounidense².

Una lectura puntual y pragmática de este documento, así como del informe posteriormente presentado desde junio de 2005 por los respectivos secretarios de Estado de los tres países involucrados, presupone que el aparente motor que anima la integración es el comercio, aunado a la prosperidad, pero ambos factores quedan sujetos a las acciones que desarrollen México y Canadá frente al terrorismo internacional y al combate al crimen transfronterizo, temas que están determinados en apartados específicos relativos a las acciones contra terroristas, la protección y respuesta a amenazas dentro de la región norteamericana, y la creación de fronteras eficientes y seguras, también llamadas "fronteras inteligentes"³.

Por otra parte, es un hecho que el factor político, entendiéndose éste como las connotaciones que se producen en época electoral en los EE.UU., influye en la relación bilateral de manera negativa toda vez que en las campañas llevadas a cabo por los candidatos a Representantes y Senadores e inclusive a nivel presidencial, así como los respectivos partidos políticos y los medios de comunicación estadounidense, sin olvidar a los grupos de extrema derecha, explotan en forma por demás irreflexiva los temas más conflictivos de la agenda bilateral entre ambos países, lo que definitivamente no contribuye a solucionar los mismos sino, por el contrario, sólo incrementa la tensión y los roces entre los dos países.

Sin quitarle ninguna responsabilidad a todos y cada uno de los actores políticos mexicanos y estadounidenses por la no solución de los problemas que aquejan a la relación

1 "Smart Border: 22 Point Agreement. U.S. – Mexico Border Partnership Action Plan," US Department of State Archive, accessed April 29, 2021, <https://2001-2009.state.gov/p/wha/rls/fs/8909.htm>.

2 Palacios et al. 2007, 117.

3 Benítez Manaut and Rodríguez Ulloa 2006.

bilateral, es necesario tomar en consideración el permanente juego de fuerzas entre los poderes Ejecutivo y Legislativo estadounidenses, en donde se ha podido apreciar que no todas las acciones en materia de política exterior y de seguridad, entre otras, son respaldadas por el Congreso estadounidense, incluyendo la negación del apoyo por parte del partido político al que pertenece el mandatario estadounidense en turno.

Ahora bien, no obstante a la estabilidad política mexicana y que el Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLCAN/NAFTA), ahora denominado Tratado México-Estados Unidos-Canadá (TMEC, por sus siglas en español); sigue siendo considerado como los elementos positivos en la relación bilateral, por decisión unilateral de los Estados Unidos, se ha optado por insertar en la agenda temas de seguridad, al apreciar que México está amenazado por los poderes –cada vez más fuertes– de los distintos carteles del narcotráfico y por las múltiples bandas del crimen organizado que operan en México (léase en ambos países), con la consecuente conexión entre los grupos delincuenciales en México y en los EE.UU., particularmente relacionados con el tráfico de personas migrantes. De ahí, que las presiones estadounidenses se hayan incrementado para que México extermine a la brevedad dichos peligros, al estar convencidos los estadounidenses de que son claves para fortalecer su seguridad fronteriza, pero sin hacer lo necesario para atacar de fondo dichos problemas en su territorio y actuando desde una posición de: hagan lo que digo, no lo que hago, ni tampoco lo que dejo de hacer.

También es necesario hacer notar que en esta relación se ha forjado una interdependencia y una vulnerabilidad en ambos sentidos¹, en donde los EE.UU. aprovechan la interdependencia para crear una profunda vulnerabilidad mexicana, haciendo un uso ilimitado de su poder económico-comercial-financiero, mismo que lo canaliza a través de un mejor posicionamiento político y desde luego, de una política exterior de Estado sumamente agresiva (intervencionismo desestabilizador), sin olvidar su poderío militar; todo lo contrario de México que al carecer de recursos económicos y financieros o de políticas consolidadas por los estadounidenses, continúa ejerciendo una política exterior coyuntural y con timidez a nivel presidencial y consecuentemente, no ha sabido aprovechar las vulnerabilidades estadounidenses, teniendo que aceptar los términos y condiciones dictados por la vecina potencia².

Por lo anterior, México tiene como principal responsabilidad estructurar la política exterior hacia ese país partiendo de una posición pragmática, lo que implica el análisis de los retos y oportunidades de esa vecindad inamovible; redefinir su forma de inserción en la economía mundial y la orientación de la estrategia global de su desarrollo económico. En otras palabras: no seguir dependiendo tanto del mercado estadounidense³. De la misma manera, existe como un recurso poco utilizado, el recurrir a las instancias internacionales pertinentes para denunciar las actitudes imperiales de un país que, aunque sea la mayor potencia mundial, no puede hacer a un lado el Derecho Internacional. En las conclusiones se enfocará puntualmente la actitud seria y mucho más responsable del actual Presidente mexicano Andrés Manuel López Obrador en cuanto a seguridad nacional y política exterior.

Instrumentos constitucionales y jurídicos

La Constitución fija las bases jurídicas en que se fundamentan las acciones del gobierno y pueblo para el establecimiento de la seguridad y defensa nacional. En

1 O'Neil 2013, 6.

2 José Luis de la Cruz Gallegos, "El costo de la dependencia," *Expansión*, June 4, 2019, <https://expansion.mx/opinion/2019/06/04/el-costo-de-la-dependencia>.

3 Enrique Quintana, "Dependeremos de EU en 2020," *El Financiero*, January 6, 2020, <https://www.elfinanciero.com.mx/opinion/enrique-quintana/dependeremos-de-eu-en-2020/>.

el artículo 26 se establece que corresponde al Estado la rectoría del desarrollo nacional, designándolo como el conductor y coordinador de esta vital actividad, misma que cumple ejerciendo el fortalecimiento al régimen democrático y mediante una planeación nacional que imprima solidez, dinamismo, permanencia y equidad de crecimiento¹.

Por su parte el artículo 29 regula las condiciones que deben anteceder a la suspensión parcial o total de las garantías individuales cuando se halle en peligro la seguridad nacional o se deba llevar a cabo la defensa del país, en casos de rebelión, invasión, perturbación grave de la paz pública o de cualquier otra que ponga a la sociedad en grave peligro o conflicto, todo lo anterior, con el propósito de que en forma rápida y ágil se haga frente a cualquiera de estas eventualidades.

Los artículos 31, fracciones II y III; 35, fracción IV y 36, fracción II, tienen como fin preservar el orden y la tranquilidad, así como la defensa del país. En el artículo 73, las fracciones XII, XIII, XIV y XV señalan las facultades que se otorgan al Congreso de la Unión para legislar en materia de declaración de la guerra; derecho marítimo de paz y guerra; levantar y sostener a las instituciones armadas del país; organizar y disciplinar a la Guardia Nacional, respectivamente, con lo que se determina el establecimiento permanente de las instituciones federales que garanticen la integridad y la independencia del país y su orden interno.

Por su parte el artículo 76, fracciones III y IV, faculta al Senado de la República, en el contexto político internacional, a autorizar el paso de tropas extranjeras por el territorio nacional; la salida de tropas nacionales al exterior y, la permanencia de escuadras extranjeras, por más de un mes, en aguas territoriales mexicanas. En el plano político interno, señala el consentimiento para que el Presidente de la República pueda disponer de la Guardia Nacional. El artículo 89, faculta y obliga al Presidente de la República a: disponer de la totalidad de la fuerza armada permanente para la seguridad interior y defensa exterior del país y; declarar la guerra en nombre de México.

Finalmente, el artículo 90 constitucional enuncia las bases sobre las que se llevarán a cabo las acciones de gobierno, fundamentalmente en lo que concierne a estructurar la forma en que, con el concurso de todas las entidades (Estados confederados), se tomarán las medidas adecuadas para el desarrollo, pero, además, instrumenta la manera en que administrativamente se deberá regir la acción de todas las dependencias pertenecientes a la administración pública.

Por otra parte, la Ley Orgánica de la Administración Pública Federal², indica las bases sobre las que se sustenta la organización de la Administración Pública Federal Centralizada y Paraestatal, por lo que puede decirse que reglamenta al artículo 90 constitucional, al tiempo que es distributiva de facultades y atribuciones para cada una de las dependencias de la propia administración.

Así, el Artículo 27, está dirigido a la Secretaría de Gobernación (Ministerio de Interior) se le asigna vigilar el cumplimiento de los preceptos constitucionales por parte de las autoridades del país, especialmente las garantías individuales y la conducción de la política interior. El artículo 28 le atribuye a la Secretaría de Relaciones Exteriores conducir la política exterior, interviniendo en toda clase de tratados, acuerdos y convenciones, así como participar en los organismos e instituciones internacionales de que el país forma parte y, por último, actuar en las cuestiones relacionadas con los límites territoriales del país y aguas internacionales. El artículo 29 cita para la Secretaría de la Defensa Nacional el despacho de los siguientes asuntos: organizar, administrar y preparar al Ejército y la Fuerza Aérea; organizar y preparar al Servicio Militar Nacional y planear, dirigir y manejar la movilización

1 "Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos," Cámara de diputados del H. Congreso de la Unión, accessed April 29, 2021, http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/1_280521.pdf.

2 "Ley Orgánica de la Administración Pública Federal," Gobierno de México, accessed April 29, 2021, https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/627458/LOAPF_110121.pdf.

del país en caso de guerra, formular y ejecutar, en su caso los planes y órdenes necesarios para la defensa del país y asesorar la defensa civil. El artículo 30 faculta a la Secretaría de Marina (Armada de México) organizar, administrar y preparar a la Armada y ejercer la soberanía en aguas territoriales, así como la vigilancia de las costas del territorio, vías navegables, islas nacionales y la Zona Económica Exclusiva.

Cabe destacar que también se tienen como base para el planeamiento de la seguridad nacional las leyes orgánicas de las Secretarías de la Defensa y de Marina (Armada de México), en las cuales se señalan sus respectivas misiones, las que pueden realizarse en forma conjunta y representan una de las formas por las que se tiende a conseguir la tranquilidad y paz sociales. Es necesario apuntar los múltiples acuerdos y tratados internacionales que legislan sobre diversos aspectos tendientes a la preservación de la soberanía y defensa nacionales por medios diplomáticos, tales como las convenciones de La Haya y los Convenios de Ginebra y desde luego, las Cartas de la Organización de las Naciones Unidas (ONU) y de la Organización de Estados Americanos (OEA), entre otras.

De igual manera, es necesario hacer notar que la Ley de Planeación¹, la que deriva del artículo 26 constitucional, contiene fundamentos importantes que facultan, con apego a derecho: desarrollar acciones en beneficio de la seguridad nacional; que sus disposiciones son de orden público e interés social, teniendo por objeto establecer las normas y principios básicos conforme a los cuales se llevará a cabo la planeación nacional del desarrollo; encausar las actividades de la Administración Pública Federal; las bases de integración y funcionamiento del Sistema Nacional de Planeación Democrática; las bases para que el Poder Ejecutivo coordine sus actividades de planeación con las de las entidades de la Federación, conforme a la legislación aplicable.

En síntesis, las Secretarías y organismos, así como los respectivos instrumentos jurídicos citados, privilegian un enfoque político y social de conjunto y de largo plazo en la atención de los retos y la solución de problemas nacionales en materia de seguridad nacional, defensa de la soberanía, preservación del Estado de Derecho, gobernabilidad democrática, seguridad pública, procuración de justicia y desempeño gubernamental apropiado. La seguridad nacional tiene como metas principales velar por la protección y preservación del interés colectivo, evitando en lo posible o minimizando cualquier riesgo o amenaza a la integridad física de la población y de las instituciones.

El concepto mexicano de seguridad nacional

En concordancia con diferentes Programas Nacionales de Desarrollo (PND), los que por cierto son los documentos rectores del Ejecutivo Federal, en los que se precisan los objetivos nacionales estrategias y prioridades del desarrollo integral y sustentable del país particularmente el del sexenio 2001-2006², se estableció que la soberanía consiste en preservar la integridad del territorio y asegurar en el mismo la vigencia del Estado de Derecho, con la supremacía de la Constitución Política y de las leyes que emanan de ella. Igualmente; son expresión de la soberanía el definir objetivos propios de desarrollo, promoverlos en el país y en el extranjero, y el fortalecer la identidad y la cultura nacional.

En otras palabras, los diferentes PND si bien cambian el lenguaje de acuerdo al Mandatario en turno, inclusive por naturaleza política misma, han ido insertando temas de la agenda mundial que de una u otra forma afectan al país, pero siempre han estado girando

1 "Ley de Planeación," Cámara de diputados del H. Congreso de la Unión, accessed April 29, 2021, http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/59_160218.pdf.

2 "Plan Nacional de Desarrollo 2001-2006," Secretaría de Gobernación, accessed April 29, 2021, http://dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=766335&fecha=30/05/2001.

en torno a los términos soberanía, integridad territorial, democracia y al Estado de Derecho, por lo que las concepciones de éstos términos pueden considerarse como las bases en la cual descansa la seguridad nacional.

Aquí, es necesario apuntar que la Constitución Política Mexicana ordena a los gobiernos “velar por la estabilidad de las finanzas públicas y el sistema financiero; planificar, conducir, coordinar y orientar la economía; regular y fomentar las actividades económicas y organizar un sistema de planeación democrática del desarrollo nacional que imprima solidez, dinamismo, competitividad, permanencia y equidad al crecimiento de la economía para la independencia y la democratización política, social y cultural de la nación”. Ante este mandato, se reitera a los PND como un instrumento para enunciar los problemas nacionales y numerar las soluciones en una proyección sexenal.

Cabe destacar que en los anteriores PND se identificaban las políticas de desarrollo y de seguridad nacional, pero quedaban en letra muerta toda vez que los distintos gobiernos federales no contaban con un componente jurídico conceptual y carecía de un instrumento que institucionalizara a la seguridad nacional y eslabonara los preceptos constitucionales acorde con las responsabilidades de Poder Ejecutivo en la materia.

Una de las respuestas a esta anómala situación que prevaleció durante mucho tiempo, puede ser que México no contaba ni cuenta con un concepto de seguridad nacional en torno al cual haya consenso, de hecho, los intentos por caracterizar a la seguridad realizados habían sido elementales e insuficientes, ya que por lo general se trata de textos que terminan señalando que la seguridad se da ante la ausencia de peligro o que la seguridad del país se ha materializado en tanto la realización de los objetivos nacionales no enfrentan fuerzas contrarias que inhiban su cumplimiento. Sin dejar de ser cierta esta apreciación, la definición termina siendo obvia.

Así, por ejemplo, de las tres últimas versiones del Plan Nacional de Desarrollo (2000-2018), la de 2004 muestra una preocupación mayor que las anteriores por incluir elementos y conceptos alusivos en materia de seguridad, sin embargo, siendo un documento dedicado al desarrollo, las inserciones sobre seguridad resultaban forzadas, poco claras e insuficientes. Esta situación podría tener su explicación en el hecho de que a pesar de haberse reconocido el carácter prioritario de los asuntos relacionados con la seguridad, no se había logrado conformar un concepto propio, ni una doctrina, ni una ley federal, ni una política nacional para la seguridad de México, por lo que el país tendía a reaccionar casuísticamente a las constantes amenazas y agresiones directas provenientes tanto del interior como del exterior, situación que inició un período de transformación con la Ley de Seguridad Nacional (LSN)¹ emitida el 31 de diciembre de 2004.

En cuanto a la visión de la política exterior desarrollada por mucho tiempo, relacionada siempre con la seguridad nacional, contemplaba que ésta debería promover los intereses de México (intereses nacionales) a nivel internacional los que indefectiblemente están ligados a la política interna y cuyo objetivo principal es el “intensificar la participación e influencia de México en los foros multilaterales, desempeñando un papel activo en el diseño de la nueva arquitectura internacional”, mediante la promoción de posiciones comunes sobre asuntos de interés nacional; promover la constitución de un orden internacional bajo la premisa de igualdad soberana de los Estados; ampliar la capacidad de acción para multiplicar su influencia en el ámbito mundial y otorgar un mayor peso a las posiciones mexicanas en el sistema internacional; así como establecer consensos en temas de interés común para hacer frente a los grandes temas de la agenda internacional.

1 “Ley de Seguridad Nacional,” Cámara de diputados del H. Congreso de la Unión, accessed April 29, 2021, http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf_mov/Ley_de_Seguridad_Nacional.pdf.

Igualmente es digno de destacar lo establecido en el artículo 11 de la LSN, que se refiere a los requisitos que deben reunir los titulares de las instituciones de Seguridad Nacional, particularmente el inciso III “acreditar la capacidad y experiencia para el desempeño de la función”. Al respecto cabe recordar que la Constitución Política, en su artículo 89, fracción II, faculta al Primer Mandatario para que nombre y remueva libremente a los funcionarios que integran su Gabinete de Gobierno. Una primera reflexión sobre lo asentado, puede llevar a considerar que, en un régimen político como el mexicano, resulta sumamente difícil y se pondría en entredicho al Presidente de la República si éste designa a alguna persona que “no cumpla con los requisitos”, dándose por hecho que todos son “competentes”, aun cuando no lo sean.

Ahora bien, definiendo debidamente los diferentes tipos de seguridad, es preciso recordar que a las disposiciones internas en todos los ámbitos del quehacer nacional de los Estados-Nación que son competencia directa de los correspondientes poderes ejecutivos, deben tender a proporcionar el bien común y público (seguridad interna). A la regionalización del mundo para la mejor promoción, impulso y defensa de los intereses nacionales se le identifica como seguridad externa y a la evaluación de las tendencias para detectar los cambios en el entorno se le conceptúa como seguridad estratégica.

Esta definición del papel de México en el campo geopolítico es sin lugar a duda una realidad que fue utilizada durante mucho tiempo, amparada precisamente en su política principista y defensiva, que sirvió para los efectos hasta que tuvo que enfrentar y participar con decisión en los grandes problemas mundiales, paradójicamente ese impulso y dinamismo internacional, acotó su accionar interno al no estructurar y adecuar sus leyes y reglamentos sobre la materia.

Al estar definido el accionar hacia su interior, estas definiciones le permitirán facilitar la coordinación entre los diversos organismos y dependencias de la Administración Pública Federal responsables de la defensa y de la seguridad nacional, dando así coherencia, unidad y amplitud de visión a las decisiones en la materia que le seguirán correspondiendo tomar al Presidente de la República.

Además, las agencias de inteligencia dependientes del Poder Ejecutivo (CIN, las pertenecientes al Ejército, Armada de México y Guardia Nacional), deberán tender a mejorar su eficiencia y su sistema de investigación, información y análisis para la seguridad nacional y no como anteriormente se desempeñaban, es decir, seguir siendo instituciones de espionaje o de persecución interna.

Conclusiones

Si bien es cierto los hechos consumados muestran a la seguridad nacional mexicana dirigida al interior del país, su seguridad continental depende en mucho de la seguridad nacional estadounidense; también es cierto que ha ejercido una política exterior más pragmática e inclusive opuesta a la adoptada por los Estados Unidos de América, partiendo y teniendo como respaldo jurídico al Derecho Internacional; en el plano interno y externo, sus principios de política exterior están claramente plasmados en la Constitución Política del país: Autodeterminación de los pueblos; No intervención; Solución pacífica de controversias internacionales; Proscripción de la amenaza o el uso de la fuerza en las relaciones internacionales; Igualdad jurídica de los Estados; Cooperación internacional para el desarrollo y, Lucha por la paz y la seguridad internacional.

Es pertinente llevar a la atención dos aspectos fundamentales de la actual posición mexicana en cuanto a seguridad y política exterior: los artículos adheridos recientemente (2021) a la Ley de Seguridad Nacional son un revés a las políticas intervencionistas estadounidenses en México, por lo tanto, es un problema mayúsculo que tendrá que hacer frente el gobierno del Presidente López Obrador. Al respecto, es preciso destacar que México históricamente ha flexibilizado la libre operación y circulación de agentes pertenecientes a las principales agencias de seguridad y de espionaje estadounidense sobre territorio mexicano. Dicho de otra manera, en los regímenes anteriores, nunca se pudo comprobar que la soberanía nacional mexicana era real y verdadera.

En cuanto al nuevo accionar en política exterior, destaca el reclamo mexicano hacia los Estados Unidos de finalizar el bloqueo ilegal contra Cuba por más de seis décadas, solicitando al Presidente Biden a tomar una decisión basada en el humanismo y no en política, independientemente de enviar a Cuba un barco con carburante para los hospitales, así como otro barco con ayuda alimenticia, vacunas e implementos médicos para combatir el Covid en ese país. Por si fuera poco, estos "desafíos/rebeldía", el Presidente López Obrador propuso sustituir a la Organización de los Estados Americanos (OEA) por un organismo autónomo, en clara referencia a la histórica genuflexión de dicha organización, a quien acompañan gobiernos americanos afines a las decisiones unilaterales e intromisión permanente en los asuntos internos de infinidad de Estados latinoamericanos y caribeños por parte de los estadounidenses.

Ahora bien, todo parece indicar que ambos países entran de frente a una relación más seria y profunda que normalmente se ha distinguido por la de "vecinos distantes", matizada por sensaciones de indignación y necesidad, pero al mismo tiempo y como se señaló al principio, siempre han reflejado una interdependencia y vulnerabilidad mutua.

Bajo los antecedentes históricos es difícil avizorar una transformación radical sobre la actual dinámica, el statu quo de la agenda bilateral muy probablemente permanecerá y consecuentemente, ni a corto ni a mediano plazo se resolverán los problemas que tensan constantemente las relaciones entre los dos países en distintas materias, particularmente migración, delincuencia organizada, tráfico de drogas y otras sustancias nocivas a la salud y, desde luego, seguridad nacional, especialmente en su vertiente de terrorismo, expresión que siempre la interpretarán los Estados Unidos desde su personal óptica.

Sin embargo, México tiene la oportunidad de reducir su vulnerabilidad con la primera potencia mundial, mediante bases sólidas y acciones de largo alcance. Una relación en ese sentido tendrá buenas perspectivas siempre y los gobiernos republicanos o demócratas, tengan un discurso político coherente con su accionar; aborden la movilidad humana como un fenómeno de análisis holístico, y también se hagan responsables de su participación en los tradicionales problemas que afectan la seguridad, asumiendo compromisos y buscando contrapesos.

No hay fórmulas mágicas ni menos milagros que puedan coadyuvar a solucionar la complicada relación entre dos vecinos incómodos. A ambos países sólo les queda trabajar a profundidad con ahínco, decisión y respeto mutuo. La reflexión final es que los EE.UU. necesitan entender que la injerencia interna en países "vecinos, socios y amigos" como México, de ninguna manera beneficia los lazos oficiales entre los dos países. Siempre será mejor una mayor cooperación que permita coadyuvar en los principales problemas que aquejan a los dos países, toda vez que por más poderoso que sea ese país es utópico que pueda hacerlo solo. La soberbia puede ser, al final, el principal enemigo estadounidense,

así como la inoperancia en el ámbito de la “seguridad” no aplicada y su indecisión política, puede convertir a México en un eterno rehén de las decisiones y actos estadounidenses.

México se apresta ahora a desarrollar una doctrina sobre seguridad nacional, mediante la cual podrá guiar la identificación, previsión y evaluación de los factores que la ponen en riesgo, así como las estrategias a seguir, bajo un manto jurídico que protege las garantías legales y constitucionales de sus ciudadanos y, por lo tanto, sujeto a los criterios de operación propios de un estado democrático.

→ Referencias

Benítez Manaut, Raúl, and Carlos Rodríguez Ulloa. “Seguridad y fronteras en Norteamérica: Del TLCAN a la ASPAN.” *Frontera Norte* 18, no. 35 (2006): 7–28.

Emmerich, Gustavo Ernesto. “México–Estados Unidos: Frontera eficiente, pero no abierta.” *Frontera norte* 15, no. 29 (2003): 7–33.

Keller, Renata. “Mexico–US Relations from Independence to the Present.” In *Oxford Research Encyclopedia of American History*. Oxford: Oxford University Press, 2016. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199329175.013.269>.

O’Neil, Shannon K. *Two Nations Indivisible. Mexico, The United States and the Road Ahead*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Palacios, Juan Manuel Sandoval, and Alberto Betancourt Posada. *La hegemonía estadounidense después de la guerra en Irak*. Madrid: Plaza y Valdes, 2007.

Schiavon, Jorge A., Daniela Spenser, and Mario Vazquez Olivera. *La historia de las relaciones internacionales de México (siglos XIX y XX): La búsqueda de una nación soberana*. Santa Fe: Centro de Investigación y Docencia Económicas, 2006.

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-19-31>

Национальная безопасность Мексики и США. Между американской гордыней и неэффективностью

© В.У. Рамирес Лавалье, 2021

Виктор Уго Рамирес Лавалье, магистр (дипломатия и международные отношения), профессор Ибероамериканского университета Пуэблы (Мексика)

Для корреспонденции: 72810, Мексика, Пуэбла, бул. Нино Поблано, 2901

Статья поступила в редакцию: 07.05.2021

Доработана после рецензирования: 11.06.2021

Принята к публикации: 28.06.2021

E-mail: Vhrl1@gmail.com

Для цитирования: Ramírez Laval, Víctor Hugo. "Seguridad nacional México-Estados Unidos de América. Entre la soberbia y la inoperancia" [National security of Mexico and USA. Between pride and ineffectiveness]. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 19–31. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-19-31>. [In Spanish]

→ Аннотация

В статье особое внимание уделяется генезису отношений и документов в сфере национальной безопасности, которые определяют взаимоотношения Мексики с США, рассматриваются рамки и результаты этих отношений, концепция и конституционные основы национальной безопасности и обороны Мексики.

В рамках исследования примечателен тот факт, что в середине марта 2021 года в Мексику прибыла американская делегация во главе с Робертой Джейкобсон, бывшим послом США в Мексике, занимавшей на тот момент в результате назначения Президента Дж. Байдена должность Координатора Белого дома по вопросам границы с Мексикой. Обе делегации заявили, что главной темой переговоров станет обеспечение упорядоченной, безопасной и законной миграции в регионе, прогресс в реализации Комплексного плана развития северного региона Центральной Америки, однако по сути, главной темой станет национальная безопасность США. Другими словами, регулирование миграционных потоков из Мексики и стран так называемого Северного треугольника (Гватемала, Гондурас и Сальвадор).

Вышеупомянутые темы не являются новыми в двусторонней повестке дня США и Мексики, и в этой связи складывается впечатление, что правительство президента Дж. Байдена намерено пересмотреть политику Дональда Трампа в отношении миграции, уделяя особое внимание национальной безопасности, используя менее агрессивную риторику, без угроз продолжить возведение пограничной стены, но, в свою очередь, более жесткую с политической точки зрения. Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным рассмотреть правовые основы, изложенные преимущественно в Конституции, на которые опирается Мексика, и которые позволяют ей надлежащим образом вести переговоры и в то же время иметь четкое видение текущего состояния национальной безопасности между двумя странами.

→ Ключевые слова

Национальная безопасность Мексики и США, основные двусторонние инструменты, правовые конституционные основы Мексики

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>

Dependency Theory: developments and contributions to international relations

© Vitor Lengruber, 2021

Vitor Lengruber, researcher, Catholic University of Petrópolis (Brazil)
For correspondence: 25685-100, Brazil, Rio de Janeiro, Petrópolis, Rua Barão do Amazonas, 124

E-mail: vitor.lengruber@gmail.com

Received: 20.05.2021

Revised: 19.06.2021

Accepted: 04.07.2021

For citation: Lengruber, Vitor. Dependency Theory: developments and contributions to international relations. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 32–49. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>.

→ Abstract

A number of scholars have recently pointed out that International Relations (IR) is a discipline mostly formulated from the modern European political experience and philosophical developments, although it proposes to address international issues. Various critics point to the Eurocentric nature of IR theory (IRT), or argue that Europe's modern history cannot properly elucidate the past and the present of non-Western regions. In an attempt to turn IR into a truly international discipline, scholars from non-Western regions have provided their own local contributions (e.g. concepts, historical experiences, philosophies, etc.). This intellectual movement also aims to offer a better explanation of their respective regions. Although Latin America's Dependency Theory is not widely recognized as a proper IRT itself, this paper argues that it may contribute to it. The article is divided into three sections. The first section elaborates two criticisms of the Eurocentric approach to International Relations and its theories. The second briefly presents the thinking of the Dependencistas (Fernando Henrique Cardoso and Enzo Faletto, Ruy Marini, and Samir Amin, although the latter is French-Egyptian), as well as that of the ECLA. And the third argues that Dependency Theory might contribute to IRT in three ways: (1) by acknowledging that problems, and thus interests, are not homogeneously universal, it emphasizes the need of local solutions for local problems; (2) it is sensitive to non-traditional actors, such as multinational companies and domestic economic groups; (3) it understands the international arena as hierarchically constituted by a core-periphery rivalry.

→ Keywords

Latin America, Dependency Theory, International Relations theory, dependency, Core-Periphery

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Introduction¹

Several scholars have pointed out recently that International Relations (IR) is a discipline mostly formulated from the modern European political experience and philosophical developments, although it proposes to address international issues. Various critics, including Amitav Acharya, Barry Buzan and others, point to the Eurocentric feature of IR theory (IRT), while others such as David Kang argue that Europe's modern history cannot properly elucidate the past and the present of non-Western regions. In an attempt to turn IR into a truly international discipline, scholars from non-Western regions, including India, China, and the Islamic world, have provided their own potential local contributions (e.g. concepts, historical experiences, philosophies, etc.). This intellectual movement also aims to offer a better explanation of their respective regions. From this viewpoint, the objective of this paper is to demonstrate that Latin America's Dependency Theory may also offer contributions to IR theory. The article is thus divided into three sections. The first elaborates two criticisms of the Eurocentric nature of International Relations and its theories. I argue first that mainstream IR approaches are incapable of properly explaining international phenomena outside the West (e.g. East Asia, Africa, and Latin America), and, second, that mainstream IRT denies non-Western actors the possibility of agency. The second section briefly presents the thinking of the Dependencistas, as well as that of the ECLA: Fernando Henrique Cardoso and Enzo Faletto; Ruy Marini; and Samir Amin. The paper uses Amin's conclusions to demonstrate that Dependency Theory is not homogeneous, but is rather composed of different theoretical perspectives. Although the hypothesis itself is similar. The last section argues that Dependency Theory could contribute to IRT in three ways: (1) acknowledging that problems, and thus interests, are not homogeneously universal, it emphasizes the need of local solutions for local problems; (2) it is sensitive to non-traditional actors, such as multinational companies and domestic economic groups; (3) it understands the international arena as hierarchically constituted by a core-periphery rivalry.

Eurocentrism and International Relations

This section references a number of researchers who have been actively engaged in the discussion to construct two major arguments on the Eurocentric character of International Relations. The official history of International Relations (IR) can trace its origins to 1919, when the Woodrow Wilson Chair of International Politics was established at Aberystwyth University in the United Kingdom. The Chair aimed to investigate the causes of war and peace in order to avoid conflicts similar to that of the First World War (1914–1918). Since then, the so-called Great Debates have developed the discipline throughout the decades. The First Great Debate took

1 I began this research during my time on the BRICS Educational Internship Program at the Far Eastern Federal University (FEFU), Russia, under the coordination of Dr. Andrei Kozinets. It is currently being developed within the Research Group on Decolonial Thought and Southern Epistemologies (GEPDES-UCP), part of the International Relations programme at Catholic University of Petrópolis and is coordinated by Dr. Tiago Sales. The arguments presented here represent the preliminary findings of my research.

place between Idealists (e.g. Woodrow Wilson and Norman Angell) and Realists (e.g. Edward Carr and Hans Morgenthau). The Second Great Debate emerged during in the 1950s and 1960s and was characterized by methodological discussions. It revolved mostly around the Anglo-Saxon community: while the English School defended the historiographical tradition, American scholars advocated for the use of rigid and classificatory methods, similar to those used in the natural sciences, in the new discipline. The Third Great Debate is known as the inter-paradigm debate. The discussions centered around three different perspectives: Realism (e.g. Kenneth Waltz), Liberalism (e.g. Robert Keohane and Joseph Nye), and Marxism (e.g. Ellen Wood and Immanuel Wallerstein). The Last Great Debate, characterized by epistemological discussions between positivists and post-positivists, is known as the philosophical expansion of the discipline, since new approaches challenged the traditional ways of developing IR theory. The brief contextualization of IR's own history and evolution demonstrates that it is mostly a Western discipline.¹ That said, two problems arise.

First, introducing a set of theoretical abstractions drawn from the philosophical and historical experience of Western Europe, and later the United States, International Relations has become a discipline that proposes to explain international phenomena, although it is not truly based on international experience.² Realism, for example, emphasizes the chaotic political experience present in the writings of classical European authors such as Thucydides, Niccolò Machiavelli, and Thomas Hobbes to explain why different unities would supposedly behave similarly throughout history.³ There are three crucial elements to understand IR's standard Realism: (i) the nature of the international system; (ii) power politics; (iii) the balance of power mechanism. Realism diagnoses the international arena as an anarchic structure. In other words, unlike the domestic realm of nation-states, the international system is characterized by the absence of a Leviathan responsible for managing the interaction among states. This kind of international system would result in the imperative for power accumulation. Since each state could not trust one another completely due to the absence of an international Leviathan, the best strategy to ensure its own survival would be through the pursuit of power. The national interests of states are thus defined in terms of power. Therefore, in an environment where the unities calculate their movements based on the same rationality, the international system would be organized by the logic of the balance of power. Given that the states would act in such a way as to maximize their gain of relative power, the dynamics of world politics would be settled by A's need to ally with B against C, depending on the position they occupy in the international distribution of power. Thus, the balance of power is both a particular set of the international system and a strategy to preserve it.⁴

However, when applied to non-Western regions, Realism is incapable of properly addressing two issues. First, defining national interests in terms of power politics ignores the fact that both national interests and theoretical discourses are regionalized. For Africa, it may be about marginalization; for Latin America dependency and for Asia growth.⁵ For example, in several moments of its history, Brazil's foreign policy was guided by national interests defined in terms of economic modernization and development, rather than power.⁶ Post-apartheid South Africa, especially in the 1990s, conducted its foreign relations with the aim of modifying its international image and challenging the discourse of African marginality.⁷ The case of Bolivia is also significant. In 2014, the country's Ministry of Foreign Affairs issued a document

1 Acharya and Buzan 2019.

2 See Rob Walker 1993, 16: IR theories "can be understood as expressions of the *Pax Britannica* and *Pax Americana* in which they have largely been constructed."

3 See Thucydide 2009; Machiavelli 2005; Hobbes 1968.

4 Morgenthau 1960; Waltz 1979.

5 Acharya 2011.

6 Cervo and Bueno 2002; Vigevari and Cepaluni 2009.

7 Bizzo and Lengruher 2020; Mandela 1993; Van Wyk 2004.

listing the achievements of its foreign policy since 2006. The document declared that Bolivian “foreign policy is the reflection of the thought and culture of the original peasant population and of the indigenous peoples that constitute the historical subject of the Democratic and Cultural Revolution and is also their modest contribution to the construction of a different world. The fundamental principle of Bolivia’s foreign policy is *Vivir Bien* [Living Well], which in international relations means establishing relationships of complementarity, balance, cooperation, and solidarity among all the states and peoples of the world, in the perspective of overcoming the alienation of the human being in his individual and collective condition, but also of overcoming the alienation of nature as the source of all forms of life.”¹ Second, proposing a theoretical approach built on the modern Westphalian system of constant balancing between European politically centralized actors (e.g. the Thirty Years’ War, the Concert of Europe, etc.) disregards interactions, orders, and systems that are not based on power considerations.² David Kang and Liam Kelley, for instance, explain why Realism is incapable of understanding the stable political dynamics that prevailed in East Asia for over 600 years.³ Rather than military or economic calculations, “cultural explanations account for the remarkable stability of the East Asian international order” between the fourteenth and the nineteenth centuries.⁴ Put differently, in East Asia, status, not relative power, defined an actor’s place in the system. Another example is given by Raymond Cohen and Raymond Westbrook: the Amarna system, “the first international system known to us.”⁵ Rodolfo Ragionieri also notes that, “the Amarna Age represents an exciting challenge for the scholar of international relations (IR) because it opens a window on the formation of the first significant, extended international society in the history of humankind. This process took place in a political, ideological, and economic environment totally different from that which favored the expansion of the states of Christian Europe into our present global international society.”⁶

Although these critics seem to belong to a distant past, they are not. Karen Smith, for example, demonstrates how the universalized European-derived conception of the International defined by interactions among sovereign nation-states aware of the inside–outside division is inadequate to understand the African “international” relationship. Instead, she argues, IR scholars should rely on the philosophy of Ubuntu, a world view from the Nguni language family, which comprises the Zulu, Xhosa, Swati, and Ndebele peoples in Southern Africa, to have a better comprehension of the political dynamics in Africa, especially those involving South Africa.⁷ Smith claims that Ubuntu could also contribute to IR by offering an alternative approach towards the friend–enemy and inside–outside dichotomy, as well as the notion of

1 “La Revolución Democrática y Cultural y su Política Exterior: Memoria 2006–2013,” Ministerio de Relaciones Exteriores del Estado Plurinacional de Bolivia, accessed October 6, 2020, <https://www.cancilleria.gob.bo/webmre/node/1242>. In original Spanish (p. 58): “La política exterior es el reflejo del pensamiento y la cultura de la población campesina originaria y de los pueblos indígenas que constituyen el sujeto histórico de la Revolución Democrática y Cultural y es también su modesto aporte a la construcción de un mundo diferente. El principio fundamental de la política exterior de Bolivia es el *Vivir Bien*, que en materia de relaciones internacionales significa establecer relaciones de complementariedad, equilibrio, cooperación y solidaridad entre todos los estados y pueblos del mundo, en la perspectiva de alcanzar la superación la enajenación del ser humano en su condición individual y colectiva, pero también de superar la enajenación de la naturaleza como fuente de todas las formas de vida. *Vivir Bien* es un proyecto civilizador que implica armonía entre todas las formas de vida, un proyecto alternativo al capitalismo como forma enajenante de la sociedad y la naturaleza.”

2 Buzan and Little 1994, 2010.

3 Kang 2012, 2018; Kelley 2005.

4 Kang 2012, XIII.

5 Cohen and Westbrook 2000, 4. The Amarna system was a complex of interactions between Babylonia, Egypt, Mittani, Assyria, Hatti, and other minor independent states in the 14th century BC.

6 Ragionieri 2000, 42.

7 Although the translation of Ubuntu to other languages is difficult, one may understand its meaning as “people are people through other people”. Variants of it also exist in other sub-Saharan African languages, such as the Sotho, Pedi and Tswana.

human rights and the role of peace-keeping missions.¹ On the pivot to Asia, scholars have frequently affirmed that “the theoretical perspectives of neorealism and liberal institutionalism that have dominated the field of international relations for decades are not adequate to explain Russian foreign policy.”² They have thus pointed to Eurasianism and the civilizational dimension of Russia’s foreign policy as an alternative approach to understanding the country.³ Nonetheless, unlike the theoretical proposals developed in Asia and Africa based on native worldviews or historical experiences, the same is hardly possible in Latin America due to its different colonial experience.⁴ America was “the foundational continent of colonialism, and therefore of modernity;” it was “the first test laboratory for racism in the service of colonialism.”⁵ The eradication of the culture and identity of the native American peoples and the African diaspora by a violent colonial encounter that began in the early 16th century has made it difficult to access these potential contributions.⁶ This may be explained by Homi Bhabha’s concept of hybridism, “a mode of appropriation and of resistance, from the disciplined to the desiring.”⁷ Although researchers could rely on indigenous movements such as the Mexican Zapatismo, or Afro-American cultural communities such as Brazil’s quilombos to access such knowledge, this could explain why Latin America is represented in IR by Dependency Theory instead of a more abstract approach like China’s Tianxia.⁸

Second, IRT often denies the possibility of agency to non-Western actors. In 1979, Kenneth Waltz wrote that it would be “ridiculous to construct a theory of international politics based on Malaysia and Costa Rica.”⁹ These words, however, are not relics of the past. As Amitav Acharya, Arlene Tickner, and Andrei Tsygankov, amongst others, have demonstrated, even nowadays IR is unwilling to accept epistemologies, ideas, and narratives from non-Western actors. That is, rather than contributing to a discipline proposed to address international questions, the non-Western world is perceived as the laboratory where the knowledge produced in the West is applied.¹⁰ Ronald Chipaike and Matarutse Knowledge, for example, argue that, “Africa is apparently only useful for generating sensationalised reports of human suffering, not for contributing to any serious discussion of world politics.”¹¹ But Acharya explains that, “the origins of the Responsibility to Protect (R2P) norm, usually attributed to a Canadian-proposed commission, cannot be understood without its African context and advocacy.” Similarly, “the ideas of human development and human security were pioneered by South Asian development economists: Mahbub ul Haq of Pakistan and Amartya Sen of India.”¹²

One major problem may be highlighted as a result: denying agency to non-Western actors makes International Relations a discipline which marginalizes non-Western concerns.

1 Smith 2012. See also: Ngcoya 2015.

2 Kanet 2012, 397. See also: Leichtova 2014; Sergounin 2009.

3 Lengruher 2020; Shkaratan 2015; Solovyev 2004; Tsygankov 2016, 2017.

4 For Asian contributions to IR theories, see: Acharya 2011; Behera 2010; Chong 2010; Inoguchi 2009; Andrei Kozinets, “Non-Western Approaches in International Relations Theory: Review of Chinese and Indian Experience” (PhD diss., Far Eastern Federal University, 2018) [In Russian]. For African contributions, see: Amin 1990; Grovogui 2006; Mazrui 1977; Schoeman 2009; Ofuho 2009.

5 Ballestrin 2013, 110. In original Portuguese: “o continente fundacional do colonialismo, e, portanto, da modernidade; [...] primeiro laboratório de teste para o racismo a serviço do colonialismo.”

Here, the use of America, instead of Latin America, is intentional as the latter is a recent concept conceived outside the region known as Latin America – although the countries that are part of it assume a Latin American identity. The concept was created in the second half of the 19th century by Napoleon III, the nephew of Napoleon I, as a strategy to implement a pan-Latin political project.

6 Beier 2002; Gilroy 1993.

7 Bhabha 1994, 120.

8 See: Acharya 2019; Bruyneel 2007; Coulthard 2014; Do Nascimento 1980, 1989; Lander 2005; Mignolo 2011.

9 Waltz 1979, 72.

10 Acharya 2014; Ticker 2003 (b); Tsygankov 2008.

11 Chipaike and Knowledge 2018, 2.

12 Acharya 2014, 6.

The problem of race and racism is a great example. As indicated by scholars, “IR was born in the age of empire, and for the first few decades of its history it was explicitly occupied with questions of colonial administration and the justification of racial supremacy.”¹ It is no coincidence that the original title of the popular journal *Foreign Affairs* was *Journal of Race Development*, demonstrating what early IR was about. Although IR scholars started to develop approaches more sensitive to those questions at the end of the 20th century, in the 1920s W.E.B. Du Bois was already conscious of this dynamic. Du Bois argued that race and racism were the fundamental organizing principles of world politics, asserting that “the problem of the twentieth century is the problem of the color-line – the relation of the darker to the lighter races of men in Asia and Africa, in America and the islands of the sea.”² Alexander Anievas, Nivi Manchanda, and Robbie Shilliam published an important volume recently demonstrating that “the problem of the twenty-first century is equally the problem of the colour line.” Racist practices still are “the *modus operandi* of international relations.”³ For instance, in June 2020, after pressure from African states following the murder of George Floyd on May 25, the UN High Commissioner for Human Rights, Michelle Bachelet, called for joint international actions to combat racism, demonstrating that it is an international matter, and not an issue restricted to national boundaries or disciplines such as Sociology, Anthropology or Political Science.⁴ When non-Western actors are able to exercise agency in IR, there is an excessive focus on policy-related research, although Carlos Escudé and Mohammed Ayooob's theoretical contributions may be mentioned. As Tickner and Blaney explain, “much of non-core IR tends to be descriptions of local or regional events and problems instead of theory (or conceptualization of the world).” The ECLA itself was created in the late 1940s to address the problem of underdevelopment.⁵

This section presented two critiques of the Eurocentric nature of International Relations. First, it argued that theoretical frameworks in IR propose to understand international phenomena, although they are based on the Western philosophical and historical experience. Especially in Realism, such limitations have resulted in analytical blindness to the possibility of heterogeneous national interests and political interactions which are not anchored to power considerations. Second, it argued that IRT denies the possibility of agency to non-Western actors, resulting in the marginalization of non-Western concerns. The next section presents the origins and developments of Dependency Theory.

Dependency Theory: Origins and Developments

Dependency Theory, which is part of the Marxist tradition, is considered the first Latin American approach to development and international insertion. Its main representatives are Raúl Prebisch, Celso Furtado, Fernando Henrique Cardoso, Enzo Faletto, Theotônio dos Santos, Ruy Marini and Samir Amin, although the latter is French-Egyptian. Dependency Theory aims to understand why some countries, especially those in Latin America, have not achieved the same level of development as other regions, for instance Western Europe. In other words, what can explain the general underdevelopment of Latin American, Asian and African countries? Grounded on theoretical and empirical research, the central hypothesis is that this underdevelopment is the result of historical economic

1 Bhambra et al., 2020.

2 Du Bois 2007, 15. See also: Du Bois 1925, 1935, 1938.

3 Anievas et al. 2015, 10. See also: Chin 2009; Le Melle 2009.

4 “Statement by Michelle Bachelet, UN High Commissioner for Human Rights, 17 June 2020,” United Nations Human Rights Office of the High Commissioner, accessed October 12, 2020, <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25968&LangID=E>.

5 Ayooob 1998, 2003; Escudé 1992, 1995; Tickner and Blaney 2012, 8; Tickner 2009; Schoeman 2009.

relations. That is, underdevelopment is the product of economic dynamics exercised by the central capitalist economies that restrict the choices of peripheral countries and hold them back from pursuing autonomous development. In this perspective, peripheral countries are supposed to assume a submissive and dependent role under global capitalism and the international division of labor.¹

It is worth mentioning that Dependency Theory does not constitute a unique and homogeneous school of thought. Rather, it is a theoretical body with several ramifications. The first discussions and investigations were conducted within the scope of the United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean, established in 1948, and the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), established in 1964, in an intellectual movement which were to a large extent a reaction to the recommendations made by Modernization Theory.² The ideas elaborated by Raúl Prebisch and Celso Furtado were soon criticized by Enzo Faletto and Fernando Henrique Cardoso, who called for a sociological approach in their 1969 book *Dependency and Development in Latin America*.³ Later on, Ruy Marini and Samir Amin provided a revolutionary reading of Faletto and Cardoso's critiques.⁴ José Hage categorizes Fernando Henrique Cardoso and Faletto's thinking as *reformist* and Marini's as *revolutionary*.⁵ Although the historical developments of Dependency Theory are far more complex, such categorization could be assumed for didactic purposes.

Before proceeding to the reformist thinking, we should first briefly analyze the discussions made within the ECLA. As we have already mentioned, the ECLA emerged at a time when Modernization Theory was being widely contested by intellectuals. Modernization Theory stated that underdeveloped countries were unable to reach a high level of development due to specific domestic processes and features hampering their transition to modernity. That is, the only way for these countries to thrive would be to incorporate modern Western values, institutions, and practices.⁶ In an attempt to offer an alternative explanation and solution to underdevelopment, the ECLA, under the administration of Raúl Prebisch, demonstrated that the expansion of capitalism around the world in the 19th century, the subsequent construction of the international division of labor, and the insertion of Latin American nations in this system have produced asymmetrical relations between the core and peripheral economies. According to the ECLA, the changes in the relative price of manufactured and primary products tend to benefit the producers of the former and prejudice the producers of the latter in the long term. As a result, Latin America would inevitably import industrialized products from the United States and export commodities to Western Europe. This diagnosis led the ECLA to propose the adoption of import substitution industrialization policies. "Industrialization is not an end in itself, but the principal means at the disposal of those countries of obtaining a share of the benefits of technical progress and of progressively raising the standard of living of the masses."⁷ In this perspective, the industrialization and the consequent development of an autonomous capitalism would allow Latin America to alter its position in the international division of labor and overcome the underdevelopment.

Although this policy was widely adopted by Latin American countries such as Brazil and Mexico in the 1950s, the gap between central and peripheral economies, as

1 Viotti and Kauppi 2012.

2 Valenzuela and Valenzuela 1978.

3 Cardoso and Faletto 1979.

4 Amin 1977, 1990; Marini 1991.

5 Hage 2013.

6 Tickner 2003 (a). For critics towards the notion of modernity, see: Jones 2015.

7 "The Economic Development of Latin America and its Principal Problems," United Nations, accessed October 14, 2020, https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/29973/002_en.pdf?sequence=1&isAllowed=y; Furtado 1965.

well as social inequalities, sectoral imbalances, and dependence on foreign investments, remained.¹ In this scenario, Fernando Henrique Cardoso and Enzo Falletto published a book underlining the importance of analyzing social and political aspects, yet assuming that underdevelopment is a product of capitalist expansion and the economies of these countries becoming part of this system according to their productive apparatuses. For Cardoso and Falletto, the different stages of development among nations are determined by domestic and international factors: “analysis is complete only when the economic and the social have their reciprocal determinations defined at the internal and external levels.”² In the external dimension, the authors point to the international division of labor, which would reflect the economic and political domination of the core-periphery structure as the source of Latin American underdevelopment and dependency. But internal factors, especially class relations, would also play a crucial role. Emphasizing the historical relationship between dependent societies and the global capitalist system, Cardoso and Falletto identified the existence of strategic coalitions and shared interests between economic and political elites in the core and the periphery and assigned the responsibility for constructing dependent relationships to such dynamics. In other words, (under)development is the result of a social process. As such, underdevelopment would not only be caused by the international core; it would also depend on how the periphery conducts a concentrator development strategy. The solution proposed was to reorganize the political and social relations of domestic groups and their interactions with groups from the core and take advantage of economic opportunities through an alliance between national capital, international capital, and the state. That is, dependent nations could accommodate themselves in the capitalist system in an attempt to reap certain benefits and achieve some degree of development, although it would still be dependent on the core.³

As Tickner demonstrates, one of the central hypotheses defended by Cardoso and Falletto is that the social, economic, and political evolution of Latin American countries varied depending on whether export-oriented growth was characterized by national control or by foreign-controlled enclave economies. These “two types of insertion into the global economy, which were characterized by distinct dominant class configurations, led to diverse possibilities in terms of the nature of the state, the structure of class domination, the incorporation of the middle and popular classes, and respective levels and types of national development. Capitalism acquired concrete manifestations in distinct national contexts, depending upon the ways in which local, class, and state interests were historically constituted and articulated.”⁴ Decades later, Cardoso would say: “Instead of a homogenous periphery we sought out different forms of interrelation that linked developing countries with the central economies. Some were ‘enclave type’ economies, whose growth was dependent on foreign investment in mineral extraction or food production; others were already semi-industrialised economies, with relatively strong domestic markets. On top of that, in some countries, domestic capital accumulation made possible the formation of a ‘national’ bourgeoisie while in others, foreign capital was predominant; very often local and foreign entrepreneurs formed an intertwined production chain.”⁵

In turn, Ruy Marini attaches a revolutionary character to the critiques made by Cardoso and Falletto. When explaining Marini’s thinking, Hage states that Latin America’s subordinate position is due to the American and European imperialist attacks throughout the region’s history. Even identifying industrialization processes, Marini argues that there

1 Bulmer-Thomas 2003.

2 Cardoso and Falletto 1979, 28.

3 See also: Cardoso 1972.

4 Tickner 2003 (a), 328.

5 Cardoso 2017, 16.

are tensions between nationalism and capital import. Therefore, industrialism would not burst with imperial logic since the latter could integrate itself with the former by transferring capital or outdated technologies. In other words, Latin America would still import machinery and capital in an unequal trade. Marini explains: "Latin American industrialization thus corresponds to a new international division of labor, in which the lower stages of industrial production are transferred to dependent countries (note that the steel industry, which was a distinctive sign of classical industrial economics, has become generalized to such a degree that countries such as Brazil already export steel), reserving the most advanced stages (such as the production of computers and the heavy electronic industry in general, the exploitation of new sources of energy, such as the one with nuclear origin, etc.) and the monopoly of the corresponding technology for the imperialist centers."¹ Thus, only initiatives which adopt international violence as a strategy, as occurred in Cuba, Algeria, and China, could burst the dependency logic. This would be the role of revolutionary wars.²

Samir Amin should also be mentioned here. For Amin, the dependent state is a mechanism of domination by the national and international bourgeoisie. In this perspective, the external pressure put on the elites on the periphery to exploit the population and export economic surpluses to the core would inevitably lead to a national and socialist revolution. After this diagnosis, the author argues that peripheral underdevelopment is the result of the exploitation of the peripheral proletariat by the bourgeoisie in the core. In other words, Amin is describing an international class struggle expressed in the inter-state struggle. Amin concludes that the periphery's integration into the capitalist system is responsible for its underdevelopment and the increasing economic gap between the core and the periphery. Therefore, the author proposes a delinking strategy; that is, the disconnection from the capitalist international division of labor and the adoption of an autonomous development project. "Amin's idea of delinking is not synonymous with autarky, but refers to a project that aims to compel the system to adjust to peripheral needs, rather than adjusting to align with the needs of the core."³

This section presented the contributions of Fernando Henrique Cardoso and Enzo Faletto, Ruy Marini, and Samir Amin, as well as the ECLA's early proposals, although many more authors have participated in and contributed to the development of Dependency Theory. Considering their respective proposals, these authors may be categorized as reformists or revolutionaries, as demonstrated by Hage. Since Cardoso and Faletto acknowledge the possibility of development within the condition of dependency, they are classified as reformists. Marini and Amin, on the other hand, propose a break with the (imperial) condition of dependency through the use of force. Therefore, both approaches may be classified as revolutionary. In the next section, we will justify why non-Western perspectives are important to International Relations and give an overview of the main criticisms of Dependency Theory that expose its internal ramifications (e.g. the reformist versus the revolutionary approach). This will help us demonstrate how this perspective on development may contribute to IR theories.

1 Marini 1991, 43. In original Spanish: "La industrialización latinoamericana corresponde así a una nueva división internacional del trabajo, en cuyo marco se transfieren a los países dependientes etapas inferiores de la producción industrial (obsérvese que la siderurgia, que correspondía a un signo distintivo de la economía industrial clásica, se ha generalizado al punto de que países como Brasil ya exportan acero), reservándose a los centros imperialistas las etapas más avanzadas (como la producción de computadoras y la industria electrónica pesada en general, la explotación de nuevas fuentes de energía, como la de origen nuclear, etc.) y el monopolio de la tecnología correspondiente."

2 Hage 2013.

3 Amin 1977, 1990; Kvangraven 2017, IX.

Potential Contributions to IRT

Marcelo Medeiros, Israel Barnabé, Rodrigo Albuquerque, and Rafael Lima performed a content analysis of articles published in 35 journals in Argentina, Brazil, Colombia, Chile, Uruguay, and Venezuela between January 2006 and December 2014. As they explain, “due to (1) the scarcity of strictly IR journals in those countries (only Brazil, Colombia and Chile have exclusive publications), (2) the fact that IR researchers publish in journals from different fields regularly, and (3) the interdisciplinarity that characterizes this area of study,” the scope of the study was enlarged “to include journals from IR-related fields, such as Political Science, Sociology, History, Economics, Anthropology and Law.”¹ According to the research, the theories predominantly used in these articles were: Liberalism (31.22%), Realism (26.92%), Constructivism (12.80%), Post-Modernism/Post-Colonialism (11.92%), Marxism (11.62%), Critical Theory (10.09%), English School (9.79%) and Feminism (4.17%). The authors also isolated Dependency Theory from Marxism, and concluded that its importance has declined over the years: “the fact that in total it was present in only 184 articles from a total of 424 Marxist ones indicates that, even within this theoretical frame, Dependency Theory is not a dominant approach.”² As part of the Marxist tradition, an approach already marginalized in IR studies, Dependency Theory has few adherents in the region where it was developed. Nevertheless, Dependency Theory could offer at least three contributions to IRT and the analysis of global politics.

First, the main concern of Dependency Theory is the issue of underdevelopment. That is, it is concerned with a regional problem, although, as we have demonstrated, it has international roots. And it affects the lives of millions of Latin Americans – not to mention people in other peripheral regions – on a daily basis. Topics that are typically discussed include the international economic structure, the role played by international economic and financial organizations, autonomy, unequal trade, the hegemony of the capitalist core, the distribution of economic surplus, the exploitation of national resources, etc. In other words, Dependency Theory demonstrates (and it is quite different from Modernization Theory in this regard) that, since problems and challenges are historically and regionally defined, their solutions should also be regionally determined, taking each particular experience and condition into account. Bolivia is again a good example here. As we mentioned earlier, *Vivir Bien* was the central principle of Bolivian foreign policy during the Evo Morales administration. In addition to prioritizing the representation of indigenous communities, the *Vivir Bien* principle exemplifies Bolivia’s main concerns and foreign policy objectives: “*Vivir Bien* is a civilizing project that implies harmony between all forms of life, an alternative project to capitalism as an alienating form of society and nature.”³ The country did not see the neoliberal practices that widely advertised as the answer to underdevelopment in the 2000s as the solution to its problems. Rather, Bolivia adopted a development program characterized by public control and the expansion of social assistance projects.⁴

Second, Dependency Theory appears sensible to non-traditional actors, such as international organizations, domestic political and economic groups, social classes, etc. Thus, it is capable of identifying the dynamics involving those actors. For instance, a number of studies have been conducted that demonstrate the influence of

1 Medeiros et al., 2016, 7.

2 Ibid., 13.

3 “La Revolución Democrática y Cultural.” In original Spanish (p. 58): “*Vivir Bien* es un proyecto civilizador que implica armonía entre todas las formas de vida, un proyecto alternativo al capitalismo como forma enajenante de la sociedad y la naturaleza.”

4 Filho et al. 2010.

certain domestic groups (i.e., the economic elite) in defining Brazil's foreign policy.¹ Similarly, international organizations (including the World Bank) have manipulated economic data to undermine the international credibility of peripheral countries such as Chile during the socialist administrations of Michelle Bachelet (2006–2010 and 2014–2018).² In Africa, the role of multinational companies in ensuring that peripheral countries remain dependent on the core has been discussed ever since the days of Kwame Nkrumah, who denounced the use of foreign capital "for the exploitation rather than for the development of the less developed parts of the world."³

Third, Dependency Theory diagnoses the international arena as a system divided between a center and a periphery. In other words, the international system is not characterized by horizontal interactions, but rather by a vertical dynamic. Dependency Theory thus exposes the imperative for peripheral nations to break away from this condition through reforms or revolutions and achieve autonomous development. For example, during the negotiations on the Free Trade Area of the Americas (FTAA) in the late 1990s and early 2000s, many of the discussions revolved around the advantages that developed countries, mainly the United States and Canada, would obtain at the expense of Latin America. In this perspective, the Brazilian diplomat Samuel Pinheiro Guimarães identified the FTAA as "a far-reaching American strategic operation with long-term political, economic and military objectives."⁴ In the economic sphere, Guimarães argued that Washington's main instrument would be to exert pressure on Latin American countries to adopt neoliberal policies (a move that would weaken underdeveloped states due to the deregulation of their economies) and accept a hemispheric commercial and financial liberalization. He went on to say that, "the American economic objective is to establish a unique economic territory in the Americas, with free movement of goods, services and capital, but without free movement of labor, especially that of less qualified workers, and gradually adopt the dollar as a hemispheric currency, whose issue and circulation would be under exclusive American control."⁵ The FTAA never got off the ground due to opposition from many Latin American countries, such as Brazil and Venezuela. Later on, Latin American and Caribbean regional economic integration projects (which excluded the United States and Canada) would be adopted in an attempt to develop the region from within. One of them is the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC), which aims to be a forum for development cooperation and political consultation.⁶

The objective of this paper was to outline potential contributions that Latin America's Dependency Theory could offer to IRT. To achieve this, the first section criticized the Eurocentric character of IRT and demonstrated the importance of opening the discipline to other perspectives, experiences and approaches, while the second briefly presented the central hypothesis shared by Dependencistas and the arguments constructed Cardoso and Faletto; Marini; and Samir Amin. The last section argued that the Dependency Theory may

1 Carvalho 2003; Oliveira 2003; Oliveira and Onuki 2007.

2 Rocio Montes, "Banco Mundial Admite que Manipulou Dados sobre o Chile contra o Governo de Bachelet," *El País*, January 14, 2018, https://brasil.elpais.com/brasil/2018/01/14/economia/1515899491_574904.html.

3 Nkrumah 1966, X. See also: Adar and Ajulu 2002; Oluwaniyi 2018; Otusanya 2011; Zeleza 2003.

4 Guimarães 2001, 119.

5 *Ibid.*, 120.

6 "Comunidade dos Estados Latino-Americanos e Caribenhos – CELAC," Ministério da Educação e Cultura do Brasil, accessed October 18, 2020, <http://portal.mec.gov.br/component/content/article?id=20742:comunidade-dos-estados-latino-americanos-e-caribenhos-celac>; Silva and Silveira 2012.

contribute to IRT in three ways: first, acknowledging that problems, and thus interests, are not homogeneously universal, it emphasizes the need of local solutions for local problems; second, it is sensitive to non-traditional actors, such as multinational companies and domestic economic groups; and third, it understands the international arena as hierarchically constituted by a core-periphery rivalry. However, the conclusions we have drawn here are not immune to criticism. If our aim is to explore exactly what Dependency Theory has to offer IRT in terms of providing a better understanding the world, farther inter and intra-disciplinary discussions are required.

→ References

- Acharya, Amitav, and Barry Buzan. *The Making of Global International Relations: Origins and Evolution of IR at its Centenary*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Acharya, Amitav. "Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Beyond the West." *Millennium Journal of International Studies* 39, no. 3 (2011): 619–637. <https://doi.org/10.1177/0305829811406574>.
- Acharya, Amitav. "From Heaven to Earth: 'Cultural Idealism' and 'Moral Realism' as Chinese Contributions to Global International Relations." *The Chinese Journal of International Politics* 12, no. 4 (2019): 467–494. <https://doi.org/10.1093/cjip/poz014>.
- Acharya, Amitav. "Global International Relations (IR) and Regional Worlds." *International Studies Quarterly* 39, no. 3 (2014): 619–637. <https://doi.org/10.1111/isqu.12171>.
- Adar, Gombe, and Rok Ajulu. *Globalization and Emerging Trends in African States' Foreign Policy-Making Process*. Aldershot: Ashgate, 2002.
- Amin, Samir. *Imperialism and Unequal Development*. New York and London: Monthly Review Press, 1977.
- Amin, Samir. *Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure*. London: Zed Books, 1990.
- Anievas, Alexander, Nivi Manchanda, and Robbie Shilliam, eds. *Race and Racism in International Relations: Confronting the Global Colour Line*. Abingdon and New York: Routledge, 2015.
- Ayoob, Mohammed. "Inequality and Theorizing in International Relations: The Case of Subaltern Realism." *International Studies Review* 4, no. 3 (2003): 27–48. <https://doi.org/10.1111/1521-9488.00263>.
- Ayoob, Mohammed. "Subaltern Realism: International Relations Theory Meets the Third World." In *International Relations Theory and the Third World*, edited by Stephanie Neumann, 31–54. New York: St. Martin's Press, 1998.
- Ballestrin, Luciana. "América Latina e o Giro Decolonial". *Revista Brasileira de Ciência Política* 11 (2013): 89–117. <https://doi.org/10.1590/S0103-33522013000200004>.
- Behera, Navnita. "Re-Imagining IR in India." In *Non-Western International Relations Theory: Reflections on and Beyond Asia*, edited by Amitav Acharya and Barry Buzan, 92–116. Abingdon: Routledge, 2010.
- Beier, Marshall. "Beyond Hegemonic State(ment)s of Nature: Indigenous Knowledge and Non-State Possibilities in International Relations." In *Power, Postcolonialism and International Relations: Reading Race, Gender and Class*, edited by Geeta Chowdhry and Sheila Nair, 82–114. London and New York: Routledge, 2002.
- Bhabha, Homi. *The Location of Culture*. London and New York: Routledge, 1994.
- Bizzo, Luiza, and Vitor Lengruber. "African Union: Mbeki's South Africa Policy for Africa." *Brazilian Journal of African Studies* 5, no. 9 (2020): 169–187. <https://doi.org/10.22456/2448-3923.97993>.
- Bruyneel, Kevin. *The Third Space of Sovereignty: The Postcolonial Politics of U.S.–Indigenous Relations*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007.
- Bulmer-Thomas, Victor. *The Economic History of Latin America Since Independence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Buzan, Barry, and Richard Little. "The Idea of 'International System': Theory Meets History." *International Political Science Review* 15, no. 3 (1994): 231–255.

- Buzan, Barry, and Richard Little. "World History and the Development of Non-Western International Relations Theory." In *Non-Western International Relations Theory: Reflections on and Beyond Asia*, edited by Amitav Acharya and Barry Buzan, 197–220. Abingdon: Routledge, 2010.
- Cardoso, Fernando, and Enzo Faletto. *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1979.
- Cardoso, Fernando. "Notas sobre el Estado Actual de los Estudios sobre Dependencia". *Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales* 4 (1972): 325–350.
- Cardoso, Fernando. "The Future of Latin America in the Global Economy. An Interview with Fernando Henrique Cardoso." *International Development Policy* 9 (2017): 16–22. <https://doi.org/10.4000/poldev.2348>.
- Carvalho, Maria. "Estruturas Domésticas e Grupos de Interesse: a Formação da Posição Brasileira para Seattle" [Domestic Structures and Interest Groups: the Formation of the Brazilian Position for Seattle]. *Contexto Internacional* 25, no. 2 (2003): 363–401. <https://doi.org/10.1590/S0102-85292003000200005>. [In Portuguese]
- Cervo, Amado, and Clodoaldo Bueno. *História da Política Exterior do Brasil* [History of Brazil's Foreign Policy]. Brasília: Editora Universidade de Brasília, 2002. [In Portuguese]
- Chin, Christine. "Claiming Race and Racelessness in International Studies." *International Studies Perspective* 10, no. 1 (2009): 92–98. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3585.2008.00361.x>.
- Chipaike, Ronald, and Matarutse Knowledge. "The Question of African Agency in International Relations." *Cogent Social Sciences* 4, no. 1 (2018): 1–16. <https://doi.org/10.1080/23311886.2018.1487257>.
- Chong, Alan. "Southeast Asia: Theory Between Modernization and Tradition?" In *Non-Western International Relations Theory: Reflections on and Beyond Asia*, edited by Amitav Acharya and Barry Buzan, 117–147. Abingdon: Routledge, 2010.
- Cohen, Raymond, and Raymond Westbrook. *Amarna Diplomacy: The Beginnings of International Relations*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2000.
- Coulthard, Glen. *Red Skin, White Masks: Rejecting the Colonial Politics of Recognition*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014.
- Do Nascimento, Abdias. *Brazil: Mixture or Massacre? Essays in the Genocide of a Black People*. Dover: First Majority Press, 1989.
- Do Nascimento, Abdias. "Quilombismo: An Afro-Brazilian Political Alternative." *Journal of Black Studies* 11, no. 2 (1980): 141–178.
- Du Bois, William E.B. *The Souls of Black Folk*. New York: Oxford University Press, 2007.
- Du Bois, William E.B. "Black Africa Tomorrow." *Foreign Affairs* 17, no. 1 (1938): 100–110. <https://doi.org/10.2307/20028906>.
- Du Bois, William E.B. "Inter-Racial Implications of the Ethiopian Crisis: a Negro View." *Foreign Affairs* 14, no. 1 (October 1935): 82–92. <https://doi.org/10.2307/20030704>.
- Du Bois, William E.B. "Worlds of Color." *Foreign Affairs* 3, no. 3 (1925): 423–444. <https://doi.org/10.2307/20028386>.
- Escudé, Carlos. *El Realismo de los Estados Débiles*. Buenos Aires: GEL, 1995.
- Escudé, Carlos. *El Realismo Periférico*. Buenos Aires: Planeta, 1992.
- Filho, Clayton, Rodrigo Gonçalves, and Ariane Déa. "The National Development Plan as a Political Economic Strategy in Evo Morales's Bolivia: Accomplishments and Limitations." *Latin American Perspectives* 37, no. 4 (2010): 177–196.
- Furtado, Celso. "Development and Stagnation in Latin America: A Structuralist Approach." *Studies in Comparative International Development* 1 (1965): 159–175. <https://doi.org/10.1007/BF02800594>.
- Gilroy, Paul. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*. Cambridge: Harvard University Press, 1993.
- Grovogui, Siba. *Beyond Eurocentrism and Anarchy: Memories of International Order and Institutions*. Basingstoke: Palgrave, 2006.
- Guimarães, Samuel. *Quinhentos Anos de Periferia: uma Contribuição ao Estudo da Política Internacional* [Five Hundred Years of Periphery: a Contribution to the Study of International Politics]. Porto Alegre and Rio de Janeiro: Ed. Universidade/UFRGS/Contraponto, 2001. [In Portuguese]

Hage, José. "A Teoria da Dependência: Uma Contribuição aos Estudos de Relações Internacionais" [The Dependency Theory: a Contribution to International Relations Studies]. *Revista Política Hoje* 22, no. 1 (2013): 106–136. [In Portuguese]

Hobbes, Thomas. *Leviathan*. Baltimore: Penguin Books, 1968.

Inoguchi, Takashi. "Japan, Korea, and Taiwan: Are One Hundred Flowers about to Bloom?" In *International Relations Scholarship around the World*, edited by Arlene Tickner and Ole Wæver, 86–102. Abingdon and New York: Routledge, 2009.

Jones, Branwen. "'Good Governance' and 'State Failure': the Pseudo-Science of Statesmen in Our Times." In *Race and Racism in International Relations: Confronting the Global Colour Line*, edited by Alexander Anieles, Nivi Manchanda and Robbie Shilliam, 62–80. Abingdon and New York: Routledge, 2015.

Kanet, Roger. "Russia in the New International Order: Theories, Arguments and Debates." *International Politics* 49, no. 4 (2012): 393–399. <https://doi.org/10.1057/ip.2012.6>.

Kang, David, and Xinru Ma. "Power Transitions: Thucydides Didn't Live in East Asia." *The Washington Quarterly* 41, no. 1 (2018): 137–154. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2018.1445905>.

Kang, David. *East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. New York: Columbia University Press, 2012.

Kelly, Liam. *Beyond the Bronze Pillars: Envoy Poetry and the Sino-Vietnamese Relationship*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2005.

Kvangraven, Ingrid et al. *Dialogues on Development. Volume 1: Dependency*. New York: Institute for New Economic Thinking, 2017.

Lander, Edgardo, ed. *A Colonialidade do Saber: Eurocentrismo e Ciências Sociais. Perspectivas Latino-Americanas* [The Coloniality of Knowledge: Eurocentrism and Social Sciences. Latin American Perspectives]. Buenos Aires: CLACSO, 2005. [In Portuguese]

Leichtova, Magda. *Misunderstanding Russia: Russian Foreign Policy and the West*. Surrey: Ashgate, 2014.

Le Melle, Tilden. "Race in International Relations." *International Studies Perspectives* 10, no. 1 (2009): 77–83. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3585.2008.00359.x>.

Lengruber, Vitor. "Russia's 'Civilizational' Foreign Policy (2012–2018): A Neo-Eurasianist Explanation." In *Russia in the Asia-Pacific Conference Proceedings*, 248–249. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2020.

Machiavelli, Niccolò. *The Prince*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Mandela, Nelson. "South Africa's Future Foreign Policy." *Foreign Affairs* 72, no. 5 (1993): 86–97. <https://doi.org/10.2307/20045816>.

Marini, Ruy. *Dialéctica de la Dependencia*. México: Ediciones Era, 1991.

Mazrui, Ali. *Africa's International Relations: the Diplomacy of Dependency and Change*. London: Heinemann, 1977.

Medeiros, Marcelo et al. "What Does the Field of International Relations Look Like in South America?" *Revista Brasileira de Política Internacional* 59, no. 1 (2016): 1–31. <https://doi.org/10.1590/0034-7329201600104>.

Mignolo, Walter. *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*. Durnham and London: Duke University Press, 2011.

Morgenthau, Hans. *Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace*. New York: Knopf, 1960.

Ngcoya, Mvuselelo. "Ubuntu: Toward an Emancipatory Cosmopolitanism?" *International Political Sociology* 9, no. 3 (2015): 248–262. <https://doi.org/10.1111/ips.12095>.

Nkrumah, Kwame. *Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism*. New York: International Publishers, 1966.

Ofuho, Cirino. "Africa: Teaching IR Where It's not Supposed to Be." In *International Relations Scholarship around the World*, edited by Arlene Tickner and Ole Wæver, 71–85. Abingdon and New York: Routledge, 2009.

Oliveira, Amâncio, and Janina Onuki. "Grupos de Interesses e a Política Comercial Brasileira: a Atuação na Arena Legislativa" [Interest Groups and Brazilian Commercial Policy: Performance in the Legislative Arena]. *Papéis Legislativos* 8 (2007): 1–20. [In Portuguese]

Oliveira, Marcelo. *Mercosul: Atores Políticos e Grupos de Interesses Brasileiros* [Mercosur: Political Actors and Brazilian Interest Groups]. São Paulo: Editora UNESP, 2003. [In Portuguese]

Oluwaniyi, Oluwatoyin. "The Role of Multinational Oil Corporations (MNOCS) in Nigeria: More Exploitation Equals Less Development of Oil-Rich Niger Delta Region." *Brazilian Journal of African Studies* 3, no. 6 (2018): 143–162.

Otusanya, Olatunde. "The Role of Multinational Companies in Tax Evasion and Tax Avoidance: the Case of Nigeria." *Critical Perspectives on Accounting* 22, no. 3 (2011): 316–332. <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2010.10.005>.

Ragionieri, Rodolfo. "The Amarna Age: An International Society in the Making." In *Amarna Diplomacy: the Beginnings of International Relations*, edited by Raymond Cohen and Raymond Westbrook, 42–53. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2000.

Schoeman, Maxi. "South Africa: Between History and a Hard Place." In *International Relations Scholarship around the World*, edited by Arlene Tickner and Ole Wæver, 53–70. Abingdon and New York: Routledge, 2009.

Sergounin, Alexander. "Russia: IR at a Crossroads." In *International Relations Scholarship around the World*, edited by Arlene Tickner and Ole Wæver, 223–241. Abingdon and New York: Routledge, 2009.

Shkaratan, Ovsyey. "The Eurasian Vector of Russia's Development." In the *Eurasian Project and Europe: Regional Discontinuities and Geopolitics*, edited by David Lane and Vsevolod Samokhvalov, 25–37. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2015.

Silva, André, and Isadora Silveira. "Da ALCA à CELAC: o Brasil e os Desafios da Integração Continental" [From the FTAA to CELAC: Brazil and the Challenges of Continental Integration]. *Brazilian Journal of International Relations* 1, no. 3 (2012): 425–447. <https://doi.org/10.36311/2237-7743.2012.v1n3.p424-447>. [In Portuguese]

Smith, Karen. "Contrived Boundaries, Kinship and *Ubuntu*: a (South) African View of 'the International.'" In *Thinking International Relations Differently*, edited by Arlene Tickner and David Blaney, 301–321. Abingdon and New York: Routledge, 2012.

Solovyev, Eduard. "Geopolitics in Russia – Science or Vocation?" *Communist and Post-Communist Studies* 37, no. 1 (2004): 85–96. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2003.12.009>.

Thucydides. *The Peloponnesian War*. New York: Oxford University Press, 2009.

Tickner, Arlene, and David Blaney. "Introduction: Thinking Difference." In *Thinking International Relations Differently*, edited by Arlene Tickner and David Blaney, 1–24. Abingdon and New York: Routledge, 2012.

Tickner, Arlene. "Hearing Latin American Voices in International Relations Studies." *International Studies Perspectives* 4, no. 4 (2003(a)): 325–350. <https://doi.org/10.1111/1528-3577.404001>.

Tickner, Arlene. "Latin America: Still Policy Dependent after all these Years?" In *International Relations Scholarship Around the World*, edited by Arlene Tickner and Ole Wæver, 32–52. Abingdon and New York: Routledge, 2009.

Tickner, Arlene. "Seeing IR Differently: Notes from the Third World." *Millennium: Journal of International Studies* 32, no. 2 (2003(b)): 295–324. <https://doi.org/10.1177/03058298030320020301>.

Tsygankov, Andrei. *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016.

Tsygankov, Andrei. "In the Shadow of Nikolai Danilevskii: Universalism, Particularism, and Russian Geopolitical Theory." *Europe-Asia Studies* 69, no. 4 (2017): 571–593. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1335691>.

Tsygankov, Andrei. "Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates." *International Studies Review* 10, no. 4 (2008): 762–775.

Valenzuela, Samuel, and Arturo Valenzuela. "Modernization and Dependency: Alternative Perspectives in the Study of Latin American Underdevelopment." *Comparative Politics* 10, no. 4 (1978): 535–557. <https://doi.org/10.2307/421571>.

Van Wyk, Jo-Ansie. "South Africa's Post-Apartheid Foreign Policy: a Constructivist Analysis." *Politeia* 23, no. 3 (2004): 103–136.

Vigevani, Tullo, and Gabriel Capulini. *Brazilian Foreign Policy in Changing Times: the Quest for Autonomy from Sarney to Lula*. New York: Lexington Books, 2009.

Viotti, Paul, and Mark Kauppi. *International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. New York: Pearson Education, 2012.

Walker, Rob. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

Zelesa, Paul. *Rethinking Africa's Globalization. Volume 1: The Intellectual Challenges*. Trenton: Africa World Press, 2003.

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>

Теория зависимости: ее разработка и вклад в международные отношения

© Витор Ленгрубер, 2021

Витор Ленгрубер, исследователь, Католический университет
Петрополиса (Бразилия)
Для корреспонденции: 25685-100, Бразилия, Рио-де-Жанейро, Петрополис,
ул. Барао до Амазонас, 124

E-mail: vitor.lengruber@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.05.2021

Доработана после рецензирования: 19.06.2021

Принята к публикации: 04.07.2021

Для цитирования: Ленгрубер, Витор. Теория зависимости: ее разработка и вклад в международные отношения. *Иberoамериканские тетради*. 2021, 9(1): 32–49. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>.

→ Аннотация

Ряд ученых в своих последних исследованиях отмечают, что международные отношения – это дисциплина, в основном, сформировавшаяся на основе современного европейского политического опыта и философских воззрений, хотя она предлагает решать международные проблемы. Различные критики указывают на евроцентрический характер теории МО или утверждают, что современная история Европы не может должным образом осветить прошлое и настоящее незападных регионов. Пытаясь превратить МО в дисциплину международного значения, ученые из незападных регионов внесли свой определенный вклад в ее развитие. Это научное направление также стремится предложить более корректное объяснение ситуации, сложившейся в соответствующих регионах. Хотя латиноамериканская теория зависимости не получила широкого признания в качестве полноценной теории МО, в этой статье автор утверждает, что она может внести добавочное знание в эту теорию. Статья разделена на три раздела. В первом разделе излагаются два критических подхода к европоцентризму в международных отношениях и его теориям. Во втором кратко представлены взгляды исследователей, работающих в данном направлении (т.н. *Dependentistas* – Фернандо Энрике Кардозу и Энцо Фалетто, Руй Марини и Самир Амин, хотя последний и является французом египетского происхождения), а также позиция Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна. В третьем разделе автор доказывает, что теория зависимости может способствовать развитию теории МО

трем способами: (1) признавая, что проблемы и, следовательно, интересы не являются универсальными, она подчеркивает необходимость локальных решений локальных проблем; (2) она позволяет уделять дополнительное внимание нетрадиционным участникам, таким как транснациональные компании и внутригосударственным экономическим/ финансовым группам; (3) она оценивает международную арену в качестве иерархического образования, порожденного соперничеством по линии центр-периферия.

→ Ключевые слова

Латинская Америка, теория зависимости, теория международных отношений, зависимость, ядро-периферия

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>

Teoría de la dependencia: desarrollos y contribuciones de las Relaciones Internacionales

© Vitor Lengruber, 2021

Vitor Lengruber, Investigador de la Universidad Católica de Petrópolis (Brasil) E-mail: vitor.lengruber@gmail.com
Para la correspondencia: 25685-100, Brasil, Rio de Janeiro, Petrópolis, calle Barão do Amazonas, 124

Recibido: 20.05.2021

Revisado: 19.06.2021

Aceptado: 04.07.2021

Para citar: Lengruber, Vitor. Teoría de la dependencia: desarrollos y contribuciones de las relaciones internacionales. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 32–49. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>.

→ Resumen

Actualmente varios investigadores han señalado que las Relaciones Internacionales (RRII) es una disciplina formulada principalmente a partir de la experiencia política europea moderna y los desarrollos filosóficos, sin embargo, se propone abordar asuntos internacionales. Varios críticos señalan que la naturaleza eurocéntrica de la Teoría de las Relaciones Internacionales (TRI), dentro de la historia de Europa, no puede dilucidar adecuadamente el pasado y el presente de las

regiones no occidentales. En un intento de convertir las RRll en una disciplina netamente internacional, los especialistas de las regiones no occidentales han proporcionado sus propias definiciones locales (por ejemplo, conceptos, experiencias históricas, filosofías, etc.). Asimismo, se tiene como objetivo dar una mejor explicación de cada región. Aunque la Teoría de la dependencia de América Latina no es ampliamente reconocida como una TIR propia, este artículo argumenta que puede contribuir a ella. El artículo se divide en tres secciones. La primera sección desarrolla dos críticas al enfoque eurocéntrico de las RRll y sus teorías. La segunda presenta brevemente el pensamiento de los dependentistas (Fernando Henrique Cardoso y Enzo Faletto, Ruy Marini, y Samir Amin, aunque el último dependentista es franco-egipcio), así como CEPAL. Y la tercera argumenta que la Teoría de la dependencia podría contribuir a la TIR de tres maneras: (1) al reconocer que los problemas, y los intereses, no son homogéneamente universales, enfatizando la necesidad de dar soluciones locales para los problemas locales; (2) susceptibilidad a los actores no tradicionales, como las empresas multinacionales y los grupos económicos nacionales; (3) entendimiento del escenario internacional y constituido jerárquicamente por una rivalidad de la estructura centro-periferia.

→ Palabras clave

América Latina, Teoría de la Dependencia, Teoría de las Relaciones Internacionales, dependencia, Estructura centro-periferia

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Международные отношения • Relaciones internacionales

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>

Периферийный реализм Карлоса Эскуде

© А.А. Еремин, 2021

Еремин Аркадий Алексеевич, к.ист.н., старший научный сотрудник,
старший преподаватель кафедры теории и истории международных
отношений РУДН, Москва (Россия)

Для корреспонденции: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

E-mail: eremin-aa@rudn.ru

Статья поступила в редакцию: 30.05.2021

Доработана после рецензирования: 01.07.2021

Принята к публикации: 15.07.2021

Для цитирования: Еремин А.А. Периферийный реализм Карлоса Эскуде. *Иberoамериканские тетради*. 2021, 9(1): 50–61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>.

→ Аннотация

В настоящей статье анализируется теоретическое направление, возникшее в рамках неореализма в 1990-х гг. благодаря аргентинскому политологу Карлосу Эскуде. Автор предпринимает попытку комплексного анализа положений изначальной теории 1992 г. и сопоставляет их с современными реалиями в сфере международных отношений. Автор также проводит компаративный анализ оригинальной теории и ее пересмотренного варианта 2016 г. с целью проследить динамику развития последней. Главной задачей исследования является ответ на вопрос: возможно ли отнести теорию периферийного реализма к так называемым незападным теориям международных отношений? В первую очередь в основе работы лежит глубокий анализ теоретической базы периферийного реализма К. Эскуде на основе главных его работ 1992 и 1995 гг., а также анализ последующих вариаций теории образца 2012 и 2015 гг. Также в исследовании используется метод сравнительного анализа, в рамках которого особенности и теоретические положения каноничных «больших» теорий международных отношений (в особенности реализма и неореализма, в русле которых зародилась рассматриваемая теория) сравниваются с аналогичными положениями теории периферийного реализма с целью выделения ее роли и места в конфигурации западных и незападных теорий международных отношений. Автор приходит к выводу, что уникальность рассматриваемой концепции состоит в ее взгляде «со стороны слабого», который в целом не характерен для англосаксонских теорий международных отношений. Эта уникальная особенность действительно ставит концепцию периферийного реализма за рам-

ки общепринятых в научном сообществе представлений о природе мировой политики и международных отношений. Данное исследование было подготовлено и прошло апробацию в рамках научного семинара «Незападные теории международных отношений» кафедры ТИМО РУДН, а также совместного научно-исследовательского семинара РУДН и НИУ ВШЭ «Незападные теории международных отношений в полицентрическом мире».

→ Ключевые слова

Незападные теории международных отношений, процесс принятия политических решений, Аргентина, периферийные страны, периферийный реализм

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>

Peripheral realism of Carlos Escudé

© A.A. Eremin, 2021

Arcadii A. Eremin, PhD (History), Senior Research Fellow, Senior Lecturer, Chair of Theory and History of International Relations, RUDN, Moscow (Russia) **E-mail:** eremin-aa@rudn.ru
For correspondence: 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6

Received: 30.05.2021

Revised: 01.07.2021

Accepted: 15.07.2021

For citation: Eremin A.A. Peripheral realism of Carlos Escudé. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 50–61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>.

→ Abstract

In this article the author analyzes a theoretical direction called "Peripheral Realism", which has arisen within the scope of neorealism in 1990s due to an acknowledged Argentinean political scientist Carlos Escudé. The author makes an attempt to provide a complex analysis of the original theory of 1992 and compares it with the modern realities of international relations. The author also conducts a comparative analysis of the original theory and its revised version of 2016, in order to trace the dynamics of its development. The main objective of the study is to establish whether the theory of peripheral realism can be attributed to the so-called 'non-Western' theories of international relations. First of all, the article is based on an in-depth analysis of the theoretical basis

of Carlos Escudé's peripheral realism theory on the basis of his main writings of 1992 and 1995, as well as an analysis of subsequent variations of the theory in 2012 and 2015. The study also uses a comparative analysis method, which contrasts the features and theoretical positions of the canonical 'grand' theories of international relations (especially realism and neo-realism, being the origins for the theory) and correlates them with those of the theory of peripheral realism in order to highlight the role and place of this theory in the configuration of Western and non-Western theories of international relations. The author concludes that the uniqueness of the concept comes from assessing reality from the point of 'weaker' and developing countries, which is not generally customary for Anglo-Saxon theories. This unique feature puts the concept of peripheral realism beyond the perceptions of the nature of world politics generally accepted in the research community. The study was originally drafted for the research seminar "Non-Western Theories of International Relations" of the Department of theory and history of international relations of RUDN University, as well as for the joint research seminar of RUDN and HSE University "Non-Western Theories of International Relations in a Polycentric World."

→ Keywords

Non-Western theories of international relations, political decision-making, Argentina, peripheral countries, peripheral realism

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

Вопрос о самой возможности существования незападных теорий международных отношений, то есть таких, которые развивались бы не в русле привычной для западного академического сообщества научной мысли, с недавних пор стал крайне актуален. Во-первых, этому способствовало укрепление в мировой политике новых центров силы, среди которых особенно выделяется КНР с ее амбициозной внешнеполитической повесткой, зачастую противопоставляемой привычной нам главенствующей роли западных стран в международных отношениях, в особенности США. Во-вторых, намечился очевидный кризис в так называемой западной науке о международных отношениях: с одной стороны, она включает в свой дискурс почти всех «классиков», да и конвенциональное развитие науки о международных отношениях в целом происходит именно в западной академии. Однако при этом производимые теории, начиная от самых ранних и заканчивая самыми последними, удовлетворительно выполняют свои функции только лишь применительно к развитым странам Запада. И даже в этом случае критическая масса замечаний, безусловно, уже успела накопиться, приводя к поиску теоретических альтернатив. В том случае, когда речь идет о других, развивающихся странах, не имеющих такого ресурсного потенциала и столь обширной технологической базы, подобные теории работают куда хуже, зачастую не справляясь даже со своими базовыми функциями, объяснительной и прогностической. Эти тенденции были хорошо описаны в

коллективной монографии под редакцией Барри Бузана и Амитава Ачарьи¹ в конце первой декады нового тысячелетия, когда о нынешней степени соперничества КНР и США можно было только догадываться. Тем не менее данный тренд нашел отклик в работах целого ряда ведущих специалистов, которые принялись примерять данные идеи к различным регионам и политическим системам². Примечательно, что первопроходцами незападной повестки дня в науке стали как раз абсолютно западные специалисты, то есть получившие профессиональную научную подготовку в высших учебных заведениях США, Британии и Западной Европы, хотя при этом их этническая или культурная принадлежность могла быть совершенно иной, и лишь с их подачи незападная повестка дня вышла на уровень регионов и нашла свое отражение в более локальных академических дискурсах и дискуссиях³.

Главную проблему западного взгляда на теорию международных отношений «классики» западного академического дискурса увидели в том, что он в силу специфического положения этих стран на международной арене (в первую очередь США) берет за основу уникальное геополитическое положение и интересы именно западного мира, то есть фактически западная теория международных отношений пишется через восприятие «сильного» актора международных отношений⁴. В каком-то смысле подобный подход довольно очевиден – основные постулаты международных отношений и дипломатии сотни лет развивалось на базе европоцентричного мира, в авангарде которого сначала находилась Британия, а после – США, благодаря чему именно в этих двух странах наука о международных отношениях считается наиболее развитой (количество научных изданий, индексируемых в Scopus и Web of Science, цитируемость научных работ, общее количество специалистов и т.д.). Однако когда конфигурация качественно отличалась, как в случае с развивающимися странами, то западные теории не брали в расчет целый ряд факторов, которые имели ключевое значение в случае с более бедными государствами, приводя при этом к искаженному восприятию мировой политики и принятию ошибочных решений со стороны правительств этих стран. История знает множество примеров, когда продвигаемые и даже насаждаемые союзникам по НАТО американские ценности оказывались не только менее эффективными в принципиально иных государственных реалиях, но даже контрпродуктивными (например, в случае с экспортом концепции «войны с наркотиками»)⁵.

Неудивительно, что подобные прецеденты побудили мировое научное сообщество к поиску возможностей по диверсификации теоретического поля науки о международных отношениях – как минимум в ряде стран, претендующих на региональное и даже (в отдельных случаях) глобальное лидерство. Это привело к повышенному интересу к теоретическим исследованиям авторов, чье происхождение отличается от англосаксонского и европейского.

Исключением не стала и Латинская Америка, исторически подверженная большому влиянию со стороны США. Одной из стран, искавших альтернативный взгляд на происходящее на международной арене, стала Аргентина, где выдающийся ученый-политолог Карлос Эскуде задолго до появления незападного дискурса предложил собственную теорию периферийного реализма⁶, существенно отличавшуюся от господствовавших тогда представлений коллег-неореалистов.

1 Buzan and Acharya 2010.

2 Tickner and Herz 2012; Frasson-Quenoz 2016; Bernal-Meza 2009; Bello and Peñas 2013.

3 Дергачев et al. 2021.

4 Buzan and Acharya 2010.

5 Еремин, Петрович-Белкин 2020.

6 Escudé 1992.

Зарождение альтернативной теории

По первому образованию К. Эскуде – социолог, чем объясняется глубокий интерес в дальнейшей карьере к социальной сфере, а также взаимодействию людей друг с другом и с государством. Однако уже в магистратуре Оксфордского университета К. Эскуде сменил специальность на политологию, которую продолжил изучать в Йельском университете, где в 1981 г. получил степень доктора наук. К моменту зарождения собственной теории он уже считался серьезным ученым, которого даже называли самым выдающимся политологом Латинской Америки, что, безусловно, обеспечило ему возможность выступать в качестве советника министра иностранных дел Гидо ди Телья с 1991 по 1999 г., сочетая теоретическую подготовку с практической деятельностью.

Если до этого момента научные работы К. Эскуде имели социологическую либо даже историческую направленность (он тяготел к исследованию истории Аргентины и природы национализма в собственной стране), то к моменту начала работы в министерстве он существенно пересмотрел свой взгляд на исследовательскую деятельность в поиске теоретического обоснования для принципиально нового внешнеполитического курса Аргентины. Следует сказать, что К. Эскуде всегда был большим противником политики, которую проводила в Аргентине военная диктатура, в связи с чем в своих работах даже в 1980-х гг. задавался вопросами о «правильной» внешней политике для Аргентины¹. В них он неоднократно делал вывод о том, что любые проявления национализма во внешнеполитическом курсе вредят стране и являются «антинародными». Именно этот тезис во многом и лег в основу будущей теории.

В 1992 г. К. Эскуде опубликовал свою первую работу по периферийному реализму, озаглавленную «Realismo Periférico», где изложил целый ряд теоретических основ для стран, находящихся на периферии мировой политики. Основным теоретическим вкладом в рамках неореализма в целом стало привнесение трех основных критических замечаний. Первое относилось непосредственно к термину «страна», ведь данный термин является одним из основных, когда речь заходит о реализме, но при этом часто путается и смешивается с такими понятиями, как «нация» (или «народ») и «государство» (другими словами, «правительство»). Большая заслуга Эскуде состоит в том, что он разграничил эти три понятия и заключил, что в международных отношениях речь идет именно о взаимоотношении стран. При этом каждая страна имеет свой народ и свое правительство, что делает страны объективно отличными друг от друга по конфигурации «народ – правительство»². Важно при этом понимать, что внешняя политика государства при учете этой характеристики может быть более выгодна как гражданам, так и государству. Фактически это одна из первых попыток в рамках реализма раскрыть влияние внутригосударственных факторов на характер взаимодействия государств друг с другом.

Вторым критическим замечанием К. Эскуде было то, что автор, в отличие от взглядов Кеохейна и Ная³, определял национальный интерес не столько в терминах безопасности, сколько в категориях экономического развития и блага для граждан, так как именно высокий уровень экономического развития обеспечивает безопасность государства, в частности его обороноспособность. В этом смысле Эскуде и его периферийный реализм оказался своего рода прекурсором для последующего постклассического реализма начала 2000-х гг., где концептуально снижалась роль секьюритизации в пользу значимости экономики⁴.

1 Escudé 1984.

2 Escudé 1992.

3 Nye and Keohane 1977.

4 Escudé 1992.

Третье замечание касалось природы «хаоса» в международных отношениях. В этом ключе К. Эскуде был не совсем согласен с классиком теории международных отношений К. Уолтцем¹, предполагавшим, что пространство международных отношений суть чистый хаос. По мнению К. Эскуде, различия в комбинации факторов на уровне «народ – правительство» позволяет разделять акторов в системе международных отношений по принципу их отношения к этому хаосу. Первая группа таких стран – объективно сильные государства, которые живут в состоянии хаоса, но при этом создают некое подобие иерархии и правил для других, более слабых государств. Вторая группа представляет собой слабые государства, которые подчиняются тем правилам в международных отношениях, которые сформированы более сильными акторами. Их от «хаоса» на международной арене ограждает авторитет и власть того гегемона, правила которого они принимают. Третья группа – некое подобие «бунтарей», которые не согласны с насаждаемыми правилами и стараются существовать в таком же хаосе, как и более сильные акторы; но при этом они слишком слабы, из-за чего обречены на статус «изгоя». К ним можно отнести Иран и Северную Корею (хотя сама возможность существования таких государств без какой-либо поддержки со стороны других крупных гегемонов международных отношений остается дискуссионной). В этом ключе периферийный реализм рассматривает систему международных отношений через призму двух последних групп, что, безусловно, является его отличительной особенностью².

Таким образом, в рамках установленной К. Эскуде логики периферийного реализма он утверждал, что государства, ориентированные на элиту или на правительство (частый случай в Латинской Америке и в целом в периферийных странах), зачастую проводят политику, противоречащую благу граждан и экономики в целом. Такие элиты очень часто перекладывают затраты, возникающие вследствие игнорирования иерархических ограничений в международных отношениях (и бремя последующих санкций), на собственный народ. Именно это происходит, когда те, кто находится у власти, не учитывают мнение граждан в политическом процессе или используют националистические аргументы, чтобы убедить общественное мнение в целесообразности привлечения большего объема ресурсов для дорогостоящих и даже дерзких международных усилий или глобальных проектов. К. Эскуде приходит к выводу, что, каким бы привлекательным ни оказался националистический дискурс, в стране с ограниченными ресурсами амбициозная внешняя политика всегда будет осуществляться за счет благополучия ее граждан³.

То же самое, согласно трудам К. Эскуде, относится и к великим державам, хотя в их случае это менее заметно из-за относительного изобилия экономических ресурсов, которые так быстро не заканчиваются, а их граждане могут при этом существовать с определенным уровнем экономического благополучия и социального комфорта. Но поскольку ресурсы никогда не бывают бесконечными, а абсолютная внешнеполитическая автономия также ставит под угрозу человеческие ресурсы, подобная ситуация неизбежно ведет к диктатуре и нищете даже в случае сверхдержавы. Эта дилемма резюмируется К. Эскуде в убедительной формуле: абсолютная автономность внешнеполитического курса равна тотальной тирании на государственном уровне.

Как и в любой объяснительной теории, периферийный реализм приводит к определенным нормативным последствиям. Ее суть парадоксально точно совпадает с тем, что описал еще Фукидид в своей «Истории Пелопоннесской войны»: «...Сильные делают то, что могут, а слабые страдают в той мере, в которой должны». Важный вывод К. Эскуде состоит в том, что только за счет своих граждан маленькая страна может обрести большую автономию по отношению к великой внешней державе. Большинство

1 Waltz 1979.

2 Escudé 1992.

3 Escudé 1995.

государств, ориентированных на граждан, скорее всего, примут кабальную иерархию, навязанную более сильной державой, и приспособятся к распределению власти в международной среде, сохраняя благосостояние своих граждан и не пытаясь достичь такого уровня автономии, который их народ не может выдержать¹.

Резюмируя, можно сказать, что нормативный вывод периферийного реализма состоит в том, что более слабые государства, находящиеся под влиянием гегемонистской власти, не должны пытаться достичь высокого дорогостоящего уровня автономии за счет своих граждан. Идеальная модель подобного «подчинения» в работах К. Эскуде демонстрируется в случаях Японии и Западной Германии при фактическом контроле со стороны США после Второй мировой войны. В этом К. Эскуде видит секрет «правильного» поведения слабых стран на международной арене.

В рамках рассматриваемой теории эти нормативные ориентиры отдают своего рода дань уважения классическому реализму Ганса Моргентау. Действительно, Г. Моргентау заявлял о норме, забытой многими неореалистами, которые пришли после него: что государству, в силу его ответственности перед гражданами, не следует позволять следовать логике *"Fiat iustitia, et pereat mundus"* («Пусть справедливость восторжествует, хотя мир погибнет»)². Подобный подход, безусловно, ставит серьезный вопрос о том, чья роль оказывается главенствующей – национальных интересов или интересов граждан, что не совсем характерно для логики школы реализма, но очень близко к общерегиональному пониманию «правильной» политики в Латинской Америке.

Дальнейшее развитие теории и значение для Аргентины

Автор много раз возвращался к введенной им концепции, развивая собственные идеи, сопоставляя их с результатами, достигнутыми при президентстве Карлоса Менема (в 1995 и 1997 гг., а также в 2012, 2014 и 2016 гг.)³. Уникальность рассматриваемого случая заключается в том, что К. Эскуде посчастливилось на практике наблюдать реализацию внешнеполитического курса, выстраиваемого на основе своего уникального на тот момент теоретического подхода. Более того, за время службы советником министра ему удалось дважды дополнить и развить собственные идеи.

Так, например, К. Эскуде удалось логически продолжить сюжет, что основным заблуждением, лежащим в основе структурализма, является предположение о том, что государство для межгосударственной системы является тем же, чем индивидуум является для государства. Эта антропоморфная предвзятость, по мнению К. Эскуде, непреднамеренно становится авторитарной, поскольку «свобода» индивида по отношению к государству противоречит полной «автономии» государства по отношению к межгосударственной системе: для того чтобы государство имело полную автономию, оно должно извлекать ресурсы из общества в ущерб благосостоянию граждан и даже гражданским правам, когда такой связи между свободой индивида и благом государства не наблюдается⁴.

Последствия внедрения периферийного реализма в рамках внешнеполитического курса при К. Менеме, несмотря на всю уникальность предложенного в то время К. Эскуде подхода, не были эпохальными, но при этом существенно изменили некоторые аспекты поведения Аргентины на международной арене. Так, например, Аргентина вышла из Движения неприсоединения, а также сменила характер своего голосования с антиамериканского на более проамериканский. Также под влиянием ценностных ориентиров К. Эскуде Аргентина восстановила рабочие отношения с Великобританией и

1 Escudé 1995.

2 Morgenthau 1948.

3 Escudé 1995, 1997; 2015; Schenoni and Escudé 2016.

4 Escudé 1997.

свернула проект «Кондор–2», полностью поддержав принцип безъядерного пространства в регионе ЛКА. Таким образом, вместо нарочитой автономии на международной арене Аргентина стала склоняться все ближе к сотрудничеству с США – безусловному лидеру на тот момент монополярного мира. При этом период правления К. Менема не может считаться каноничным примером реализации доктрины периферийного реализма – хотя бы потому, что, по мнению самого К. Эскуде, был допущен ряд существенных ошибок, которые нанесли значительный вред экономике страны. Так, например, в последующих работах К. Эскуде критически отзывался о злоупотреблениях кредитами МВФ. Наилучший же пример, по мнению автора теории, – Колумбия, выступающая наиболее верным союзником США в Латинской Америке, за что в 1990–х и 2000–х гг. получила ряд преференций¹. Примечательно, что, несмотря на повысившийся за время президентства Д. Трампа статус Аргентины с точки зрения ее союзного потенциала как для США, так и для НАТО, страна не получила существенных экономических преференций. Колумбия же фактически стала единственным союзным государством США, которое никак финансово не пострадало от нового латиноамериканского вектора внешней политики Д. Трампа².

Здесь хорошо прослеживается взгляд самого К. Эскуде на монополярный мир, центром которого в 1990–е гг. являлись США. Так, он пишет: «Наверное, ядро каждой из субсистем мировой системы составляют несколько государств, но лишь Соединенные Штаты могут претендовать на уникальную руководящую роль в гегемонистском сегменте ее фрагментированной структуры безопасности, одновременно представляя собой и наиболее значимую в мире экономику. Отсюда следует, что моральной целью для любого демократического, гражданско-центрического государства является отказ от претензий на лидерство в гегемонистском сегменте этой фрагментированной структуры безопасности мировой системы и делегирование этой роли единственному государству, способному принять ее на себя благодаря сочетанию в нем демократической природы и военной мощи»³.

Очевидно, что у такого подхода можно выделить целый ряд недостатков и тех моментов, которые К. Эскуде не принял во внимание при формировании собственной теории. Логика периферийного реализма функционирует тогда, когда по умолчанию государство-гегемон, устанавливающее правила, проявляет готовность содействовать усилению более слабых акторов, принявших их лидерство и главенство. То, что Германия и Япония смогли достичь своего «чуда» в части развития и модернизации, имело смысл в рамках биполярной системы, где более сильные союзники позволяли усилить давление на идеологического противника. Речь идет не только о боеспособности и экономической независимости, но и о некоем соревновании показателей качества жизни представителей двух отличных друг от друга экономических систем. Когда же речь идет о монополярном или многополярном мироустройстве, сильные государства в первую очередь заинтересованы в поддержании status quo, при этом особое внимание уделяется тому, чтобы на мировой арене более не возникало новых центров силы. Таким образом, усиление более слабых держав, готовых признать лидерство США, на момент появления теории периферийного реализма уже не являлось самоцелью для Вашингтона. Более того, такой необходимости при отсутствии альтернативного центра влияния более не существовало, так как почти все более слабые государства, в том числе и из бывшего социалистического лагеря, проявили желание «дружить» с новым гегемоном. Отдельно стоит отметить, что хотя и Германия, и Япония до сих пор являются союзниками США, их политика как достаточно развитых и уже вполне конкурентоспособных государств не всегда совпадает с интересами Вашингтона. Германия здесь является наиболее важным примером, так как фактически речь идет о политическом и экономическом центре

1 Schenoni and Escudé 2016.

2 Яковлев 2020.

3 Escudé 1997.

Европейского союза, что порождает определенные политические амбиции и зачастую оказывается причиной недопонимания и даже конфликтов между Берлином и Вашингтоном. В частности, недавно мы могли наблюдать отсутствие единой позиции между США и Германией по «Северному потоку – 2»¹.

В этой связи особенно важно отметить работы по теории властного транзита Абрамо Органски, предложившего еще в 1958 г. идею того, что смена властвующего в системе международных отношений гегемона не происходит резко, а требует определенного времени. Предложенная им гипотеза постулировала, что пока действующий гегемон расходует ресурсы максимально нерационально, поддерживая *status quo*, ближайшие кандидаты на это место занимаются вопросами экономического роста и стараются использовать свои ресурсы максимально прагматично, что впоследствии позволит им выйти на уровень своего глобального оппонента и оспорить его лидерство². Данная теория во многом используется сегодня в рамках дискурса о противостоянии КНР и США, который также имеет определенное отношение к незападной повестке в международных отношениях. Если взять в расчет теорию А. Органски, то ни один гегемон не заинтересован в создании максимально благоприятных экономических условий для своих союзников, так как это может привести в самом ближайшем будущем к появлению нового центра силы на международной арене и возможной утрате глобального лидерства. Именно этим можно объяснить тот факт, что в отличие от биполярного периода холодной войны на современном этапе не существует серьезных примеров подобного «успеха через подчинение», хотя на рубеже веков и в начале 2000-х гг. подобных примеров переориентации стран на США мы знаем великое множество, в том числе и на пространстве бывшего СССР.

Если говорить о регионе Латинской Америки, особенно важным представляется сравнение опыта Аргентины и Бразилии. Если Аргентина отказалась от автономии во внешней политике, то Бразилия до 2016 г. активно развивала подобный подход, благодаря чему именно она стала центром латиноамериканской интеграции в конце XX – начале XXI в. Более того, Бразилия, несмотря на очевидный уход от концепции автономизма в период администрации Жаира Болсонару, до сих пор считается представителями научного и экспертного сообществ главным политическим и экономическим лидером региона Латинской Америки. Аргентина, в свою очередь, не перестает испытывать экономические и политические потрясения и пока не способна переориентировать собственную внешнюю политику в сторону большей самостоятельности и автономии, что, безусловно, ограничивает возможности государства претендовать на региональное и тем более мировое лидерство.

Заключение

В результате внедрения положений теории периферийного реализма в политический процесс США получили возможность оказывать значительное воздействие на Аргентину, она же, в свою очередь, не достигла желаемого результата во внешней политике. Меры, предпринятые правительством К. Менема, лишь поставили Аргентину в зависимость от США за счет, например, привязки песо к доллару, прекращения программ по созданию систем вооружения, которые ранее позволяли занимать довольно независимое положение в регионе. Население страны негативно оценивало внешнюю политику правительства К. Менема, которая оказывала значительное влияние на внутреннюю политику Аргентины. Здесь также следует отметить, что примерно в это же время (1991–1999) в понимании общественности (как внутри региона, так и за его пределами) Аргентина

1 Германия раскритиковала санкции США против «Северного потока – 2» [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210301/sanktsii-1599516386.html> (дата обращения: 20.05.2021).

2 Organski 1958.

потеряла статус потенциального лидера региона, впоследствии существенно уступив более самостоятельной Бразилии.

Периферийный реализм, который существенно отличался от многих более конвенциональных теорий международных отношений выбором в пользу «взгляда со стороны слабого», в своем оригинальном воплощении подразумевал некую «игру в поддавки» и фактически видел выход для слабых стран в единственном возможном сценарии: пожертвовать самостоятельностью собственной внешней политики ради потенциальной стабильности. В последующих работах К. Эскуде не раз переосмысливал собственную концепцию с новыми вводными, анализируя, в том числе, и неудачный опыт правительства К. Менема. Наиболее интересным для К. Эскуде оказался сюжет подъема КНР. Появление и активизация процессов в рамках «новой биполярности» особенно важны для периферийного реализма, ведь изначально теория разрабатывалась в реалиях монополярного мира, где не существовало серьезных альтернатив США. В том случае, когда у стран появляется выбор – поддержать США или КНР, реализующих свою собственную уникальную политическую линию по расширению влияния в Латинской Америке, – практическая реализация идей периферийного реализма и возможные предпочтения оказываются куда более реальными и ощутимыми, нежели в 1990-е гг. в случае с Аргентиной.

Главный же вопрос: «Можно ли считать концепцию периферийного реализма незападной?» – остается без четкого ответа. С одной стороны, взгляд с позиции «слабого» в рамках англосаксонских теорий международных отношений традиционно не распространен, а, следовательно, осуществлять проработку наиболее благоприятных и эффективных тактик, стратегий и ценностных ориентиров во внешней политике для этих теорий совсем не характерно; но именно на этом сосредоточен периферийный реализм К. Эскуде. С другой стороны, Латинская Америка – регион, который постоянно находится под давлением северного соседа, а значит, фактор США здесь игнорировать невозможно, да и сам Эскуде не скрывал, что его теория создавалась в рамках неореализма. Именно поэтому он видит в качестве единственного варианта реализации собственной стратегии необходимость подчиниться более весомому актору международных отношений, но при этом непосредственно определяет, кем этот актор является (Соединенные Штаты Америки, что концептуально серьезно подрывает саму возможность назвать подобную теорию незападной). Однако важно отметить, что в недавних своих работах К. Эскуде был не так критичен к роли подобного гегемона: возвышение КНР и появление альтернативного центра силы в системе международных отношений, согласно автору, позволили периферийным странам на современном этапе выбирать, условия какого гегемона будут им выгоднее. Таким образом, существующая на данный момент теоретическая база периферийного реализма нуждается в существенной доработке и актуализации с учетом современных реалий и изменений в системе международных отношений – тогда переосмысленный периферийный реализм будет иметь возможность стать незападной теорией международных отношений.

→ Список литературы / References

- Дегтерев, Д.А., Рамич, М.С., Цвык, А.В. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2021. – №2. – С. 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>.
- Degterev, D.A., Ramich, M.S., Tsyk, A.V. "U.S.-China: "Power Transition" and the Outlines of "Conflict Bipolarity". *Vestnik RUDN. International Relations* 2 (2021): 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>. [In Russian]

- Еремин, А.А., Петрович-Белкин, О.К. Историческая ретроспектива внедрения концепции «Войны с наркотиками» ("War on Drugs") в США // *Вопросы истории*. – 2020. – №12–1. – С. 267–287. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi23>.
- Eremin, A.A., Petrovich-Belkin, O.K. "Historic retrospective of the U.S. "War on Drugs" concept." *Voprosy Istorii* 12–1 (2020): 267–287. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi23>. [In Russian]
- Яковлев, П.П. Политика Д. Трампа в Латинской Америке: итоги и перспективы // *Перспективы. Электронный журнал*. – 2020. – №3(23). – С. 52–65. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-3-52-65>.
- Yakovlev, P.P. "Politika D. Trampa v Latinskoi Amerike: itogi i perspektivy." *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal* 3 (2020): 52–65. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-3-52-65>. [In Russian]
- Bello, Irlaxis, and Francisco J. Peñas "La teoría de Relaciones Internacionales en y desde el Sur." *Relaciones Internacionales* 22 (2013): 5–7.
- Bernal-Meza, Raúl. "Latin American Concepts and Theories and Their Impacts on Foreign Policies." In *Concepts, Histories and Theories of International Relations for the 21st Century*, edited by J.F.S. Saraiva, 131–177. Brasília: Instituto Brasileiro de Relações Internacionais, 2009.
- Buzan, Barry, and Amitav Acharya. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia*. London: Routledge, 2010.
- Escudé, Carlos. *Argentina: Paria Internacional?* Buenos Aires: Editorial de Belgrano, 1984.
- Escudé, Carlos. *El realismo de los Estados débiles*. Buenos Aires: GEL, 1995.
- Escudé, Carlos. *Foreign Policy Theory in Menem's Argentina*. Gainesville: University Press of Florida, 1997.
- Escudé, Carlos. *Realismo Periférico*. Buenos Aires: Editorial Planeta, 1992.
- Escudé, Carlos. Realism in the Periphery. In *Routledge Handbook of Latin America in the World*, edited by Jorge I. Domínguez, and Ana Cobarrubias, 45–57. New York: Routledge, 2015.
- Frasson-Quenoz, Florent. "Latin American Thinking in International Relations Reloaded." *OASIS* 23 (2016): 131–177. <http://dx.doi.org/10.18601/16577558.n23.04>.
- Morgenthau, Hans. *Politics among Nations*. New York: Knopf, 1948.
- Nye, Joseph, and Robert Keohane. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. New York: Little, Brown & Co, 1977.
- Organski, A.F.K. *World Politics*. New York: Alfred A. Knopf, 1958.
- Schenoni, Luis, and Carlos Escudé. "Peripheral Realism Revisited." *Revista Brasileira de Política Internacional* 1 (2016). <https://doi.org/10.1590/0034-7329201600102>.
- Tickner, Arlene B., and Mônica Herz. "No place for theory? Security Studies in Latin America." In *Thinking International Relations Differently*, edited by Arlene Tickner, and David L. Blaney, 92–115. London: Routledge, 2012.
- Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill, 1979.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>

El realismo periférico de Carlos Escudé

© A.A. Eremin, 2021

Arkadii A. Eremin, PhD (Historiador), Investigador Principal, Profesor Titular de la Cátedra de Teoría e Historia de Relaciones Internacionales, RUDN, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 117198, Rusia, Moscú, calle Miklukho-Maklaya, 6

E-mail: eremin-aa@rudn.ru

Recibido: 30.05.2021

Revisado: 01.07.2021

Aceptado: 15.07.2021

Para citar: Eremin A.A. El realismo periférico de Carlos Escudé. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 50-61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>.

→ Resumen

El artículo trata sobre la dirección teórica denominada "Realismo periférico", que ha surgido dentro del marco del neorrealismo en la década de los noventa gracias al reconocido politólogo argentino Carlos Escudé. El autor realiza un análisis complejo de las disposiciones de la teoría original de 1992 y las compara con las realidades modernas de las relaciones internacionales. El autor también realiza un análisis comparativo sobre el desarrollo de la dinámica de la teoría original y su versión reafirmada de 2016. El principal objetivo del estudio es establecer si la teoría del realismo periférico puede atribuirse a las llamadas teorías 'no occidentales' de las relaciones internacionales. En un principio, el artículo se basa en el análisis profundo de la base teórica del realismo periférico de Carlos Escudé, a partir de sus principales escritos de 1992 y 1995, así como el análisis de las variaciones posteriores de la teoría de los años 2012 y 2015. Después, en el análisis comparativo se contrasta las características y posiciones de las 'grandes' teorías canónicas de las relaciones internacionales (especialmente el realismo y el neorrealismo, siendo los orígenes de la misma) relacionándolas con la teoría del realismo periférico, con el fin de destacar su importancia y lugar en la configuración de las teorías occidentales y no occidentales de las relaciones internacionales. El autor llega a la conclusión de la particularidad del concepto que evalúa la realidad desde el punto de vista de los países "más débiles" y en vías de desarrollo, lo que generalmente no es habitual en las teorías anglosajonas. Esta característica única sitúa el concepto del realismo periférico más allá de las percepciones aceptadas por los investigadores dentro de la política mundial. Por otro lado, el estudio fue expuesto y aprobado en el seminario de investigación: "Teorías no occidentales de las relaciones internacionales", en la Cátedra de teoría e historia de relaciones internacionales en la Universidad RUDN, al igual que en el seminario de investigación: "Teorías no occidentales de las relaciones internacionales en el mundo policéntrico", realizado entre las universidades de RUDN y HSE.

→ Palabras clave

Teorías no occidentales de las relaciones internacionales, toma de decisiones políticas, Argentina, países periféricos, realismo periférico

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Международные отношения • Relaciones internacionales

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-62-75>

Концепция Buen Vivir в контексте экологизации международных отношений

© А.А. Шинкаренко, В.К. Медина Гонсалес, Б.И. Некрасов, 2021

Шинкаренко Александр Александрович, к.полит.н, старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

Медина Гонсалес Винисио Ксавьер, к.ист.н., ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Некрасов Борис Игоревич, аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

E-mail: hombreyo@gmail.com
(корреспондирующий автор)

E-mail: xaviermedinagonza1988@gmail.com

E-mail: nekrasov.b.i@my.mgimo.ru

Статья поступила в редакцию: 10.05.2021

Доработана после рецензирования: 16.06.2021

Принята к публикации: 01.07.2021

Для цитирования: Шинкаренко А.А., Медина Гонсалес В.К., Некрасов Б.И. Концепция Buen Vivir в контексте экологизации международных отношений. *Иberoамериканские тетради*. 2021, 9(1): 62–75.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-62-75>.

→ Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей становления концепции Buen Vivir («хорошая жизнь») в контексте усиления значимости экологического фактора в международных отношениях. Авторы выделяют основные этапы взаимодействия между странами при решении социально-экологических проблем, где на смену антропоцентрическому подходу пришли эоцентрические концепции. В Латинской Америке одним из примеров возникновения такого рода концепций по урегулированию взаимоотношений человечества с окружающей средой с целью ее сохранения является концепция Buen Vivir. Авторы раскрывают содержание ее основных идей, отмечая важную роль коренного населения в таких странах, как Эквадор и Боливия, где местные общины смогли повлиять на дискуссии не только по вопросам климатических изменений, но и касательно альтернативных моделей развития в своих странах. При этом впервые в отечественной историографии проводится анализ того, насколько данная концепция увязывается с развитием такого направления в международных отношениях, как энвайронментализм, а также какое место она может занимать в теории МО. Основные результаты исследования, к которым пришли авторы:

1) возрастает роль и значимость экологического фактора в современных мирополитических процессах, при этом наблюдается политизация экологических проблем; 2) увеличивается количество исследований по темам, связанным с экологизмом в МО, которые становятся одной из доминант не только общественного, но и научного дискурса; 3) концепция устойчивого развития в той мере, в какой она отвечала на вопросы экономических изменений, полностью не удовлетворяла запросам экологического характера, что и предопределило появление в Латинской Америке отдельной концепции развития с упором на экологическую составляющую; 4) Buen Vivir явилась своего рода латиноамериканским ответом на поиск модели урегулирования взаимоотношений человечества с окружающей средой с целью ее сохранения; 5) концепция Buen Vivir наиболее успешно была реализована в Эквадоре и Боливии по той причине, что в этих странах проживает значительная доля индейцев, а их мировоззрение тесно переплетается с ключевыми идеями данной концепции.

→ Ключевые слова

Латинская Америка, окружающая среда, энвайронментализм, экологизм, социально-экономическое развитие, Buen Vivir, Амазония, Амазонский пакт

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-62-75>

The concept of Buen Vivir in the context of green theory in international relations

© A.A. Shinkarenko, V.X. Medina González, B.I. Nekrasov, 2021

Alexander A. Shinkarenko, PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Center for Political Studies, ILA RAS, Moscow (Russia)

For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21/16

Vinicio Xavier Medina González, PhD (History), Teaching Assistant, Chair of Theory and History of International Relations, RUDN, Moscow (Russia)

For correspondence: 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6

Boris I. Nekrasov, Doctoral Student, Chair of Theory and History of International Relations, RUDN, Moscow (Russia)

For correspondence: 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6

E-mail: hombreyo@gmail.com
(corresponding author)

E-mail: xaviermedinagonza1988@gmail.com

E-mail: nekrasov.b.i@my.mgimo.ru

Received: 10.05.2021

Revised: 16.06.2021

Accepted: 01.07.2021

For citation: Shinkarenko A.A., Medina González V.X., Nekrasov B.I. The concept of Buen Vivir in the context of green theory in international relations. Cuadernos Iberoamericanos 9, no. 1 (2021): 62–75. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-62-75>.

→ Abstract

The authors consider the peculiarities of emergence of Buen Vivir concept in the context of increasing importance of the environmental factor in international relations. The authors present the main ideas of this concept, which became a logical response to environmental challenges – first from the autonomous societies of Latin America, and then found its reflection at the state level in countries such as Ecuador and Bolivia. At the same time, for the first time in Russian historiography, we present an analysis of this concept connection to the development of such a direction in international relations as environmentalism, as well as what place it can occupy in the international relations theory. The main results of the research are as follows: 1) the role and significance of the environmental factor in modern IR is increasing, while politicization of environmental problems is observed; 2) the number of studies on topics related to environmentalism in IR is increasing, with them becoming one of the dominants of not only public, but also a research discourse; 3) the concept of sustainable development did not fully comply with existing demands, which predetermined the emergence in Latin America of a separate concept of development, with an emphasis on the environmental component, being a Latin American ‘response’ to the search of a model for regulating the relationship of mankind with the environment in order to preserve it; 4) the concept of Buen Vivir was most successfully implemented in Ecuador and Bolivia as these countries are home to a significant number of Native Indians, and their worldview is closely intertwined with the key ideas of the concept.

→ Keywords

Latin America, environment, environmentalism, ecology, socio-economic development, Buen Vivir, Amazon, OTCA

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

Неудержимый рост масштабов промышленного производства, последствия неразумного природопользования, загрязнение окружающей среды, вызванное антропогенными факторами, и появление новых типов экологических угроз (сокращение озонового слоя Земли, уменьшение выпадения осадков, повышение температуры воды) поставили человечество перед угрозой глобальной экологической катастрофы¹. Со второй половины XX в., когда окружающая среда стала предметом внимания со стороны международного сообщества, начался процесс по поиску решений проблем экологического характера, которые стали частью мирополитических процессов². Наряду с правительствами национальных государств, в данный процесс стали вовлекаться международные организации, ТНК и различные экологические движения. Со временем эво-

1 Глобальный климат в 2015–2019 годах: изменение климата набирает темп [Электронный ресурс] // Всемирная метеорологическая организация. URL: <https://public.wmo.int/en/media/press-release/global-climate-2015-2019-climate-change-accelerates> (дата обращения: 25.11.2020).

2 Близнечная 2012.

люция международного экологического управления, направленная на гармонизацию взаимоотношений человечества с окружающей средой и ставшая ответом на нарастание масштабов экологических проблем, начала обретать конкретные институциональные рамки в ООН (Комиссия по устойчивому развитию, ЮНЕП, ФАО, ЮНИДО, ПРООН). Вместе с этим стали появляться альтернативные концепции по поиску модели урегулирования взаимоотношений человечества с окружающей средой с целью ее сохранения. Рассматривая процесс развития экологической составляющей в международных отношениях и отмечая концепцию *Buen Vivir* в данном контексте, следует выделить следующие условные этапы:

1. 40–50-е гг. XX в. – осознание международным сообществом существования глобальных проблем, которые стали предметом научных исследований. Происходит становление экологического аспекта в международных отношениях, где благодаря созданию ООН была обеспечена институциональная составляющая в развитии данного процесса.

2. 60–70-е гг. XX в. – начало комплексной деятельности по развитию международного экологического управления. Ключевым событием здесь стала Стокгольмская конференция ООН по проблемам природной среды 1972 г., в ходе которой была разработана программа по защите природной среды. Произошло включение международного сообщества на государственном уровне в решение экологических проблем, начали создаваться специальные министерства и ведомства по окружающей среде.

Именно на этом этапе появилась целая серия фундаментальных исследований по данной теме. В 1972 г. был опубликован доклад Римского клуба «Пределы роста», содержащий результаты моделирования роста населения и истощения природных ресурсов. В 1973 г. норвежским философом Арне Нейссом был предложен термин «глубинная экология» и были разработаны идеи экософии (экологической философии), где человечество рассматривалось как часть окружающей среды. В дальнейшем эти идеи получили активное развитие в разных регионах мира. В Латинской Америке следует отметить появление и развитие концепции *Buen Vivir*.

3. 80-е гг. XX в. – процесс экологизации всего комплекса международных отношений. В 1983 г. по инициативе Генерального секретаря ООН была создана Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР), в задачу которой входила разработка глобальной эколого-экономической программы и путей ее реализации. В 1987 г. Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию опубликовала доклад «Наше общее будущее»¹, в котором впервые были сформулированы основные положения концепции устойчивого развития, ставшей компромиссом между сторонниками зеленой политики и теми, кто отдавал приоритет процессам экономического роста. При этом на фоне интенсификации экономического развития в странах Латинской Америки, где их лидеры преследовали цели достижения быстрых экономических выгод, вопросы, связанные с экологией, являлись второстепенными². В связи с этим ухудшалась экологическая обстановка, а идеи необходимости защиты окружающей среды и разумного использования природных ресурсов стали обретать особую актуальность.

Отдельно следует подчеркнуть, что первоначально концепция устойчивого развития в той мере, в какой она отвечала на вопросы экономического толка, не предлагала решений всего спектра проблем экологического характера. А из-за большого количества накопившихся противоречий в сфере экологии в Латинской Америке такая ситуация дополнительно стимулировала развитие отдельной концепции, с упором на экологиче-

1 Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития ООН «Наше общее будущее» [Электронный ресурс] // ООН.

URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 23.11.2020).

2 Некрасов 2020.

скую составляющую. Среди данных проблем стоит отметить сокращение площади тропических лесов вследствие вырубki и сельскохозяйственной деятельности, что привело к серьезным нарушениям экологического баланса; потерю биологического разнообразия; ухудшение состояния водного баланса, что приводило к засухам и дефициту питьевой воды, осложняя, в свою очередь, социальную ситуацию; рост золотодобычи, приводящий к загрязнению региона свинцом, ртутью, мышьяком и другими токсичными отходами.

4. 90-е гг. XX в. – взаимодействие международного сообщества по реализации концепции устойчивого развития, которая стала новой парадигмой конца XX в., предусматривающей всеобщую рационализацию жизни людей и скоординированные действия во всех сферах жизни общества. Появилось понимание того, что эффективное противостояние вызовам невозможно лишь в национальных рамках и требует совместных действий на региональном и глобальном уровнях. Констатировалось отсутствие политических границ при решении глобальных социально-экологических проблем. Именно на этом этапе стали активно разрабатываться программы содействия международному развитию¹ с привлечением специализированных институтов и стран-доноров². В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и устойчивому развитию (ЮНСЕД), по итогам которой были приняты такие документы, как «Повестка дня на XXI век»³ и Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК)⁴. Именно на этом этапе началось подключение латиноамериканского региона к модели устойчивого развития при сбалансированности социально-экономического и экологического развития, осуществляемого на основе рационального использования всего потенциала региона и сохранения его природной среды, что и легло в дальнейшем в основу концепции *Buen Vivir*.

5. Этап с начала XXI в. по настоящее время – растущее взаимодействие между различными организациями в области реализации экологически ориентированного развития. Разработаны инициативы ООН и других международных организаций по развитию концепции зеленой экономики⁵. Одним из трендов, наравне с зеленой экономикой, становится и политическая экология, где наблюдается политизация экологических проблем. Фактически проблемы экологического характера (с признанием окружающей среды как фактора международной безопасности) все чаще становятся не только темой дебатов на мировых форумах, но и объектом политического давления, основанием для введения экономических санкций и прекращения финансирования проектов⁶. Так, наиболее характерным примером, связанным с политизацией экологических проблем на современном этапе, является ситуация 2019 г., когда руководство Бразилии, с точки зрения европейских государств, нерационально проводило политику в области защиты окружающей среды во время ликвидации пожаров в Амазонии. В итоге канцлер Германии А. Меркель приостановила финансирование природоохранных проектов, а сама ситуация оказала неблагоприятное влияние на ратификацию соглашения между ЕС и Меркосур⁷.

На фоне резкого изменения климата темы, связанные с экологическим фактором в международных отношениях, становятся одной из доминант не только политического или общественного, но и научного дискурса. Констатируется усиление значимости фактора защиты окружающей среды в контексте международной безопасности и

1 Борзова 2015.

2 Дегтерев 2012.

3 Повестка дня на XXI век [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 17.12.2020).

4 Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 17.09.2020).

5 Боклан 2015.

6 Безerra 2020.

7 Тимофеева, Будыкина 2020.

отмечается, что проблемы, связанные с экологическими изменениями, являются одними из ключевых для будущего развития цивилизации.

В связи с этим появляется интерес к анализу того, как данная ситуация отражается в различных концепциях с упором на экологическую составляющую. Здесь концепция *Buen Vivir* и явилась сначала своего рода латиноамериканским ответом на поиск модели урегулирования взаимоотношений человечества с окружающей средой с целью ее сохранения, а в дальнейшем вышла за рамки морально-этических и философских норм индейского населения стран Латинской Америки.

Теория энвайронментализма и экологизм МО

Перед тем как перейти к рассмотрению концепции *Buen Vivir* в контексте возрастающей роли экологического фактора в международных отношениях, следует рассмотреть, какие теории легли в основу самого процесса экологизации МО. Для данной тенденции характерно повышение роли и значимости экологического фактора в мирополитических процессах со сменой антропоцентрического подхода на эоцентрический¹. Последнее связано с появлением различных экологически ориентированных теорий и концепций. Как процесс экологизации, так и концепция *Buen Vivir* связаны с такими теориями, как энвайронментализм и экологизм.

Под энвайронментализмом понимаются экологические учения и движения, выступающие за сохранение и защиту окружающей среды. Как социально-культурный и политический феномен он сформировался только во второй половине XX в. В самом названии данного концепта заложена ориентация не столько на природу, сколько на окружающую среду как объект природоохранной деятельности². Среди наиболее значимых теоретиков данного направления следует выделить М. Шелленбергера и Т. Нордхауса. В своей книге «Прорыв. От смерти энвайронментализма к политике возможностей»³ они отмечают, что концепция энвайронментализма оказалась неспособна противостоять экологическому кризису. Дальнейшая констатация несостоятельности энвайронментализма в деле выработки стратегий устойчивого развития породила вопрос о его возможных альтернативах, где в качестве одной из них и стал выступать экологизм.

Экологизм – это доктрина, в основе которой лежат экологические понятия, прежде всего идея связи между человечеством и миром природы. При этом отмечается, что в силу уникальности каждого региона она может приобретать свои особенности. В дальнейшем становление экологизма как основного направления «зеленого» движения явилось вполне закономерным явлением, учитывая масштабы и глубину кризиса цивилизации. Несмотря на обозначенное различие экологизма и энвайронментализма, для них в целом характерны последовательная критика и призывы к снижению темпов использования окружающей природной среды, что является одной из ключевых составляющих концепции устойчивого развития.

Как мы уже отмечали, изначальная версия концепции устойчивого развития не отвечала на все проблемы экологического характера, что в Латинской Америке получило отражение в отдельной концепции со специфическими ценностно-мировоззренческими особенностями – *Buen Vivir*. В дальнейшем на межгосударственном уровне ее идеи легли в основу как государственной политики некоторых стран региона, так и в повестку сотрудничества латиноамериканских стран по экологической проблематике, особенно в таких форматах, где они объединены не просто одной территорией, а одной экосистемой. На-

1 Урсул 2020.

2 В англоязычных словарях термин «*Environment*» переводится на русский язык как «окружающая обстановка», «окружающая среда». «*Environmental*» – термин, описывающий окружающую среду и относящийся к борьбе с ее загрязнением.

3 Shellenberger and Nordhaus 2007.

пример, на региональном уровне, о чем свидетельствует взаимодействие между странами-членами Организации Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки (ОДСА, «Амазонский пакт»), расположенными на территории амазонского ареала¹. Что касается отдельных стран, то подробнее особенности ее развития будут рассмотрены на примере таких государств, как Эквадор и Боливия, где проживает значительная доля индейцев, а их мировоззрение тесно переплетается с ключевыми идеями данной концепции.

Особенности концепции Buen Vivir на примере Эквадора и Боливии

Рассматривая появление и развитие идей о гармоничном сосуществовании людей друг с другом и с природой в Эквадоре, отметим, что концептуальной основой новой политики пришедшего в 2007 г. к власти Р. Корреа стала распространенная среди индейского населения страны формула Buen Vivir («хорошая жизнь», «достойная жизнь»). На языке народа кечуа эта идея обозначалась фразой «Sumak Kawsay». Эта концепция уходит корнями в мировоззрения кечуа, где во главу угла ставится поиск гармонии с природой и удовлетворение необходимых потребностей. Она представляет собой парадигму, которая основана на пяти принципах: 1) без знания или мудрости нет жизни («tucu yachay»), 2) все рождено Матерью-Землей («acha mama»), 3) приоритет здорового образа жизни («hambi kawsay»), 4) жизнь коллективна («sumak kamaña») и 5) у всех есть идеал или мечта («хатун маскуй»). Парадигма Sumak Kawsay нашла отражение в Основополагающем законе Эквадора (2008 г.), где и получила испаноязычное название Buen Vivir.

Первоначально эта главным образом философская концепция использовалась местными движениями Эквадора для определения альтернативной парадигмы капитализму². Начиная с 1990 г. «достойная жизнь» подразумевала политику власти, обеспечивающую «общее благо» и социальную ответственность в отношениях общества с природой, активное гражданское участие, соблюдение правовых, этических, культурных и экономических прав и возможностей, гарантии прав природы и содействие глобальной и региональной экологической устойчивости³.

Фактически именно экологическая повестка предопределила появление данной концепции и сыграла роль катализатора во взаимоотношениях коренного населения и государства. Из-за предоставления концессий нефтяным и горнорудным ТНК, а также наступления промышленников на экосистемы региона (например, амазонский ареал) местные жители утратили значительную часть своих территорий. Поэтому экологические конфликты стали приобретать этническую окраску, превращаясь в столкновения жизненных интересов вокруг распределения материальных и нематериальных благ. Также оставалась открытой для дискуссии тема о размере компенсаций местным жителям со стороны ТНК, занимающихся добычей углеводородов на индейских территориях. Отрицательное воздействие на окружающую среду в районах выработки сделали их экологически неблагополучными.

Положения Sumak Kawsay нашли отражение в статьях 275 и 278 эквадорской Конституции, в которых отмечается, что «они призваны помочь гражданам, общинам и народам эффективно пользоваться своими правами, а также признать ответственность, основанную на межкультурном взаимодействии, уважении различий и гармоничном сосуществовании с окружающей средой»⁴.

1 Некрасов 2020.

2 Quispe-Agnoli and Whisler 2006.

3 Caria and Domínguez 2016.

4 Павлова 2016.

Реализация программы Buen Vivir позволила Эквадору существенно сократить процент бедного населения в стране, существенно повысить качество среднего и высшего образования, обеспечить гендерную справедливость, уменьшить дискриминацию коренного населения, повысить уровень медицины и пр. Основными приоритетами стали: борьба с бедностью, повышение уровня социальной поддержки населения, реформирование систем образования и здравоохранения, улучшение инфраструктуры для жизни населения, развитие железнодорожного транспорта и строительство автомобильных дорог.

Концепция «хорошей жизни» явилась революционной для Эквадора – страны, которая до 2007 г. была одной из беднейших в латиноамериканском регионе. Для реализации данной программы в Эквадоре правительством была осуществлена социально-экономическая революция, в рамках которой была произведена переориентация ресурсов государства на здравоохранение, образование, научные исследования и социальную поддержку населения¹. Проводимые реформы дали серьезные результаты. В 2015 г. страна была признана лучшим местом для жизни после выхода на пенсию, согласно рейтингу International Living² (за счет благоприятного климата, доступного медицинского обслуживания и социальных льгот). В 2013 г. американское агентство Bloomberg поставил Эквадор в топ-20 стран мира с наиболее эффективной системой здравоохранения.

Социалистические идеи, на которых с 2007 г. базировалась и внешняя политика Эквадора, нашли также отражение в политике «мягкой силы». Так, среди инструментов этой политики можно выделить пропаганду построения многополярного мира, защиту суверенитета, прав человека, охрану природы, утверждение коллективных начал в мировой политике, урегулирование конфликтов на основе взаимного уважения интересов сторон.

Особое значение концепция Buen Vivir имеет и для развития Боливии. В начале 2000-х гг., когда многие латиноамериканские страны вступили в эпоху «левого поворота», не стала исключением и Боливия, где начали усиливаться подобные тенденции³. С приходом к власти в 2005 г. Эво Моралеса ключевыми идеями нового социально-экономического порядка в Боливии провозгласили социальную справедливость, экономическое равенство и общественную гармонию. В ходе президентства Э. Моралеса важной концепцией в политике стала базовая установка мировоззрения коренного населения Анд – сума каманья (Suma Qamaña). Она означает социальную взаимодополняемость, отвергает дискриминацию и стремится к гармонии человечества с Матерью-Землей, уважая законы природы. Этот подход требует гармонии между материальным и духовным, благополучия, целостного и гармоничного представления о жизни. При этом идеология сума каманья открыто противостоит девелопментализму как парадигме однонаправленного развития человечества и консьюмеризму, ориентирующему экономику на бесконечное увеличение производства предметов потребления⁴.

Нужно отметить, что основы этой концепции были предложены в конце 1970-х гг. боливийским социологом С. Ямпара, который впервые развил идею о том, что прогресс не является необходимостью для достижения общественного и личного блага и что помимо материальных благ важным является мирное сосуществование, уважение традиций других и гармония с природой⁵.

1 Friant 2015.

2 Эквадор возглавил рейтинг лучших стран для проживания пенсионеров [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1683516> (дата обращения: 10.12.2020).

3 Сударев 2017.

4 Костогризов 2019.

5 Lalander 2017.

Для Боливии *Buen Vivir* стала важной не только благодаря надежде на улучшение социально-экономической ситуации в стране, но и, как отмечалось выше, поскольку идеи концепции тесно переплетались с идеями индейцев, доля которых в стране достигает 60%. Данную концепцию, основу которой составляют гармоничные отношения между природой и обществом, а также между людьми, нередко называют «третьим путем развития» – средним между приверженностью ценностям коренных племен и идеям современного мира. Концепция является своего рода идеальным социальным проектом для стран латиноамериканского континента, реализацию которого активнее всего попытались осуществить Боливия и Эквадор¹.

В отличие от Эквадора, боливийская версия концепции «достойной жизни» не получила законодательного закрепления, а осталась на уровне морально-этических и философских норм индейского населения. Кроме того, будучи архаической по происхождению, как замечает П.И. Костогрызов, «эта система ценностей в то же время перекликается с ультрасовременными идеями радикального экологизма и постматериализма»².

Можно сделать вывод, что концепция *Buen Vivir* является, во-первых, своего рода симбиозом, включающим как индейский семантический ряд, так и современные нормативные тренды, а во-вторых, сформулированным концептом, который опирается на нормативную эволюцию региона, требующую большего внимания к ранее исключенным группам населения – активным акторам процессов развития.

Buen Vivir и экотерриториальный сдвиг

Следует подчеркнуть, что политизация экологического дискурса, которую мы можем наблюдать в латиноамериканском регионе, способствовала тому, что концепция *Buen Vivir* в каждом отдельно взятом случае принимает свои формы. При этом определяющими являются социальный, исторический и экологический контексты. Данное обстоятельство справедливо отмечает уругвайский социолог Э. Гудинас, называя среди таких вариаций *Ñande Reko* у гуарани, *Allin Kawsay* среди перуанских кечуа, *Shür Waras* (Эквадор, Перу) и *Küme Mongen* (мапуче, Чили)³. Несомненно, существенной остается также синкретизация подходов, которая приблизила традиции коренного населения к критике модернизационных процессов. Таким образом, *Buen Vivir* представляется стимулом для поиска моделей развития, отличных от рентной экономики, первым шагом на пути, который позволит отойти от логики нефтяного капитализма. С данной аргументацией соглашаются и авторы коллективной монографии «Буэн Вивир и вызовы капитализму в Латинской Америке», подчеркивающие в то же время, что такие инициативы, как *Buen Vivir*, зачастую формируются на уровне низовых сообществ, нацеленных на постразвитие⁴. Тем не менее, по мнению австралийской исследовательницы из Суинбернского технологического университета Наташи Шассан, отсутствие в течение долгого времени единого понимания вышеуказанной концепции и сфер ее практической реализации часто становилось поводом для противоречий⁵.

В Латинской Америке все вышеуказанные факторы переплелись в процессе, известном как «экотерриториальный сдвиг» (эта дефиниция впервые встречается в работах аргентинского социолога М. Свампы): социальная поляризация в рамках нового цикла протестной активности сместилась в сторону экологической повестки, фокуси-

1 Воротникова 2018.

2 Костогрызов 2019.

3 Chuji et al. 2019.

4 Veltmeyer and Lau 2020.

5 Chassagne 2020.

руясь на категориях территорий компактного проживания, окружающей среды и др. Поводом к подобного рода процессам, – добавляет М. Свампа, – стала обновленная парадигма капиталистического господства в регионе, где активная коммерциализация природных ресурсов сопровождается криминализацией протестов и наступлением на индейские территории¹.

В этом контексте Buen Vivir не только получила поддержку среди населения андских стран, но распространилась по всей Латинской Америке, выйдя за национальные границы Боливии и Эквадора. Так, благодаря этой концепции стали возможны дискуссии по вопросам конкретных альтернативных проектов развития. Признание прав Матери-Природы (Пачамамы) и мораторий на бурение нефтяных скважин в Амазонии являются лишь некоторыми из них. Однако это приводит нас к парадоксу: на фоне указанных прав государство получает более широкие полномочия для монетизации природных богатств, резко расширив экстракцию последних. Как отмечают в своей работе отечественные исследователи И.В. Ильин и А.Д. Урсул, перед государствами региона стоит сложная задача, в рамках которой на одной чаше весов – обязательства по защите окружающей среды, а на другой – стимулирование национальных экономик. Однако, по мнению ученых, такое противоречие является глобальным, а не характерным только для Латинской Америки. Таким образом, изменяются лишь формы его проявления в отдельно взятой ситуации².

Buen Vivir и теория международных отношений

В целом опыт Латинской Америки показывает примеры, когда правительства нацелены на прагматичный подход к правам Пачамамы, так как зависимость от рентной модели экономики еще больше усилилась, учитывая высокую волатильность на мировых сырьевых биржах. Как результат – еще большее укоренение разногласий между сторонниками Пачамамы и приверженцами концепций экономического роста. Все это приводит нас к дискуссии о возможном постэкстрактивизме. Возникает и резонный вопрос: возможно ли на практике реализовать принципы Sumak Kawsay без категории «развитие» (понимаемой как «экономический рост»)?

Резюмируя описанное выше, резонным будет отметить ту связь, которая существует между концепцией Buen Vivir, ее локальными проявлениями и теорией международных отношений. Во-первых, на наш взгляд, интерпретация экологического дискурса через Buen Vivir представляется локальной версией «теории природных сред», предложенной американским антропологом Б. Нитшманном в рамках «теории "Четвертого мира"», существующей в современной геополитике³. В ее контексте обращение к экологическому дискурсу происходит через призму проблемы сохранения и приумножения как биологического, так и культурного многообразия. По мнению Б. Нитшманна, исторически географическая экспансия государств сформировала два типа природной среды (противоположных друг другу). В первом случае имеется в виду среда государства, с высокой плотностью населения и биологически обедненным ландшафтом. Во втором случае выделяется среда коренных народов, чья культура и быт адаптированы к условиям проживания, что позволяет сохранить как биоразнообразие, так и здоровый ландшафт.

Во-вторых, инновационная Buen Vivir в своей нынешней фазе находится в процессе становления, и ее сторонникам только предстоит преодолеть зависимость от модернизационной парадигмы. Однако уже сейчас она объединяет множество дискурсов (исторических, территориальных, культурных и т.д.), расширяя экологическую повестку на

1 Svampa 2011.

2 Ilyin and Ursul 2020.

3 Nietschmann 1994.

весь регион, а не только в пределах национальных границ Эквадора и Боливии. Ее ставят в один ряд с другими теориями альтернативного развития, такими как антирост и экологический сварадж, к опыту которых также обращаются сторонники идей постразвития. Данное обстоятельство позволяет нам рассматривать Buen Vivir как региональную вариацию экологической геополитики, развивавшейся в рамках критического подхода. В свою очередь, это дает нам основание полагать, что проекты, предлагающие альтернативные пути, отличные от идеи устойчивого развития, могут формироваться и на «периферии», а не только насаждаться из «центра». Общим для них, как правило, является возникновение в среде маргинализированных групп, из-за чего такие конструкты будут заметно отличаться от доминирующих трендов, ставя под сомнение антропоцентрическую логику существующей экономической модели и поступательно приближая к постэкстрактивизму.

Растущая озабоченность мирового сообщества, вызванная ухудшением состояния окружающей среды, привела к поэтапному принятию целого комплекса мер, направленных на гармонизацию взаимоотношений человечества с окружающей средой. Постепенная эволюция международного экологического управления, ставшая ответом на нарастание масштабов экологических проблем, привела к взаимодействию между различными организациями в реализации экологически ориентированного развития и обрела конкретные институциональные рамки в ООН.

Стали возрастать роль и значимость экологического фактора в мирополитических процессах, где одним из трендов, наравне с зеленой экономикой, стала политическая экология, а также политизация экологических проблем. Фактически проблемы экологического характера, с признанием окружающей среды в качестве фактора, влияющего на международную безопасность, все чаще становятся не только темой дебатов на международных форумах, но и объектом политического давления, основанием для введения экономических санкций.

На примере развития экологической повестки в Латинской Америке и концепции Buen Vivir можно говорить о появлении новых акторов, что позволило местным сообществам в лице антиэкстрактивистских движений влиять на дискуссии по вопросам климатических изменений и альтернативных моделей развития. В таких государствах региона, как Эквадор и Боливия, подобные протестные кампании стали частью так называемого экотерриториального сдвига. Именно активизация коренного населения способствовала появлению различных теорий и концепций, явившихся ответом на локальную проблему необходимости объяснения места данных народов в государствах региона. Возникновение у коренных народов собственных концептов развития способствовало внесению рядом государств латиноамериканского континента корректив в политику, учитывавших культурные традиции автохтонного населения, что выводило их за локальные рамки.

Несмотря на возрастающую роль коренного населения и антисистемных движений, их деятельность носит нецентрализованный характер и отличается маргинальностью. В данном контексте пример Buen Vivir демонстрирует вариации горизонтальной самоорганизации общин, что свидетельствует о необходимости проявления большей политической воли со стороны государства в преодолении социально-экологических вызовов.

→ Список литературы / References

- Безерра, М. Окружающая среда и национальный суверенитет. Бразилия под угрозами // *Международная жизнь*. – 2020. – №10. – С. 98–111.
- Bezerra, M. "Environment and national sovereignty. Brazil under threats." *International Affairs* 10 (2020): 98–111. [In Russian]
- Борзова, А.Ю. Стратегия Бразилии в области содействия развитию // *Вестник международных организаций*. – 2015. – №3. – С. 156–169.
- Borzova, A.Y. "The Role of the Brazilian Cooperation Agency in Promoting South-South Cooperation." *International Organisations Research Journal* 3 (2015): 156–169. [In Russian]
- Близнецкая, Е.А. Международное экологическое управление: ключевые вопросы осуществления и перспективы // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2012. – №2. – С. 147–155.
- Bliznetskaya, E.A. "International Environmental Governance: Drivers and Perspectives." *MGIMO Review of International Relations* 2 (2012): 147–155. [In Russian]
- Боклан, Д.С. «Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития // *Московский журнал международного права*. – 2015. – №1. – С. 117–134.
- Boklan, D.S. "'Ecologization' of International Economic Relations in the Context of Evolution of Concept of Sustainable Development." *Moscow Journal of International Law* 1 (2015): 117–134. [In Russian]
- Воротникова, Т.А. «Suma qamaña»: Боливия в поисках альтернативной модели развития // «Глобальный Юг» в полицентричном миропорядке (Мировое развитие. Выпуск 19). – 2018. – №19. – С. 20–25.
- Vorotnikova, T.A. "Suma qamaña": Bolivia in Search of Alternative Model of Development." *Global South in the Polycentric World (Global Development)* 19 (2018): 20–25. [In Russian]
- Дегтерев, Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2012. – №2. – С. 47–58.
- Degterev, D.A. "Game-Theory Analysis of International Development Assistance Regimes." *MGIMO Review of International Relations* 2 (2012): 47–58. [In Russian]
- Костогрызов, П.И. Идеология сума каманья в политике ценностей левоиндигенистского режима Э. Моралеса // *Вестник Пермского университета*. История. – 2019. – №4. – С. 30–40.
- <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-4-30-40>.
- Kostogryzov, P.I. "The suma qamaña ideology in the values politics of Evo Morales' left indigenist regime." *Perm University Herald. History* 4 (2019): 30–40. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-4-30-40>. [In Russian]
- «Левый поворот» в Латинской Америке // Отв. ред. В.П. Сударев. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 216 с.
- Sudarev, V.P., ed. *The 'Left Turn' in the Latin America*. Moscow: ILA RAS, 2017. [In Russian]
- Некрасов, Б.И. Эволюция сотрудничества южноамериканских стран в бассейне реки Амазонки: от создания Договора об амазонской кооперации до подписания «Летисийского пакта» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2020. – №4. – С. 805–822.
- <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-809-826>.
- Nekrasov, B.I. "The Evolution of the Cooperation between South American Countries in the Amazon Basin: From the Development of the Amazon Cooperation Treaty to the Signing of the Leticia Pact for the Amazon." *Vestnik RUDN. International Relations* 4 (2020): 805–822. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-809-826>. [In Russian]
- Павлова, Е.Б. Концепции «хорошей жизни» в Боливии и Эквадоре: расцвет и упадок нормативной силы // *Латинская Америка*. – 2016. – №3. – С. 22–31.
- Pavlova, E.B. "Konceptii "horoshej zhizni" v Bolivii i Ekvadore: rascvet i upadok normativnoj sily." *Latinskaya Amerika* 3 (2016): 22–31. [In Russian]
- Тимофеева, Ю.А., Будыкина, К.Ю. Пожары в Амазонии и отношения между MERCOSUR и ЕС // *Латинская Америка*. – 2020. – №7. – С. 79–88. <https://doi.org/10.31857/S0044778X0009863-8>.
- Timofeeva, Y.A., Budykina, K.Y. "Amazon Wildfires and Mercosur–EU Relations." *Latinskaya Amerika* 7 (2020): 79–88. <https://doi.org/10.31857/S0044778X0009863-8>. [In Russian]
- Урсул, А.Д. Латиноамериканский вектор достижения глобальной устойчивости // *Мировая политика*. – 2020. – №2. – С. 102–115. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2020.2.33376>.
- Ursul, A.D. "Latin American vector of global sustainability acquisition." *World Politics* 2 (2020): 102–115. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2020.2.33376>. [In Russian]
- Caria, Sara, and Rafael Domínguez. "Ecuador's Buen vivir: A New Ideology for Development." *Latin American perspectives* 43 (2016): 18–33. <https://doi.org/10.1177%2F0094582X15611126>.

Chassagne, Natasha. *Buen Vivir as an alternative to sustainable development: Lessons from Ecuador*. London: Routledge, 2020.

Chuji, Mónica, Grimaldo Rengifo, and Eduardo Gudynas. "Buen Vivir." In *Pluriverse. A Post-Development Dictionary*, edited by Ashish Kothari et al., 111-114. New Delhi: Tulika, 2019.

Ilyin, I., and Ursul, A. "Dimensión global de la transición latinoamericana al desarrollo sostenible". *Iberoamérica* 2 (2020): 5-25. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2020-2-01>.

Friant, Martin Calisto. "The Buen Vivir: A policy to survive the Anthropocene?" *Global policy* 1 (2015): 64-71. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12187>.

Lalander, Rickard. "Indigeneidad, descolonización y la paradoja del desarrollismo extractivista en el Estado Plurinacional de Bolivia." *Revista Chilena de Derecho y Ciencia Política* 1 (2017): 49-83. <https://doi.org/10.7770/RCHDYCP-V8N1-ART1178>.

Nietschmann, Bernard. "The Fourth World: nations versus states." In *Reordering the world: geopolitical perspectives on the twenty-first century*, edited by George J. Demko and William B. Wood. Boulder, CO: Westview, 1994.

Quispe-Agnoli, Myriam, and Elena Whisler. "Official dollarization and the banking system in Ecuador and El Salvador." *Economic Review of the Federal Reserve Bank of Atlanta* 3 (2006): 55-71.

Shellenberger, Michael, and Ted Nordhaus *Break through: From the death of environmentalism to the politics of possibility*. Boston: Houghton Mifflin, 2007.

Swampa, Maristella. "Modelo de Desarrollo y cuestión ambiental en América Latina: categorías y escenarios en disputa." In *El desarrollo en cuestión: Reflexiones desde América Latina*, edited by Fernanda Wanderley. La Paz: CIDES-OXFAM, 2011.

Veltmeyer, Henry, and Edgar Zayago Lau, eds. *Buen Vivir and the Challenges to Capitalism in Latin America*. London: Routledge, 2020.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-62-75>

El concepto del "Buen Vivir" en el contexto de la teoría verde de las relaciones internacionales

© A.A. Shinkarenko, V.X. Medina González, B.I. Nekrasov, 2021

Alexander A. Shinkarenko, PhD (Ciencias Políticas), Investigador Principal del Centro de Estudios Políticos, ILA ACR, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

E-mail: hombreyo@gmail.com
(para la correspondencia del autor)

Vinicio Xavier Medina González, PhD (Historiador), Asistente de cátedra de Teoría e Historia de Relaciones Internacionales, RUDN, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 117198, Rusia, Moscú, calle Miklukho-Maklaya, 6

E-mail: xaviermedinagonza1988@gmail.com

Boris I. Nekrasov, Estudiante de Doctorado de cátedra de Teoría e Historia de Relaciones Internacionales, RUDN, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 117198, Rusia, Moscú, calle Miklukho-Maklaya, 6

E-mail: nekrasov.b.i@my.mgimo.ru

Recibido: 10.05.2021

Revisado: 16.06.2021

Aceptado: 01.07.2021

Para citar: Shinkarenko A.A., Medina González V.X., Nekrasov B.I. El concepto del "Buen Vivir" en el contexto de la teoría verde de las relaciones internacionales. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 62-75. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-62-75>.

→ Resumen

El artículo trata sobre las particularidades del concepto del "Buen Vivir" en el contexto de la creciente importancia del factor ambiental en las Relaciones Internacionales (RRII). Los autores destacan las principales etapas de este concepto, que se convirtió en una respuesta lógica a los desafíos socio-ecológicos entre países, cuyos conceptos ecocéntricos reemplazaron el enfoque antropocéntrico. En América Latina, un ejemplo del surgimiento de tales conceptos para mantener la armonía entre el ser humano y el medio ambiente es el "Buen Vivir". Por otro lado, los autores señalan el rol importante de los pueblos indígenas en países como Ecuador y Bolivia, donde las comunidades locales han podido influir en los debates sobre el cambio climático, así como en modelos alternativos para el desarrollo de los países. Por otro lado, por primera vez en la historia nacional, se analiza cuánto está vinculado este concepto con el desarrollo de las RRII, el Ambientalismo, y qué lugar puede ocupar en la Teoría de las Relaciones Internacionales. Los resultados principales de este estudio son: 1) aumentar la importancia del factor ambiental en los procesos políticos mundiales modernos, mientras haya una politización de los problemas ambientales; 2) incrementar los estudios sobre temas relacionados con el ecologismo en el ámbito de las RRII y fomentar su desarrollo en la sociedad como en el aspecto científico; 3) dado el concepto de Desarrollo sostenible que no cumplía plenamente con las demandas existentes, que predeterminaban el surgimiento de América Latina de un concepto separado de desarrollo, en este caso se resalta el componente ambiental, como una 'respuesta' latinoamericana a la búsqueda de un modelo para preservar el medio ambiente; 4) el "Buen Vivir" fue una respuesta latinoamericana a la búsqueda de un modelo para mantener la armonía del ser humano y el medio ambiente con el fin de preservarlo; 5) el "Buen Vivir" se ha aplicado con mayor éxito en Ecuador y Bolivia, ya que en estos países la gran mayoría de habitantes son indígenas y su visión del mundo está estrechamente entrelazada con las ideas clave de este concepto.

→ Palabras clave

América Latina, medio ambiente, ambientalismo, ecologismo, desarrollo socioeconómico, Buen Vivir, Amazonia, OTCA

Declaración de divulgación: Los autores declaran que no existe ningún potencial conflicto de interés.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-76-88>

Никарагуа: секреты политического долголетия президента

© Э.С. Дабагян, 2021

Дабагян Эмиль Суренович, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

E-mail: emidab@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 10.05.2021

Доработана после рецензирования: 12.06.2021

Принята к публикации: 28.06.2021

Для цитирования: Дабагян Э.С. Никарагуа: секреты политического долголетия президента. *Иberoамериканские тетради*. 2021, 9(1): 76–88. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-76-88>.

→ Аннотация

Данная статья представляет собой политический портрет неординарной личности – президента Никарагуа Д. Ортеги, прошедшего долгий и весьма тернистый путь становления от неистового борца с диктаторским режимом до человека, ставшего фактически пожизненным президентом. Автор раскрывает механизмы и способы, с помощью которых Д. Ортега добился государственной власти и тем самым обеспечил себе политическое долголетие. Уделено особое внимание роли Р. Мурильо – супруге политика, значение которой растет во внутривнутриполитической жизни государства. В работе обзорно освещается политическая история страны последних десятилетий, автор раскрывает особенности биографии и профессионального развития личности Д. Ортеги. Рассматриваются также этапы партийной борьбы в Никарагуа и роль Д. Ортеги в этом процессе. В статье подробным образом анализируются мнения различных экспертов относительно произошедших политических событий в Никарагуа. Автор прослеживает и анализирует основные тенденции экономического развития Никарагуа, включая сотрудничество с Российской Федерацией. Отмечается роль Никарагуа в стремлении оказать помощь Российской Федерации на международной арене, а также ряд межгосударственных встреч на разных уровнях вплоть до высшего. Автор подчеркивает разноплановость сфер, в которых осуществляется сотрудничество и взаимодействие двух стран.

→ Ключевые слова

Сандинистский фронт национального освобождения, Даниэль Ортега, Виолета Барриос де Чаморро, Эдуардо Монтеалегре, Росарио Мурильо, реформа Конституции, системная оппозиция, сотрудничество Никарагуа с Россией

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-76-88>

Nicaragua: the secrets of the President's political longevity

© E.S. Dabagyan, 2021

Emil S. Dabagyan, PhD (History), Leading Research Fellow, Center for Political Studies, ILA RAS, Moscow (Russia) **E-mail:** emidab@yandex.ru

For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21/16

Received: 10.05.2021

Revised: 12.06.2021

Accepted: 28.06.2021

For citation: Dabagyan E.S. Nicaragua: the secrets of the President's political longevity. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 76–88. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-76-88>.

→ Abstract

This article is a political portrait of an extraordinary personality, the President of Nicaragua Daniel Ortega, who has travelled a long and very thorny path of transformation from a frantic fighter against a dictatorial regime to a man who actually became the country's president for life. The author presents the methods by which Ortega achieved power and thereby ensured his political longevity. The author pays special attention to the role of Rosario Murillo, the politician's wife, whose importance is growing in the internal political life of the state. The article provides an overview of the political history of the country in recent decades, the author also presents the peculiarities of Ortega's biography and professional development. The author examines the stages of the party struggle in Nicaragua and the role of Ortega in this process. The author analyzes in detail the opinions of various experts regarding political events that took place in Nicaragua. The author traces and analyzes the main trends in economic development of Nicaragua, including cooperation with the Russian Federation. The author notes the role of Nicaragua in assisting the Russian Federation on the international arena. The author

emphasizes the diversity of the spheres in which cooperation and interaction of the two countries is carried out.

→ Keywords

Sandinista National Liberation Front, Daniel Ortega, Violetta Barrios de Chamorro, Eduardo Montealegre, Rosario Murillo, reform of the Constitution, systemic opposition, Nicaragua cooperation with Russia

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Даниэль Ортега Сааведра родился в 1945 г. в городке Ла-Либертад в семье учителей. Еще будучи юношей, он начал вооруженную борьбу с диктатурой клана Сомосы, которую возглавляли борцы за независимость нового поколения, вдохновленные личным примером и идеями национального героя страны Сесара Аугусто Сандино, не пожалевшего своей жизни ради освобождения Никарагуа от внешней оккупации. В 1961 г. разрозненные группы повстанцев объединились в Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО) в целях оказания более организованного сопротивления. Значительную моральную и материальную помощь им, как и другим левым силам континента, предоставила «международная социал-демократия». Тогда многие ее представители поступились основополагающим принципом, согласно которому не следовало оказывать поддержку никаким силам, использующим насильственные методы борьбы. Но демократические лидеры полагали, что в условиях глобального противостояния двух мировых систем никарагуанская оппозиция, получив их поддержку, изберет некий «третий путь» развития. Этого не произошло. Вооруженное противостояние сил диктатуры и СФНО продолжалось еще около 20 лет. В 1979 г. партизаны одержали победу. В 34-летнем возрасте полковой командир Д. Ортега ощутил вкус власти: сначала он возглавил переходную администрацию, а позднее, в 1984 г., по результатам всеобщих выборов занял кресло главы государства. В то время идеологические ориентиры новой власти были размыты, в руководстве СФНО разворачивались острые дискуссии о путях развития страны. Прежние политические институты демонтировались, началась кампания по ликвидации неграмотности, стала проводиться аграрная реформа. Тогда казалось, что Никарагуа пойдет по социал-демократическому пути развития. Но новое руководство предпочло иной вариант: страну наводнили кубинские советники, ориентировавшиеся на социалистическую модель.

Однако последующие годы показали, что расчеты не оправдались. Более того, из-за совокупности негативных факторов развития страны Д. Ортега потерпел поражение в борьбе с Виолетой Барриос де Чаморро – вдовой убитого в период диктатуры видного оппозиционера, ставшей его основным соперником в борьбе за пост президента в электоральной кампании 1990 г. В результате СФНО на несколько лет трансформировался из правящей партии в оппозиционную структуру, имевшую 39 из 92 мест в однопалатной Национальной ассамблее¹. Соответственно, Д. Ортеге тоже пришлось перейти в лагерь оппозиционеров.

На вершину власти Д. Ортега вернулся в 2007 г. В ходе выборов, состоявшихся 5 ноября 2006 г., он завоевал 38,07% голосов, опередив основных соперников, набравших соответственно 29 и 26%¹. Успех политика был обусловлен рядом факторов. Во-первых, незадолго до начала избирательной кампании он заключил сделку со своим противником – президентом Арнольдо Алеманом, подписав Пакт о поддержке реформы избирательного законодательства. Суть документа состояла в следующем: планка числа голосов, необходимых для избрания главы государства, понижалась с 50 до 40%, а в том случае, если лидер опережал основного соперника на 10%, – до 35%². В целом получалось, что для победы кандидату достаточно было иметь простое большинство голосов. Во-вторых, одержать победу на выборах Д. Ортеге помог президент Венесуэлы Уго Чавес, направлявший танкеры с нефтью к берегам тех департаментов, которыми руководили сандинисты. Таким образом простым никарагуанцам как бы давали понять, кого именно из кандидатов им следовало поддержать.

С 2007 г. Д. Ортега не выпускает из рук бразды правления. На референдуме 15 февраля 2009 г. он добился одобрения относительным большинством избирателей (54,86%) своей магистральной идеи – такого изменения Конституции, которое обеспечило бы действовавшему президенту возможность выдвигаться на высший пост вновь и вновь³. Несмотря на снижение уровня поддержки в таких крупных городах, как Манагуа, Леон и Гранада, амбициозный политик готовился к очередным президентским выборам, намеченным на 2011 г. Однако, согласно Конституции 1987 г., первое лицо не имело право баллотироваться на второй срок подряд. В начале года такую возможность Д. Ортеге, вопреки основополагающему документу, предоставил Верховный суд.

В ноябре 2011 г. состоялись очередные выборы. В парламенте правящая партия сохранила подавляющее большинство мест. В борьбу за высший государственный пост вступили шесть кандидатов. Но итог был предreshен: уверенную победу одержал ветеран политических битв Д. Ортега, завоевавший 72,5% голосов⁴. Одна из характерных черт этой избирательной кампании заключалась в том, что, помимо прочих политехнологических маневров, с помощью «услужливой» высшей судебной инстанции из предвыборной борьбы был исключен популярный политик Эдуардо Монтеалегре, что серьезно ослабило шансы оппозиции и резко изменило соотношение сил в пользу Д. Ортеги. Политическое поле оказалось полностью зачищенным от конкурентов. Следствием этого стала низкая явка избирателей: 60% граждан, обладавших правом голоса, в выборах не участвовали. Кроме того, на избирательных участках не было международных наблюдателей.

В 2014 г. настала очередь самого Основного закона, подвергшегося кардинальному пересмотру. Как указывалось выше, в соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию на основании «всенародного одобрения», президент наконец получил право неоднократно претендовать на пост главы государства. С этого момента началось бессрочное правление Д. Ортеги.

1 "Daniel Ortega ganó elección presidencial en Nicaragua," *La Nación*, November 8, 2006, <https://www.nacion.com/el-mundo/daniel-ortega-gano-eleccion-presidencial-en-nicaragua/WWJLPUNXBA3XCDEBW36ZB6UEI/story/>.

2 Чумакова 2009, 280.

3 "Nicaragua's New Constitution Becomes Law," *BBC News*, February 11, 2014, <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-26146038>.

4 Miguel Angel Gutierrez, Ivan Castro, "Nicaragua's Ortega Wins Landslide Re-election," *Reuters*, November 8, 2011, <https://www.reuters.com/article/us-nicaragua-election/nicaraguas-ortega-wins-landslide-re-election-idUSTRE7A50D320111108>.

Следующие президентские выборы состоялись в ноябре 2016 г. Результат был вполне предсказуем: Д. Ортега вновь одержал победу, собрав 72,44% голосов¹. В преддверии избирательной кампании глава государства сделал непредсказуемый ход, зарегистрировав кандидатом на должность вице-президента Росарио Мурильо – свою супругу и по совместительству опытного политического деятеля, а также признанного публициста и литератора. Это объяснялось по меньшей мере двумя факторами. Во-первых, утверждалось, что на руководящие посты необходимо выдвигать женщин. Во-вторых, как это подавалось никарагуанским гражданам, в случае непредвиденных обстоятельств освободившееся президентское кресло в целях обеспечения преемственности центральной власти должно занять доверенное лицо (по сути, это означало, что власть остается в надежных руках). При этом Д. Ортега подчеркивал особый вклад Р. Мурильо в предыдущий избирательный процесс.

Представляется важным отметить, что на выборах 2016 г. основным политическим силам формальной оппозиции – Независимой либеральной партии и Либеральной конституционалистской партии – не удалось выдвинуть единого кандидата. В сложившейся ситуации многие граждане страны окрестили будущую электоральную кампанию «плохой комедией» и выступали за ее бойкот. В ходе митингов, проходивших в центре Манагуа под лозунгами «Нет выборов без коалиции!» и «Выборам – да, фарсу – нет!», влиятельный политик Э. Монтеалегре (подчеркнем, что его соратники в численном отношении составляли вторую по значимости фракцию в законодательном органе предыдущего созыва), с полной уверенностью утверждал, что власть с помощью административного ресурса сумела разобщить оппозицию, отсеяв при этом наиболее перспективных кандидатов².

Бывший претендент на пост президента Эдмундо Харкин считал, что стратегия Д. Ортеги сводилась к нейтрализации оппозиции ради того, чтобы сохранить контроль над политическими процессами, которые могли бы оказать влияние на ход избирательной кампании³. А аналитик Артуро Крус высказался еще яснее, заявив, что если в выборах будут принимать участие политические партии, выдвигающие второстепенные фигуры, да еще и вне внушительной коалиции, которую возглавил бы Э. Монтеалегре, то легитимность всего этого политического спектакля будет сведена к нулю⁴.

Вскоре произошло событие, в результате которого политическая обстановка в Никарагуа кардинально ухудшилась. В конце июля 2016 г. Национальная ассамблея лишила мандатов почти тридцать законодателей, заявивших о своей независимости и о нежелании подчиниться вердикту Верховного суда, запретившего Э. Монтеалегре выполнять обязанности руководителя фракции либералов. Это явно антиконституционное решение было якобы основано на постановлении Высшего избирательного совета. При этом все стороны политического процесса, включая высших государственных чиновников и влиятельных парламентариев, прекрасно знали о существовании 131 статьи Конституции, где было четко прописано, что мандаты выдаются не конкретным лицам, а партиям, которые эти лица представляют⁵.

1 "With Opposition Sideline, Nicaragua's Ortega Easily Wins Third Presidential Term," *NPR*, November 7, 2016, <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2016/11/07/501008141/with-opposition-sideline-nicaraguas-ortega-easily-wins-third-presidential-term>.

2 "Bloque opositor pide a aspirante no prestarse a la "farsa electoral" de Ortega," *Economiahoy.mx*, June 22, 2016, <https://www.economiahoy.mx/politica-eAm/noticias/7656636/06/16/Bloque-opositor-pide-a-aspirante-no-prestarse-a-la-farsa-electoral-de-Ortega.html>.

3 Chamorro et al. 2009.

4 Colburn and Cruz 2018.

5 "El Parlamento de Nicaragua destituye a 28 diputados opositores," *BBC News*, July 29, 2016, <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-36929366>.

Не осталась в стороне и такая влиятельная политическая организация, как Епископальная конференция. В специальном обращении десяти епископов, включая кардинала Леопольдо Бренеса, было сказано: «Власти явно пытаются создать ситуацию, при которой в стране установится однопартийный режим и перестанет существовать плюрализм мнений. Все это – неприемлемо ни с какой точки зрения»¹. Как бы то ни было, события того времени наглядно показывают, как посредством юридических ухищрений реальные соперники Д. Ортеги были лишены возможности участвовать в электоральной кампании.

Ситуация вызывала возмущение и у некоторых бывших соратников команданте по борьбе с диктатурой. Они открыто выступили против его действий, считая, что Д. Ортега стремится создать такую модель партии, которая отличалась бы нетерпимостью по отношению ко всем, кто не согласен с ее политикой. Дора Мария Теллес, видный в прошлом полевой командир, отмечала, что если партия станет таковой, то никто больше не будет иметь право на инакомыслие. Кроме того, факт лишения мандатов ряда принципиально настроенных, несогласных парламентариев свидетельствует о том, что Д. Ортега поступил как диктатор².

Известный никарагуанский писатель Серхио Рамирес, вице-президент страны в 1985–1990 гг., открыто заявил, что электоральная кампания 2016 г. представляет собой «ненастоящие выборы», ибо для обеспечения победы Д. Ортеги в третьем по счету избирательном процессе практически все решения были приняты заранее. Писатель с присущим ему воображением метко окрестил предстоявшие выборы сражением между «спущенным с привязи тигром и закованным в цепи ослом»³. К тому же было件件но, что на выборах не будет ни достойных оппозиционных кандидатов, ни международных наблюдателей.

Близкие к президентской команде круги, обладавшие ресурсами репрессивного аппарата, послушных институтов политической системы, а также контролируемым электоратом, были уверены в окончательной и долгосрочной победе Д. Ортеги на выборах 2016 г. Попытки оппозиции воспрепятствовать переизбранию президента на новый срок до очередных выборов (2021 г.) прогнозируемо не увенчались успехом. Д. Ортега, как и ожидалось, получил мандат на управление государством вплоть до 2021 г.

Международные эксперты и национальные аналитики, следившие за ходом избирательной кампании 2016 г., не скупилась на политические клише и как только ни характеризовали установившийся в Никарагуа режим: в ход шли такие термины, как «делегативная демократия», «мягкий авторитаризм», «институциональная диктатура». Но многие посвященные в секреты никарагуанского политического закулисья смогли увидеть за хлесткими эпитетами определенную тенденцию. Так, например, бывший кандидат на президентский пост Э. Харкин усмотрел в происходящем не только последовательную тенденцию к сокращению демократического поля, но и решимость власти отстаивать свои права на руководство страной до конца, даже с помощью репрессий и иных насильственных форм подавления протестов. Тот факт, что руководство страны пока предпочитает использовать в борьбе с оппозицией не вооруженные силы, а различные псевдоюридические инструменты и институты, создающие некий

1 "Oposición debilitada en Nicaragua busca sobrevivir ante Ortega "todopoderoso", *Proceso Digital*, June 19, 2016, <https://proceso.hn/oposicion-debilitada-en-nicaragua-busca-sobrevivir-ante-ortega-todopoderoso/>.

2 Carlos F. Chamorro, "Ortega Deceived His Followers", *Havana Times*, May 6, 2020, <https://havanatimes.org/interviews/dora-maria-tellez-ortega-deceived-his-followers/>.

3 "Sergio Ramirez: Comicios en que Ortega busca ser reelegido no serán de verdad", *El País*, July 14, 2016, <https://www.elpais.cr/2016/07/14/sergio-ramirez-comicios-en-que-ortega-busca-ser-reelegido-no-seran-de-verdad/>.

прообраз репрессивного законодательства, не должен заслонять очевидное¹. Сальвадор Марти, сотрудник Университета Саламанки, использовавший словосочетание «делегативная демократия», сделал упор на том, что такого рода «демократия» лишает всех, в том числе и гражданские институты, права хоть как-то противостоять исполнительной власти². А авторитетный североамериканский политолог Ричард Фейнберг, предложивший научной общественности термин «мягкий авторитаризм», указал на то, что никарагуанский режим успешно интерпретирует в своих интересах макроэкономическую философию Международного валютного фонда, не говоря уже о венесуэльских субсидиях (о чем речь пойдет ниже). После выдвижения супруги президента Р. Мурильо на пост вице-президента Р. Фейнберг стал называть установившийся в стране политический режим «династическим»³. Однако при всем разнообразии используемых клише аналитики сходились в одном: политическая ситуация, сложившаяся в Никарагуа, не вписывается в общепризнанные стандарты.

Секрет политического долголетия Д. Ортеги заключается, помимо прочего, в том, что при нем произошли серьезные экономические изменения. В частности, президенту удалось придать определенный импульс отношениям с крупным частным капиталом как внутри страны, так и за рубежом. В качестве примера можно привести известного бизнесмена, председателя Высшего совета частных предпринимателей Никарагуа Хосе Адана Агерри. Своими успехами он обязан прямым контактам с членами правительства, осуществлявшимся в обход парламента. Благодаря этим «стратегическим связям», Х. Агерри смог добиться принятия большого количества актов, так или иначе способствовавших развитию его бизнеса. Как считают эксперты, в целом связи между общественным и частным секторами никарагуанской экономики были изначально налажены неплохо, о чем может свидетельствовать весьма поступательное развитие экономики страны в рассматриваемые годы. При этом оставляли желать лучшего инвестиционный климат, транспарентность и свободная конкуренция как основа экономического прогресса любого государства. Известный предприниматель К. Пельяс, с которым власти выстроили стабильные отношения, еще до выборов 2011 г. основал организацию, активно поддерживавшую идею переизбрания президента. Логично предположить, что политическая позиция этой организации принесла ей существенные финансовые дивиденды, обеспечив стабильное положение на длительную перспективу.

Среди зарубежных бизнесменов ведущую роль играли мексиканские магнаты. Так, А. Гонсалес завладел вторым каналом никарагуанского телевидения. Эта сделка положила начало альянсу в информационной сфере. Спустя годы капитал А. Гонсалеса контролировал уже пять местных телеканалов, а остальные финансирует семья Д. Ортеги. Как отмечал в этой связи известный никарагуанский журналист Карлос Фернандес Чаморро, именно таким образом разрушаются демократические институты и гражданское общество⁴.

Однако наиболее грандиозный проект, задуманный Д. Ортегой, – это сооружение межokeанского канала, который стал бы альтернативой сильно загруженному и уже не отвечающему требованиям современности Панамскому каналу. В качестве главного подрядчика строительства выступила гонконгская фирма Nicaragua Canal Development Investment Co. Ltd. Еще в середине 2012 г. проект был изучен и одобрен никарагуанским парламентом. В случае успешного осуществления этого проекта Никарагуа получи-

1 Chamorro et al. 2009.

2 Martí i Puig and Wright 2010.

3 Feinberg 2018.

4 "Carlos Fernando Chamorro: Nicaraguan Journalist Flees Citing Threats," *BBC News*, January 21, 2019, <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-46945682>.

ла бы огромные дивиденды, что позволило бы существенно повысить благосостояние граждан страны. Эти ожидания, вне всякого сомнения, способствовали победе Д. Ортеги в президентской кампании того периода. В целом, как отмечали эксперты, президент учел ошибки, допущенные в период первого срока правления. В частности, он стал уделять намного больше внимания экономическому развитию, примером чего и являлся вышеупомянутый проект, который в связи с отсутствием инвестиций из КНР в августе 2018 г. был заморожен.

В этой связи важно упомянуть и о международной помощи, получаемой Никарагуа. Власть Д. Ортеги долго подпитывалась поддержкой со стороны Венесуэлы во время и после правления Уго Чавеса, щедро делившейся нефтедолларами с союзником по «антиимпериалистическому альянсу». Только официальные венесуэльские субсидии Никарагуа составляли 500 млн долл. в год, не говоря о других формах помощи этой центральноамериканской стране¹. Благодаря высвободившимся финансовым средствам многие малоимущие граждане получили жилье, квалифицированную медицинскую помощь и доступ к образованию, смогли пользоваться такими простыми, на первый взгляд, жизненными благами, как вода и электричество. Но существуют и общие статистические данные, которые свидетельствуют о повышении уровня жизни населения (в частности, и за счет помощи со стороны Венесуэлы): по данным Всемирного банка, бедность в Никарагуа только за пять лет – с 2009 по 2014 г. – снизилась с 42,5 до 29,6%².

Речь здесь идет не только о венесуэльско-никарагуанском сотрудничестве. Не стоит забывать о том, что Никарагуа входит в созданное в 2004 г. объединение – Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA). Страна пошла на теснейшее идеологическое, политическое и экономическое сближение с инициаторами создания этой организации – Кубой и Венесуэлой, стала двигаться строго в фарватере, проложенном такими харизматичными лидерами, как Ф. Кастро и У. Чавес. Впоследствии Д. Ортега предпочел пойти по пути, предложенному его 'кумиром' У. Чавесом, неукоснительно придерживаясь удобного принципа: «Граждан страны нельзя лишать права переизбирать любого соотечественника в третий, четвертый, пятый или шестой раз, если они этого хотят»³.

Стабильность режима Д. Ортеги в немалой степени подпитывалась сотрудничеством с СССР и позднее – с Российской Федерацией, о чем следовало бы сказать более подробно. Здесь важно подчеркнуть стремление сторон к научно-техническому партнерству, а также предрасположенность Москвы к оказанию безвозмездной гуманитарной помощи Никарагуа. Некоторая политизация взаимоотношений объективно привела к расширению и активизации этих связей.

В отношениях между Никарагуа и Россией (СССР) довольно четко прослеживаются два этапа. Триумф никарагуанских повстанцев в 1979 г., ознаменовавший очередную победу революции на латиноамериканском континенте, был воспринят в Советском Союзе с большим воодушевлением. Руководство страны, естественно, проявляло к событиям в Никарагуа огромный интерес. Это, в частности, объяснялось надеждой на появление еще одного форпоста СССР в Западном полушарии, вблизи от Соединенных Штатов Америки. Советский Союз начал оказывать латино-

1 Benjamin Waddell, "Venezuelan oil fueled the rise and fall of Nicaragua's Ortega regime," *Conversation*, August 21, 2018, <https://theconversation.com/venezuelan-oil-fueled-the-rise-and-fall-of-nicaraguas-ortega-regime-100507>.

2 "Toward more Shared Prosperity in Nicaragua," The World Bank, accessed March 1, 2021, <https://www.worldbank.org/en/results/2017/08/09/toward-more-shared-prosperity-in-nicaragua>.

3 Дабагян 2010, 87.

американской стране серьезную политическую и материальную помощь. По оценкам западных экспертов, СССР инвестировал в Никарагуа около 5 млрд долл.¹ В постсоветское время, 18 сентября 2002 г., был подписан Договор о межгосударственных отношениях, юридически закрепивший практику политического взаимодействия². В духе этого договора Никарагуа стала первой страной, поддержавшей «операцию по принуждению Грузии к миру», предпринятую Российской Федерацией в августе 2008 г. Как известно, в результате этой операции Абхазия и Южная Осетия отделились от Грузии и стали самостоятельными республиками. В начале сентября 2008 г., выступая перед никарагуанскими военными, Д. Ортега весьма недвусмысленно сформулировал свою точку зрения по этому вопросу. В частности, он напомнил, что Абхазия и Южная Осетия находились в составе бывшего СССР на правах автономий, отметив при этом, что, «учитывая постоянные угрозы со стороны Грузии, у России не было никакого выхода, кроме как оказать им военно-политическую помощь»³. Позднее, принимая в столице своей страны делегацию из Российской Федерации, президент Никарагуа занял еще более выраженную пророссийскую позицию: «Россия продолжает нести свет миру. Ее по-прежнему преследует империя, которая убеждена в том, что, поскольку СССР больше не существует, то она сможет развалить и Россию. Это – глубочайшее заблуждение»⁴. Сходной позиции придерживался и являвшийся в тот период председателем Генеральной Ассамблеи ООН никарагуанец М. Брокман. По его мнению (весьма вероятно, согласованному с официальным Манагуа), Россия сегодня, как и в прошлом Советский Союз, своими шагами на международной арене помогает удерживать равновесие в мире⁵.

В октябре 2008 г. Никарагуа посетила представительная российская делегация. Согласно достигнутым договоренностям, страна должна была получить значительную помощь для налаживания и активизации хозяйственной деятельности. Существенно укрепились экономические и военно-технические контакты, стране был предоставлен крупный кредит на выгодных условиях.

В конце того же года Д. Ортега нанес официальный визит в Москву. Президент Никарагуа провел встречу с президентом России Д.А. Медведевым. Основным результатом этого визита стало подписание пакета соглашений в области энергетики, сельского хозяйства, образования и науки. Кроме того, никарагуанский лидер провел переговоры с руководителями заинтересованных ведомств, обещал посетить Южную Осетию. Позднее между Никарагуа, Южной Осетией и Абхазией были установлены дипломатические отношения, а глава никарагуанского внешнеполитического ведомства С. Сантос посетил эти две республики.

Спустя два года, в 2010 г., Никарагуа посетил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров. Он заявил, что российское руководство намерено продолжать курс на сближение с этой центральноамериканской страной, и подарил ведущему никарагуанскому университету книги для обустройства кабинета русского языка. В марте 2014 г. произошло еще одно событие, сыгравшее важную роль в развитии двусторонних отношений: во время голосования в Генеральной Ассамблее ООН по вопросу о присоединении Крыма к России Никарагуа (и еще 9 государств) высказалась в поддержку позиции Российской Федерации.

1 Сударев et al. 2008, 5.

2 Ibid., 47.

3 "Nicaragua Recognizes Independence of South Ossetia and Abkhazia," *The New York Times*, September 4, 2008, <https://www.nytimes.com/2008/09/04/world/americas/04iht-georgia.4.15904253.html>.

4 Ibid.

5 "63rd Session: Miguel d'Escoto Brockmann," General Assembly of the United Nations, accessed March 10, 2021, <https://www.un.org/en/ga/president/63/>.

12 июля 2014 г. В.В. Путин в ходе поездки по Латинской Америке изменил расписание и посетил Никарагуа, где пообщался с Д. Ортегой. Собеседники подробно обсудили состояние и перспективы многосторонних связей в различных областях. Несколько месяцев спустя, в январе 2015 г., с этой же повесткой Никарагуа посетила делегация сенаторов во главе с председателем Совета Федерации В.И. Матвиенко. Гостей принял глава государства. Примерно тогда же никарагуанского лидера наградили Орденом Дружбы за значительный вклад в развитие двусторонних связей.

В последние годы российско-никарагуанские связи развиваются весьма динамично. Так, в Никарагуа было запущено производство разработанных еще в СССР вакцин. На церемонии открытия предприятия побывала В.И. Скворцова, занимавшая в то время пост министра здравоохранения. Данное направление сотрудничества получило дальнейшее развитие. Достаточно отметить, что в никарагуанской столице был создан теперь широко известный Латиноамериканский институт биотехнологий «Мечников». Это высокотехнологичное совместное российско-никарагуанское предприятие по производству вакцин, имеющее четко очерченную региональную проекцию. В конце 2020 г. посол России в Никарагуа А.Н. Хохликов посетил Институт с ознакомительным визитом. Генеральный директор этого научного учреждения С.В. Уйба рассказал о насущных проблемах деятельности совместного предприятия и перспективах его развития. Успешное осуществление данного проекта является ярким примером плодотворного сотрудничества России с Никарагуа, а также с Латинской Америкой в целом, в сфере здравоохранения. В условиях пандемии коронавирусной инфекции роль Института трудно переоценить¹.

Большое значение имеет и гуманитарная помощь Никарагуа со стороны Российской Федерации. Так, 8 декабря 2020 г. постоянный представитель России при Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, а также при других международных институтах, находящихся в Риме, В.Л. Васильев подписал Меморандум о взаимопонимании со Всемирной продовольственной программой ООН относительно порядка перечисления и расходования добровольного взноса Российской Федерации в размере 10 млн долл. в целях развития систем школьного питания на Кубе и в Никарагуа на период 2020–2023 гг. Данный проект позволит обеспечить школьников из наиболее нуждающихся кубинских и никарагуанских семей полноценным бесплатным питанием, что будет способствовать более успешной борьбе с распространением разного рода болезней и позволит существенно снизить уровень детской заболеваемости и смертности в этих странах. Другой аспект этой же проблемы – сокращение масштабов детского труда, что, в частности, должно благоприятно сказаться на замедлении темпов пандемии COVID-19².

1 «О посещении послом России в Никарагуа СП «Мечников»» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/ni/-/asset_publisher/U5gRMiYukcn7/content/id/4516826 (дата обращения: 15.03.2021).

2 «Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с подписанием Меморандума о взаимопонимании с Всемирной продовольственной программой ООН (ВПП) относительно поддержки программ школьного питания на Кубе и в Никарагуа» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/ni/-/asset_publisher/U5gRMiYukcn7/content/id/4476234 (дата обращения: 15.03.2021).

Набрасывая штрихи к политическому портрету никарагуанского президента, подчеркнем, что амбициозный Д. Ортега, закаленный в ходе многочисленных политических баталий, занимает высший государственный пост третий срок подряд. К этому следует добавить годы переходного периода, наступившего вслед за победой над диктаторским режимом А. Сомосы, когда политик еще возглавлял СФНО, а также его первый мандат, завершившийся передачей власти кабинету В. Барриос де Чаморро. Иными словами, Д. Ортега находится у власти в общей сложности больше времени, чем те, кого он и его соратники свергли с оружием в руках. По иронии судьбы, несменяемый президент управляет государством почти столь же долго, сколько правят некоторые августейшие королевские особы. Д. Ортега, безусловно, является политическим долгожителем среди лидеров континента, находясь в президентском кресле уже больше четверти века. Справедливости ради следует отметить, что в Никарагуа эпохи Д. Ортеги, пусть и номинально, но соблюдались основные демократические нормы: регулярно проводились выборы всех политических институтов власти, существовало разделение властей. Однако реально все, что происходило в стране, было и продолжает быть, как и при традиционной диктатуре, подчинено воле одного человека.

В ноябре 2021 г. в Никарагуа должны состояться очередные президентские выборы. По предварительным данным, на высший государственный пост намерена баллотироваться уже упомянутая выше супруга действующего президента (Р. Мурильо). Если она станет руководителем страны, то де-факто это будет означать сохранение режима, но в несколько преобразованном виде.

→ Список литературы / References

Дабаян, Э.С. Куда идет Венесуэла? // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. – №4. – С. 81-92.

Dabagyan, E.S. "Kuda idet Venesuela?" *World Economy and International Relations* 4 (2010): 81-92. [In Russian]

Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. 2 том / Отв. ред. М.Л. Чумакова. – М.: ИЛА РАН, 2009. – 440 с.

Chumakova, M.L., ed. *Latin America: tests for democracy. Political modernization's trends*. Book 2. Moscow: ILA RAS, 2009. [In Russian]

Сударев, В.П., Чумакова, М.Л., Лавут, А.А., Дьяконов, О.И., Николаев, А.Ю. *Никарагуа: сандинисты снова у власти* / Серия «Саммит». – М.: ИЛА РАН., 2008. – 63 с.

Sudarev, B.P., Chumakova, M.L., Lavut, A.A., D'yakonov, O.I., Nikolaev, A.Yu. *Nicaragua: the Sandinistas are back in power*. Moscow: ILA RAS (The Summit series), 2008. [In Russian]

Chamorro, Carlos F., Edmundo Jarquin, and Alejandro Bendaña. *Understanding populism and political participation: the case of Nicaragua*. Washington, D.C.: Wilson Center, 2009. <https://www.wilsoncenter.org/publication/understanding-populism-and-political-participation-the-case-nicaragua>.

Feinberg, Richard E. *Nicaragua: revolution and restoration*. Washington, D.C.: Brookings Institution, 2018. https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/11/FP_20181108_nicaragua.pdf.

Colburn, Forrest D., and Arturo Cruz S. "Latin America's shifting politics: the fading of Costa Rica's old parties." *Journal of Democracy* 29, no. 4 (2018): 43-53.

Martí i Puig, Salvador, and Claire Wright. "The adaptation of the FSLN: Daniel Ortega's leadership and democracy in Nicaragua." *Latin American Politics and Society* 52, no. 4 (2010): 79-106.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-76-88>

Nicaragua: los secretos de la trayectoria política del presidente

© E.S. Dabagyan, 2021

Emil S. Dabagyan, Ph.D (Historiador), Investigador Asociado Principal del Centro de Estudios Políticos, ILA ACR, Moscú (Rusia)

E-mail: emidab@yandex.ru

Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

Recibido: 10.05.2021

Revisado: 12.06.2021

Aceptado: 28.06.2021

Para citar: Dabagyan E.S. Nicaragua: los secretos de la trayectoria política del presidente. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 76-88. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-76-88>.

→ Resumen

El artículo analiza el retrato político de la personalidad extraordinaria del Presidente de Nicaragua Daniel Ortega, quien tiene una extensa y áspera trayectoria para establecerse como un firme luchador contra el régimen dictatorial, convirtiéndolo en el presidente que más tiempo ha

permanecido en el cargo. El autor presenta los métodos por los cuales D. Ortega alcanzó el poder y con ello aseguró su extensa trayectoria política. También, se destaca la importancia de Rosario Murillo, esposa del político, cuya relevancia está creciendo sobretodo en el curso político interno del estado. Asimismo, se ofrece una visión general de la historia política del país en las últimas décadas, presentando las particularidades de la biografía, desarrollo profesional de D. Ortega en las etapas de la lucha partidista en Nicaragua y el papel que desempeña él en este proceso. Por otro lado, se hace un análisis detallado de las opiniones de diversos expertos sobre hechos políticos ocurridos en el país y sus principales tendencias dentro del desarrollo económico, incluyendo la cooperación con la Federación de Rusia, especialmente la predisposición por apoyar a Nicaragua en el ámbito internacional.

→ Palabras clave

Frente Sandinista de Liberación Nacional, Daniel Ortega, Violeta Barrios de Chamorro, Eduardo Montealegre, Rosario Murillo, reforma de la Constitución, oposición sistemática, Nicaragua cooperación con Rusia

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-89-101>

Никарагуа: кризис власти и выборы 2021 г.

© Д.В. Морозов, 2021

Морозов Дмитрий Валерьевич, старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

E-mail:
dmitrym1@hotmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.05.2021

Доработана после рецензирования: 19.06.2021

Принята к публикации: 04.07.2021

Для цитирования: Морозов Д.В. Никарагуа: кризис власти и выборы 2021 г. *Иberoамериканские тетради*. 2021, 9(1): 89-101. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-89-101>.

→ Аннотация

Статья посвящена актуальной внутривнутриполитической ситуации в Никарагуа. Автор анализирует причины острого социально-политического кризиса, возникшего в апреле 2018 г., представляя детальный анализ предыстории данных событий. Автор отмечает, что в стране установлен режим личной власти президента Д. Ортеги с опорой на бюрократию и силовые структуры, поскольку именно они играют ключевую роль в сохранении Д. Ортеги в качестве президента страны. В Никарагуа ограничены гражданские права, оппозиционные активисты и деятели, независимые СМИ и правозащитные организации подвергаются давлению со стороны властей и силовых структур. Судебная власть полностью подчинена власти исполнительной, которую фактически олицетворяет действующий президент Д. Ортега. В работе дается оценка расстановки политических сил и общей политической картины в лагере оппозиции. Автор анализирует причины целого ряда противоречий, которые разделяют блок оппозиции Никарагуа. Дан анализ политического потенциала и электоральных возможностей оппозиционных сил. Автор прогнозирует возможный сценарий развития событий в связи с приближающимися выборами, которые должны состояться в ноябре 2021 года. Автор приходит к выводу о том, что режим Д. Ортеги слабеет и теряет свои позиции, но пока сохраняет запас прочности, который позволяет ему удерживать власть. В качестве одного из вариантов развития событий автор прогнозирует возможность прихода к власти компромиссной фигуры, что, однако, не предполагает изменения реальной расстановки сил и смены главенствующих фигур в государстве.

→ Ключевые слова

Никарагуа, Даниэль Ортега, политический режим, оппозиция, СМИ, выборы, социально-политический кризис

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-89-101>

Nicaragua: power crisis and elections in 2021

© D.V. Morozov, 2021

Dmitry V. Morozov, Senior Research Fellow, Center for Political Research, ILA RAS, Moscow (Russia)
For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21/16

E-mail:
dmitrym1@hotmail.com

Received: 15.05.2021

Revised: 19.06.2021

Accepted: 04.07.2021

For citation: Morozov D.V. Nicaragua: power crisis and elections in 2021. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 89–101. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-89-101>.

→ Abstract

The article is devoted to the current internal political situation in Nicaragua. The author analyzes the reasons for the acute socio-political crisis that arose in April 2018, presenting a detailed analysis of a historical background of these events. The author notes that a regime of personal power of President Ortega has been established in the country, relying on bureaucracy and power structures, since it is them playing a key role in preserving Ortega as the country's President. The paper assesses the alignment of political forces and the general political situation in the opposition camp. The author analyzes the reasons for a number of existing contradictions that plague the opposition bloc of Nicaragua. An analysis of political potential and electoral possibilities of the opposition forces is given. The author predicts a possible scenario for the development of events within the framework of internal political situation in connection with the upcoming elections to be held in November 2021. The author comes to conclusion that the regime of Ortega is weakening and losing its positions, but still retains a margin of safety, which allows him to remain in power. As one of the scenarios for the development of events, the author predicts the possibility of a 'compromise figure' coming to power, which, however, does not imply a change in the real balance of power and dominant political figures in state politics.

→ Keywords

Nicaragua, Daniel Ortega, political regime, opposition, media, elections, socio-political crisis

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

В 2018 г. в Никарагуа разразился острый внутривластный кризис, продолжающийся по настоящее время. Он стал следствием той модели, которую нынешний глава государства Д. Ортега выстраивал на протяжении первых десяти лет своего президентства (2007–2018 гг.).

После победы на выборах в 2006 г., будучи поддержан широкими слоями населения, помнившими о его политическом происхождении, Ортега сразу обозначил линию своего правления: налаживание отношений с экономическими элитами и формирование авторитарного режима личной власти. Президент заключил пакт с предпринимателями, известный как «Alianza Publica Privada». Главным пунктом соглашения стало обещание президента не проводить национализации и аграрной реформы. Взамен крупный бизнес обязался не заниматься политикой. Подобные действия бывшего революционера легко объяснимы. После победы революции в 1979 г. представители высшего звена сандинистского руководства перешли в разряд имущих классов – стали владельцами роскошных вилл, резиденций и других объектов недвижимости, конфискованных у бывшего диктатора А. Сомосы и его сторонников. В 1990 г. сандинисты успели принять законы, которые запрещали отбирать конфискованную у сторонников режима Сомосы собственность у ее новых хозяев. Большое влияние на Ортегу оказала его супруга Р. Мурильо. В 1990-е гг. она уговорила мужа переориентироваться на ценности рыночной экономики (при сохранении революционной риторики). В 2006 г. на выборы шел уже не пламенный борец за высокие идеалы, а умудренный опытом политической борьбы прагматик, способный поступаться принципами ради достижения поставленных целей.

Практическим воплощением альянса с олигархами стала экономическая политика, которая отвечала интересам экспортеров сырья, финансовых магнатов и латифунистов. Крупный частный капитал получил возможность участвовать в реализации масштабных и прибыльных проектов по линии госзаказов. Ему были предоставлены большие привилегии – только налоговые льготы совокупно достигали 1 млрд долл. ежегодно¹. Режим обеспечивал продвижение выгодных крупному капиталу законопроектов. Тогдашний председатель главного корпоративного объединения крупного бизнеса «Consejo Superior de la Empresa Privada» (COSEP) Х. Агерри значительно увеличил свое состояние в обход формальных процедур². В 2015 г. число никарагуанских мультимиллионеров достигало 210. Правительство активно привлекало иностранные компании для разработки полезных ископаемых, в частности золота. С помощью послушных профсоюзов оно сдерживало рабочее движение. В 2016 г. Ортега удостоился похвалы МВФ. Ранее представитель Всемирного банка назвал Никарагуа «образцовой страной» субрегиона.

1 Oscar Rene Vargas, "¿Cuáles son los poderes fácticos en Nicaragua?," *Artículo 66*, March 2, 2021, <https://www.articulo66.com/2021/03/02/opinion-poderes-facticos-nicaragua-ortega-murillo-ejercito-policias-politicos-movimientos-sociales-obispos/>.

2 Дабалян 2016, 26.

Первое десятилетие президентства Ортеги совпало с благоприятной ситуацией на мировом рынке: товары никарагуанского экспорта пользовались спросом. Страна получала кредиты от международных финансовых учреждений. Но реальную основу ее процветания составили не экспорт и кредиты, а многомиллионная помощь Венесуэлы. Участие Манагуа в 'антиимпериалистических' проектах венесуэльского лидера Уго Чавеса (ALBA, PETROCARIBE) обеспечило поставки нефти на очень выгодных условиях, что устранило перебои в производстве электроэнергии. Одновременно Каракас предоставлял щедрые кредиты, которые нигде не учитывались. Общий объем венесуэльских вливаний составил более 4 млрд 950 млн долл.¹ Режим сосредоточил в своих руках внушительные финансовые средства. Это позволило ему не повышать налоги и осуществлять ряд программ по поддержке беднейших слоев населения. В стране утвердилась модель, при которой рыночная экономика сочеталась с мерами социальной поддержки обездоленных классов. Патернализм государства позволял сглаживать социальные антагонизмы и одновременно обеспечивать лояльность части низов.

В политической сфере шло свертывание демократических процедур и институтов. Формировался авторитаристский режим с опорой на бюрократию и силовые структуры, с одной стороны, и убежденных сторонников – с другой. Общественно-политическая жизнь была поставлена под контроль правящей группировки. Постепенно власть оказалась сосредоточена в руках президента Ортеги и Мурильо (с 2016 г. занимает пост вице-президента). В 2014 г. была проведена «конституционная реформа» – контролируемый сандинистами парламент принял поправки к Основному закону². Они создавали условия для бессменного пребывания Ортеги у власти: действующий президент получил право переизбираться неограниченное количество раз³. Закреплялось прямое подчинение армии и полиции президенту, что было важным шагом на пути усиления авторитарных методов управления страной. Армия все чаще привлекалась к подавлению волнений в сельских районах.

Формально в стране действовал принцип многопартийности, но фактически в центре политической системы находился Сандинистский фронт национального освобождения (Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN). Проводился курс на сращивание FSLN с государственным аппаратом⁴. Сам Фронт претерпел серьезные изменения в кадровом отношении. Его ряды пополнили технократы, руководимые корыстными интересами (членство в этой партии рассматривается ими как способ занять привилегированное положение в обществе). Оппозиция оказалась низведена до положения маргиналов. Управление государством все больше осуществлялось директивными методами. Судебные органы всех уровней были полностью подчинены исполнительной власти, которая оказывала сильное давление на СМИ, чтобы превратить их в инструмент пропаганды и заставить обслуживать политические интересы Ортеги. Независимая журналистика встречала трудности на пути самовыражения. Прежняя революционная идеология СФНО стала подменяться личными суждениями четы Ортега – Мурильо⁵. В стране нарастала атмосфера неприятия инакомыслия. Свои ошибки власть все чаще объясняла происками внешних и внутренних врагов.

1 "Cooperación venezolana a Nicaragua cae 73.4 por ciento," Confidencial, June 10, 2019, <https://confidencial.com.ni/cooperacion-venezolana-a-nicaragua-cae-73-4-por-ciento/>.

2 Сударев, Симонова 2017, 94.

3 Ивановский 2015, 26.

4 Чумакова 2009, 290.

5 Морозов Д.В. «От революционного прошлого осталась одна фразеология» [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-10-18/12_7992_nicaragua.html (дата обращения: 15.02.2021).

К 2018 г. эта модель начала давать сбои. Сохранялось социальное неравенство. До 70% экономически активного населения продолжало трудиться в неформальном секторе и довольствоваться непостоянными заработками¹. По-прежнему широко использовался детский труд. В стране насчитывается около 390 тыс. работающих детей и подростков (57% занято в сельском хозяйстве, 33% – в сфере услуг, 8% – в фабричном производстве). Патернализмом сандинистов оказалась не охвачена основная масса городских жителей (участники кустарного производства, ремесленники и лавочники). Правительственная помощь направлялась в основном слоям городских окраин, лояльным власти. В 2016 г. произошло падение мировых цен на нефть. В результате резко сократился поток венесуэльской финансовой помощи. В 2018 г. страна получила от Каракаса немногим более 27 млн долл. – на 73,4% меньше, чем в 2017 г. Это привело к свертыванию социальных мероприятий. В 2018 г. средняя минимальная заработная плата покрывала менее половины стоимости базовой корзины.

Нарастало недовольство крестьянства. У FSLN напряженные отношения с деревней сохраняются с 1980-х гг., когда аграрная реформа сандинистов фактически обманула ожидания крестьян, мечтавших получить землю в собственность². Либералы, стоявшие у власти в 1990-е – начале 2000-х гг., проводили курс на реставрацию до-революционных порядков в аграрном секторе. Более половины земель, конфискованных после 1979 г. у латифундистов, были возвращены прежним хозяевам либо проданы с молотка. Вновь возникли латифундии, обострилась проблема безземелья сельских трудящихся. Многие крестьяне, обладающие собственным наделом, долгие годы не могут официально оформить права собственности. Это дает властям неограниченные возможности для злоупотреблений, в том числе для экспроприации участков.

Пойдя на сотрудничество с экономическими элитами и иностранным капиталом, Ортега объективно встал на антикрестьянские позиции. Практическим воплощением этой линии стало вытеснение крестьян из районов залежей полезных ископаемых, чтобы иностранные горнодобывающие компании могли беспрепятственно их разрабатывать. Ситуация в сельских районах обострилась в 2014 г. с началом строительства меж океанского канала. Более 20 тыс. семей оказались под угрозой потери своих земель. Крестьянство отреагировало массовыми акциями протеста. Власти жестко подавляли сопротивление³. Но движение продолжало нарастать и быстро приобрело общенациональный размах. В 2018 г. были выдвинуты лозунги отставки Ортеги и демократизации политической жизни. Крестьянские активисты становятся жертвами внесудебных акций, за которыми стоят силовые структуры. С 2008 г. по начало 2019 г. были убиты 55 крестьян⁴, открыто выражавших свое несогласие с линией FSLN, в течение 2019 г. – 71⁵. Главным рупором крестьянских устремлений стало Крестьянское движение Никарагуа (Movimiento Campesino de Nicaragua, MCN).

Непростая обстановка сложилась в регионе Москития, где проживают индейцы мискито. Взаимная вражда уходит корнями в 1980-е гг., когда революционное правитель-

1 Доходы работников этой категории составляют 25–50% от официально установленного размера минимальной заработной платы (181,5 долл.), которая лишь на 43% покрывает стоимость базовой потребительской корзины.

2 Землю получили в основном члены организованных сандинистами сельскохозяйственных коммун.

3 Так, в декабре 2014 г. правительство направило полицейский спецназ и армейские подразделения для подавления крестьянских выступлений. В результате столкновений десятки крестьян получили ранения, часть активистов отправили в печально известную со времен Сомосы столичную тюрьму «Эль Чипоте».

4 Cinthya Torrez García, "Ejército de Nicaragua se desvincula de asesinatos de campesinos cometidos entre 2008 y 2019," *La Prensa*, November 4, 2019, <https://www.laprensa.com.ni/2019/11/04/nacionales/2607525-ejercito-de-nicaragua-se-desvincula-de-asesinatos-de-campesinos-cometidos-entre-2008-y-2019>.

5 Walkiria Chavarría, "Continúa represión contra campesinos en Nicaragua: 8 asesinatos en lo que va del año," *VOS TV*, July 18, 2020, <https://www.vostv.com.ni/nacionales/14165-campesinos-asesinados-nicaragua-derechos-humanos-p/>.

ство допустило серьезные ошибки в национальном вопросе. Попытка в административно-командном порядке переустроить жизнь индейских общин вызвала ожесточенное сопротивление индейцев, которые пополняли ряды вооруженной оппозиции. После 2006 г. начался процесс «хозяйственного освоения» индейских территорий. В планах правительства – передача земельных массивов на Карибском побережье в руки крупных деревообрабатывающих и агропромышленных компаний. В регион хлынул поток вооруженных колонистов, которые вырубая леса и создают фермерские хозяйства. Между ними и мискито происходят столкновения. В 2020 г. погибли 49 коренных жителей Москитии, около тысячи были вынуждены покинуть места своего проживания¹. Центральная власть ничего не делает для предотвращения земельных захватов: явно преследуется цель создать в лице колонистов противовес отличающимся свободолобием мискито. Формально Москития пользуется автономией, но в реальности там действуют параллельные органы власти под контролем FSLN. Интересы мискито выражает политическая партия «Дети Матери-Земли» (Yapti Tasba Masraka Nanih Aslatakanka, YATAMA).

Начал давать сбои и альянс Ортеги с крупным бизнесом: олигархи все больше тяготились своим положением младшего партнера. Кроме того, в период 2007–2018 гг. ближний круг Ортеги – Мурильо (семья и друзья из деловых кругов) начал довлеть в наиболее доходных секторах никарагуанской экономики. Коммерческие интересы семейства президента охватывают сферы коммуникаций, недвижимости и производства цемента, ему принадлежит ряд тепловых электростанций. Один из сыновей президента Рафаэль возглавил госкомпанию *Distribuidora Nicaraguense de Petróleos (DNP)*, которая практически монополизировала продажу бензина в стране. Его брат Лауреано был поставлен у руководства инвестиционного агентства *PRONicaragua*, отвечающего за привлечение в страну иностранных капиталов. Под контроль семьи перешли шесть из девяти открытых телеканалов, из них три напрямую подчинены сыновьям президента (Маурису, Карлосу и Даниэлю). По некоторым подсчетам, состояние семейства Ортеги – Мурильо превышает 2 млрд 500 млн долл.² Часть этих денег хранится в других странах (предположительно, в Турции, государствах Персидского залива, Люксембурге). Постепенно семья и друзья президента в альянсе с иностранным капиталом заняли привилегированное положение в хозяйственной жизни. Экономическая политика государства все больше ориентировалась на удовлетворение именно их интересов. Одновременно шло выдавливание конкурентов из числа других предпринимателей.

Наиболее радикальные настроения возникли среди студенчества. Правительство оказывало на университеты административное давление, лишив их автономии и поставив под контроль государства. Ограничивалась интеллектуальная свобода, предпринимались попытки установить контроль над настроениями в студенческой среде, проводились политически мотивированные «чистки». Накопились серьезные проблемы среди молодежи: бедность, безработица, отсутствие возможностей найти себе применение в условиях засилья активистов Фронта во всех сферах. Именно молодежь стала главной движущей силой потрясших страну массовых протестов.

Сложилась ситуация, когда были исчерпаны многие обещания президента, но при этом он не хотел отдавать власть. Правящая группировка все в большей степени концентрировалась на себе. В обществе же возникла потребность перемен. Люди устали от несменяемости власти и политической стагнации. Официальная пропаганда уже не давала прежнего эффекта, интересы общества все больше вступали в противоречие с поли-

1 "Al menos 49 indígenas asesinados en 2020 en el Caribe," *Trinchera*, January 29, 2021, <https://www.trincheraonline.com/2021/01/29/al-menos-49-indigenas-asesinados-en-2020-en-el-caribe/>.

2 Oscar René Vargas, "Millionarios, fuga de capitales y "narcopolítica"," *Artículo 66*, March 21, 2021, <https://www.articulo66.com/2021/03/21/opinion-millonarios-nicaragua-daniel-ortega-rosario-murillo-empresarios-remesas/>.

тической надстройкой. Ответом властей на требования перемен стали консервирование существующей системы, подавление недовольства, усиление административных методов управления. В рамках созданной Ортегой системы государственной власти граждане не могли заявить о своих предпочтениях через легально действующие структуры. Единственным способом публично выразить недовольство стали внепарламентские средства борьбы.

Но восстания в апреле 2018 г. не произошло. Выступления не были должным образом подготовлены, носили стихийный и неорганизованный характер. Не был обеспечен союз горожан с сельскими трудящимися: «на баррикады» вышла в основном радикально настроенная молодежь. Оппозиционные партии растерялись, оказались неспособны возглавить движение. Большинство населения проявило пассивность. Протестные настроения в обществе еще не достигли того предела, когда люди готовы массово выйти на улицы для предъявления власти своих требований.

В то же время события 2018 г. не прошли бесследно. Они стали водоразделом во внутриполитической жизни страны. Режим сильно дискредитировал себя подавлением протестов. По данным оппозиции, число погибших участников превысило 320 человек. В лагере оппозиции появились новые силы: Гражданский альянс за справедливость и демократию (Alianza Cívica por la Justicia y la Democracia, ACJD) и Национальный союз сине-белого флага (Unidad Nacional Azul y Blanco, UNAB). Поначалу они были разнородными по социальному составу и ратовали за уличные методы борьбы. Серьезные сдвиги произошли к 2020 г. ACJD стал представителем интересов крупных предпринимателей. Командные позиции в нем занял (и продолжает занимать) COSEP. Социальная ограниченность ACJD хорошо отражается в двойственности его позиции. Экономические элиты хотят, с одной стороны, устранить монополию на власть FSLN, а с другой – сохранить свои привилегии и не допустить прихода к власти левых сил. Это предопределило переход Альянса на умеренные позиции и отказ от уличной активности.

UNAB можно условно отнести к левому флангу оппозиционного лагеря. На данном этапе о степени его приверженности левым позициям судить сложно: это объединение пока не предложило конкретной социально-экономической программы. Объективно оно выступает от имени широких городских масс и является сторонником наступательных действий. Внутри движения главенствуют Обновленческий демократический союз (Unión Democrática Renovadora, UNAMOS)¹ и активисты студенческих организаций. Первоначально левая оппозиция разделяла идею о демократизации избирательной системы на основе компромисса с режимом. Но к 2020 г. ее лидеры пришли к выводу, что Ортега уходит не собирается, а лишь тянет время, чтобы расколоть оппонентов. Это делало обсуждение реформы бессмысленным. В таких условиях радикальное крыло UNAB выступило за силовое давление на власть вплоть до вооруженного восстания.

В июне-июле 2020 г. правая и левая оппозиция сформировали Национальную коалицию (Coalición Nacional, CN). В нее вошли UNAB, ACJD, MCN, YATAMA, а также Либерально-конституционалистская партия (Partido Liberal Constitucionalista, PLC), Партия демократического возрождения (Partido de Restauración Democrática, PRD) и Никарагуанская демократическая сила (Fuerza Democrática Nicaraguense, FDN)². На первых порах коалиция представляла собой аморфное образование без четкой политической платформы. Сразу же проявилась социальная сущность ACJD. Его лидеры, изначально выступавшие сторонниками объединения, стали проявлять нерешительность. Было явным нежелание COSEP свя-

1 До января 2021 г. – Движение сандинистского обновления (Movimiento Renovador Sandinista, MRS). Состоит из бывших соратников Ортеги, порвавших с ним в 1996 г. Относят себя к социал-демократам. В то же время, его руководители приняли активное участие в разделе ответственности Сомосы после победы революции. Это обстоятельство вызывает сильное недовольство к ним со стороны широких слоев населения.

2 PLC, PRD и FDN относятся к политическим организациям правого толка.

зывать себя обязательствами с левым флангом в лице UNAB. В октябре 2020 г. Альянс вышел из Национальной коалиции. В начале 2021 г. он объявил о создании блока с правоцентристской партией «Граждане за свободу» (Ciudadanos por la Libertad, CxL). В соглашении о формировании блока стороны заявили о необходимости создания широкой оппозиционной коалиции. Подобные шаги со стороны Альянса говорят о стремлении крупного бизнеса встать во главе оппозиционного лагеря и не допустить его радикализации.

Особое место в расстановке политических сил занимает упомянутая Либерально-конституционалистская партия. Еще в 1999 г. лидер либералов и тогдашний президент страны Арнольдо Алеман заключил с Ортегой соглашение, предусматривавшее паритетное распределение мест между либералами и сандинистами в Конституционном суде, Высшем избирательном совете, других государственных структурах. Соглашение никто не отменял: сегодня либералы заседают в ряде ключевых органов государственной власти. В муниципалитетах в составе местных избирательных комиссий им принадлежит 50% мест (остальные – сандинистам). Это обстоятельство несколько не помешало PLC войти в состав Национальной коалиции.

Участие PLC сильно дискредитировало Национальную коалицию. В массовом сознании эта партия воплощает в себе все негативные аспекты национальной политики: коррупцию, беспринципные сделки, преследование узкокорыстных политических интересов. Часть руководства PLC негласно ориентируется на сандинистов, что фактически превращает партию в агента влияния Ортеги. Некоторые функционеры партии в качестве телеведущих применяют открытую пропаганду в интересах режима. В 2020 г. внутри партии не утихла борьба за власть. Такое положение делало дальнейшее пребывание либералов в рядах CN неприемлемым. В конце ноября 2020 г. PLC была исключена из рядов коалиции.

В оппозицию режиму перешла никарагуанская католическая церковь. В апреле 2018 г. ряд иерархов подверг жесткой критике действия правительства по подавлению протестов. В 2019 г. церковь призвала Ортегу провести досрочные президентские выборы без его участия с целью выхода из внутривластного тупика. В ответ президент публично обвинил епископов в сговоре с «путчистами», готовившими государственный переворот¹. В 2019–2020 гг. по стране прокатилась волна антицерковных акций (осквернение и поджоги храмов, порча церковного имущества, угрозы в адрес священнослужителей и т.п.)². В условиях ухудшения внутривластной и экономической ситуации правящая группировка, по всей видимости, решила разыграть антиклерикальную карту, чтобы столкнуть католиков и своих сторонников и тем самым отвлечь внимание населения от сложных социальных проблем.

Власти стремятся любыми способами не допустить объединения оппозиционных сил в единый фронт. Нарастает давление с целью не позволить оппозиции закрепиться в регионах. Широко практикуются незаконные задержания и обыски в отношении оппозиционных активистов. Часть лидеров оппозиции оказалась под домашним арестом: полиция физически не позволяет им покидать свои дома и свободно передвигаться по территории страны, хотя никаких законных оснований для этого нет. С апреля 2018 г. по август 2020 г. в стране имели место более 10 тыс. акций властей против граждан по политическим мотивам³. По данным Межамериканской комиссии по правам человека, с апреля 2018 г. по 31 мая 2020 г. в застенках побывали 1614 оппозиционно настроенных

1 "Ortega acusa a la iglesia católica de "golpista" y llama a la "autodefensa", *La Vanguardia*, July 20, 2018, <https://www.lavanguardia.com/internacional/20180720/45973509868/ortega-acusa-iglesia-catolica-golpista-autodefensa.html>.

2 В августе 2020 г. вандалы устроили пожар в Кафедральном соборе г. Манагуа. Огонь сильно повредил одну из самых почитаемых никарагуанскими католиками святынь.

3 "Cada dos horas hay violencia política en Nicaragua: monitoreo," *Trinchera*, September 2, 2020, <https://www.trincheraonline.com/2020/09/02/cada-dos-horas-hay-violencia-politica-en-nicaragua-monitoreo/>.

граждан¹. По данным оппозиции и правозащитников, в тюрьмах остаются более 100 активных участников событий 2018 г.² Параллельно идет выдавливание из страны максимального числа нелояльных граждан, чтобы лишить оппозицию сторонников. В 2018–2020 гг. Никарагуа покинули около 100 тыс. человек³.

Для придания видимости законности преследованию оппозиционных лидеров и активистов была сформирована «юридическая основа»: расширен круг деяний, за которые лицо может быть лишено права занимать выборные должности, до трех месяцев увеличен срок содержания под стражей лиц, подозреваемых в совершении преступления. Фактически созданы нормативные рычаги для избавления от сильных соперников, поскольку указанные законы открывают широкие возможности для использования в отношении противников Ортеги обвинений, чтобы отказать им в регистрации кандидатуры либо в любой момент снять с предвыборной гонки. Участники массовых протестов (например, против фальсификаций итогов голосования) рискуют на всю жизнь угодить за решетку.

В 2020 г. власти начали очередную кампанию против независимых СМИ. Общее руководство этой кампанией осуществляет Мурильо, претендующая на роль главного идеолога FSLN. В своих публичных выступлениях она подвергает сотрудников неподконтрольных СМИ резким нападкам вплоть до открытых оскорблений. Официальная пропаганда представляет независимых журналистов в качестве подрывных или криминальных элементов. После 2018 г. из-за угрозы физической расправы страну вынуждены были покинуть 90 работников СМИ. С 15 июля по 15 декабря 2020 г. против журналистов было совершено 66 актов агрессии (препятствование осуществлению профессиональной деятельности, угрозы, клевета и т.д.)⁴. В октябре 2020 г. парламент принял закон, предусматривающий наказание в виде лишения свободы за распространение в Интернете «заведомо ложной и заведомо искаженной информации». Четких определений этих терминов в законе не дано. Это значит, что правовая квалификация каждого конкретного «деяния» будет даваться судом. Очевидна политическая направленность этого нормативного акта в условиях, когда практически все независимые газеты и телеканалы из-за давления властей «перебрались» в интернет-пространство.

Оппозиция объективно отражает настроения широких кругов никарагуанского общества, но ни одна из оппозиционных сил при этом не имеет массового электората. Противники Ортеги увлеклись обсуждением политических проблем, оставив в стороне насущные вопросы социально-экономического развития. По существу, все требования CN и ACJD свелись к реформе избирательной системы и освобождению политзаключенных. Руководство ACJD поставило цель добиться повторения ситуации 1990 г., когда широкая коалиция оппозиционных партий нанесла поражение сандинистам. При этом совершенно упускалось из виду, что Ортега извлек уроки из тех событий и сделает все, чтобы 1990 г. не повторился.

Национальная коалиция сумела закрепиться в 15 департаментах страны. После ухода ACJD и либералов ее руководство стало действовать увереннее. В качестве ближайшей задачи оно рассматривало создание широкого единого фронта всех против-

1 Yader Luna, "CIDH: El Gobierno ha efectuado más de 1614 detenciones arbitrarias," *Confidencial*, December 2, 2020, <https://confidencial.com.ni/cidh-el-gobierno-ha-efectuado-mas-de-1614-detenciones-arbitrarias/>.

2 "Redadas contra opositores en cinco departamentos," *Trinchera*, September 27, 2020, <https://www.trincheraonline.com/2020/09/27/redades-contra-opositores-en-cinco-departamentos/>.

3 "Más de 100 000 personas forzadas a huir de Nicaragua tras dos años de crisis política y social," ACNUR, accessed April 1, 2021, <https://www.acnur.org/noticias/briefing/2020/3/5e67b6564/mas-de-100000-personas-forzadas-a-huir-de-nicaragua-tras-dos-anos-de-crisis.html>.

4 "Gremio recibió 66 denuncias de agresiones contra periodistas en Nicaragua," *Agencia EFE*, January 1, 2021, <https://www.efe.com/efe/america/sociedad/gremio-recibio-66-denuncias-de-agresiones-contra-periodistas-en-nicaragua/20000013-4431099>.

ников режима. Но коалиция так и не смогла консолидироваться. Состав CN весьма разнороден, у нее не выработана единая долгосрочная программа, нет четких предложений по будущим реформам. В мае 2021 г. коалицию покинула партия YATAMA после того, как ее депутат в парламенте Бруклин Ривера поддержал кандидатуру сандинистов в новый состав Высшего избирательного совета. При этом Ривера открыто заявил, что партия должна прежде всего руководствоваться интересами индейских общин Москитии, а поскольку FSLN – «реальная сила» в стране, то необходимо договариваться с сандинистами.

Против оппозиции работает политическая пассивность большинства граждан, отсутствие веры в перемены к лучшему и недоверие к политическим элитам в целом. По данным агентства CID Gallup¹, в июле 2020 г. 71% никарагуанцев считали, что Ортега ведет страну в неправильном направлении и действует исключительно в интересах правящей верхушки и своих сторонников. Но при этом большинство граждан оказались не готовы к активным действиям: 64% граждан заявили, что не поддерживают ни одну политическую партию².

Правда, до ноября 2021 г. политическая обстановка в стране может существенно измениться. Главным фактором, определяющим ее развитие, станет дальнейшее падение уровня жизни населения. В 2020 г. число бедных в Никарагуа возросло с 47 до 52%, а лиц, проживающих в условиях крайней бедности, – с 18 до 22%³. Резко возросла безработица: в 2018–2020 гг. работы в формальном секторе лишились свыше 220 тыс. никарагуанцев⁴, в неформальном – до 300 тыс.⁵ Около 2 млн граждан живут на полтора доллара в день⁶. Эксперты считают, что в 2021 г. улучшения ситуации ожидать не придется⁷. В феврале 2021 г. стоимость базовой корзины возросла на 30 долл. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г.⁸

В начале 2021 г. опросы показали, что электоральная база Ортеги сузилась – за него готовы отдать голоса 25% избирателей⁹. В то же время этот показатель не изменился с июля 2020 г.: это те сторонники, которые поддержат Ортегу в любом случае. При этом оппоненты президента сильно отстают: Кристиану Чаморро (независимый кандидат) поддержали 13,3% опрошенных, Феликса Марадыягу (UNAB) – 10,3%, Хуана Чаморро (ACJD) – 9,7%, Медардо Майрену (MCN) – 7,8%¹⁰. Из этого следует, что поодиночке все выдвиженцы от оппозиции однозначно потерпят поражение. При таком варианте Ортеге будет крайне выгодна малая явка избирателей, чтобы все колеблющиеся остались дома, а на избирательные участки массово пришли мобилизованные сторонники СФНО. В этом случае переизбрание практически гарантировано. Уже сейчас ясно, что единого кандидата от оппозиции не будет. Достичь единства так и не удалось. 12 мая

1 Consultoría Interdisciplinaria en Desarrollo – авторитетное агентство, специализирующееся на изучении общественного мнения в странах Латинской Америки. Основано в 1977 г. в Коста-Рике. С 1979 г. известно как CID Gallup.

2 Arlen Cedra, "CID Gallup: Apoyo al FSLN entre 20% y 25%," *Confidencial*, October 5, 2020, <https://confidencial.com.ni/cid-gallup-apoyo-al-fsln-entre-20-y-25/>.

3 Vladimir Vázquez and Ana Lucía Cruz, "El desempleo en el que caí ha sido el más largo y grave para mí," *Confidencial*, January 2, 2021, <https://confidencial.com.ni/el-desempleo-en-el-que-cai-ha-sido-el-mas-largo-y-grave-para-mi/>.

4 Ibid.

5 Iván Olivares, "Cosep: No hay diálogo económico, si no cumplen acuerdos de 2019 y hay reforma electoral," *Confidencial*, February 24, 2021, <https://confidencial.com.ni/economia/cosep-no-hay-dialogo-economico-si-no-cumplen-acuerdos-de-2019-y-hay-reforma-electoral/>.

6 Oscar Rene Vargas, "Año 2020: salario y canasta básica," *Artículo 66*, December 14, 2020, <https://www.articulo66.com/2020/12/14/opinion-salario-canasta-basica-nicaragua-pobreza-desempleo/>.

7 Vázquez and Cruz, "El desempleo."

8 Oscar Rene Vargas, "Los trabajadores y la canasta básica," *Artículo 66*, March 22, 2021, <https://www.articulo66.com/2021/03/22/opinion-trabajadores-nicaragua-canasta-basica-salarios-minimo>.

9 "Dos de cada tres nicaraguenses quiere migrar a EE.UU. España o Canadá," *Trinchera*, February 2, 2021, <https://www.trincheraonline.com/2021/02/02/dos-de-cada-tres-nicaraguenses-quiere-migrar-a-ee-uu-espana-o-canada/>.

10 Ibid.

2021 г. блок ACJD – CxL официально зарегистрировался как предвыборный альянс. Все призывы Национальной коалиции объединиться были им проигнорированы. В тот же день оформился избирательный блок в составе FSLN и более десятка марионеточных партий и движений (среди них – Либерально-конституционалистская партия).

Таким образом, в пользу сандинистов работают два фактора: пассивность значительной части электората и раздробленность оппозиции. К этому добавляется административный ресурс. Последние события показывают, что он станет важнейшим средством удержания власти. В мае 2021 г. подконтрольный президенту парламент, где сандинисты имеют большинство, одобрил правительственные поправки к закону о выборах. Поправки упразднили минимальный порог в 35% голосов, необходимый для избрания на пост президента и вице-президента, установили запрет для партий получать деньги от зарубежных спонсоров, а также в форме добровольных пожертвований для финансирования предвыборной кампании. На выборные должности не могут претендовать лица, призывающие к введению экономических санкций в отношении никарагуанского государства.

Это стало ответом Ортеги на требования оппозиции реформировать избирательную систему. Контролируемые правительством избирательные органы получают достаточное количество оснований, чтобы вывести из игры любого кандидата, способного составить конкуренцию выдвиженцу от FSLN. Ортега с 25% поддержки получает возможность переизбраться простым большинством поданных голосов.

Одновременно парламент утвердил новый состав Высшего избирательного совета (Consejo Superior Electoral, CSE). Большинство мест в нем получили сандинисты, остальные достались либералам и консерваторам. В том же месяце CSE аннулировал статус юридического лица Партии демократического возрождения. Только эта партия в Национальной коалиции (после ухода YATAMA) имела право официально выдвигать кандидатов на выборы. Теперь коалиция фактически снята с предвыборной гонки.

Но следует учитывать, что очередное «переизбрание» Ортеги связано с немалыми политическими издержками. Его прямым следствием могут стать новые и более масштабные, чем в апреле 2018 г., социальные выступления. В этой связи возможен вариант, при котором Ортега не станет выдвигаться на переизбрание. Вместо этого он все силы бросит на поддержку своего ставленника, который формально выступит от части оппозиционных сил. Таковым может стать Артуро Крус – выдвиженец от партии CxL. Сценарий был бы следующим: Крус официально идет на выборы от альянса ACJD – CxL, но негласно получает помощь от сандинистов; Ортега временно уходит в тень, но сохраняет реальную власть (прежде всего, контроль над силовыми структурами). Это позволило бы ему создать видимость демократического процесса и сбить накал нарастающего общественного недовольства несменяемостью власти. Кроме того, на новую администрацию ляжет вся ответственность за углубление социально-экономического кризиса. О том, что такой шаг рассматривается, говорит ряд фактов и обстоятельств. В одном из своих публичных выступлений Ортега призвал сторонников быть готовыми «править снизу», как это имело место в 1990-х гг. Блок ACJD – CxL едва набирает 5% электоральных предпочтений и, следовательно, не имеет никаких шансов на успех. Тем не менее, он отказался от создания широкого оппозиционного фронта, что отвечает интересам сандинистов. Партия CxL обязана своим статусом юридического лица действующей власти, то есть находится в долгу. Сам Крус близок к сандинистам: в 2007–2009 гг. он занимал должность посла Никарагуа в США.

Победа Круса устроила бы и крупных предпринимателей. Объективно, Ортега и COSEP заинтересованы в нормализации отношений. По большому счету, их конфликт представляет собой «межклановые разборки» внутриэкономических элит. Пойти открыто на мировую стороны уже не могут. Поэтому избрание Круса станет замаскированной формой примирения. Будучи выдвинутым крупными предпринимателями, он осуществил бы мероприятия, направленные на обеспечение их интересов (снижение налогов, отмена непопулярных в деловых кругах законов). Характерно, что идея поставить у власти Круса находит активную поддержку у весьма влиятельных представителей олигархических семейств – Пельяса, Ортиса, Бальтодано.

Действия режима показывают, что Ортега твердо настроен удержать власть. Все его обещания демократизировать избирательную систему на деле свелись к ужесточению правил участия в выборах и превращению голосования в простую формальность. Одновременно с этим ни единства оппозиции, ни подъема народного движения не наблюдается, что и приводит к выводу о том, что с большой долей вероятности Ортега будет вновь переизбран.

→ Список литературы / References

Дабагян, Э.С. Президентские и парламентские выборы в Никарагуа // *Латинская Америка*. – 2016. – №12. – С. 21–28.

Dabagyan, E.S. "Prezidentskie i parlamentskie vybory v Nikaragua." *Latinskaya Amerika* 12 (2016): 21–28. [In Russian]

Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / Отв. ред. З.В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2015. – 274 с.

Ivanovskii, Z.V., ed. *Latin America: electoral processes and political panorama*. Moscow: ILA RAS, 2015. [In Russian]

Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. 2 том / Отв. ред. М.Л. Чумакова. – М.: ИЛА РАН, 2009. – 440 с.

Chumakova, M.L., ed. *Latin America: tests for democracy. Political modernization's trends*. Book 2. Moscow: ILA RAS, 2009. [In Russian]

Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов / Отв. ред. В.П. Сударев, Л.Н. Симонова. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 208 с.

Sudarev, V.P., Simonova, L.N., eds. *Latin America on the global and regional trends' turning-point*. Moscow: ILA RAS, 2017. [In Russian]

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-89-101>

Nicaragua: crisis de poder y elecciones en 2021

© D.V. Morozov, 2021

Dmitry V. Morozov, Investigador Principal del Centro de Estudios Políticos, ILA ACR, Moscú (Rusia) E-mail: dmitrym1@hotmail.com

Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

Recibido: 15.05.2021

Revisado: 19.06.2021

Aceptado: 04.07.2021

Para citar: Morozov D.V. Nicaragua: crisis de poder y elecciones en 2021. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 89-101. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-89-101>.

→ Resumen

El artículo trata sobre la situación política actual interna de Nicaragua. El autor analiza las causas de la aguda crisis sociopolítica que surgió en abril de 2018, presentando un detallado estudio de los hechos de trasfondo histórico. También señala que en el país se ha establecido un régimen de poder personal del Presidente Daniel Ortega, basado en la burocracia y las estructuras de poder, las mismas que juegan un papel clave para el desempeño de D. Ortega como Presidente del país. El presente artículo evalúa la alineación de las fuerzas políticas y la situación política general en el campo de la oposición. Además, analiza las razones de una serie de contradicciones existentes que azotan al bloque opositor de país. Por otro lado, se resalta el potencial político y las posibilidades electorales de las fuerzas opositoras. En este contexto se prevé un posible escenario para el desarrollo de hechos en el marco de la situación política interna en relación con las próximas elecciones a realizarse en noviembre de 2021. El autor llega a la conclusión de que el régimen de D. Ortega se está debilitando y perdiendo autoridad, pero aun así conserva un margen de seguridad, que le permite mantenerse en el poder. Como uno de los escenarios para el desarrollo de los hechos, el autor predice la posibilidad de que una 'figura de compromiso' llegue al poder, lo que, sin embargo, no implica un cambio en el equilibrio real de poder y figuras políticas dominantes en la política estatal.

→ Palabras clave

Nicaragua, Daniel Ortega, régimen político, oposición, medios de comunicación, elecciones, crisis sociopolítica

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-102-113>

Политическая история Испании (2016–2020): преодоление кризиса

© Н.Е. Аникеева, 2021

Аникеева Наталья Евгеньевна, д.ист.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России
Для корреспонденции: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

E-mail: anikeevan@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 20.05.2021

Доработана после рецензирования: 26.06.2021

Принята к публикации: 12.07.2021

Для цитирования: Аникеева Н.Е. Политическая история Испании (2016–2020): преодоление кризиса. *Ибероамериканские тетради*. 2021, 9(1): 102–113. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-102-113>.

→ Аннотация

В данной статье автор прослеживает поэтапное развитие политического процесса в Испании в период между двумя кризисами (2015–2016 и 2019–2020 гг.) с выделением опорных пунктов и болевых точек внутренней политической дискуссии, включая каталонский вопрос, а также миграционную проблему. Представлен обзор эволюции внешнеполитической повестки страны, в том числе обозначены направления развития внешней политики в отношении Российской Федерации. Проанализированы политические и экономические аспекты жизни Испании после всеобщих парламентских выборов 26 июня 2016 г., в результате которых правительственный кризис, начавшийся в декабре 2015 г., был преодолен и председателем правительства Народной партии (НП) стал Мариано Рахой. Последний состав кабинета министров правительства НП был утвержден в ноябре 2016 г. Рахой занимал пост премьер-министра Испании с декабря 2011 г. по июнь 2018 г. В апреле 2019 г. в политической истории испанского государства начался новый этап, который связан с приходом к власти Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), которую с 2018 г. возглавляет Педро Санчес. Победу на досрочных парламентских выборах 28 апреля 2019 г. одержала ИСРП во главе с П. Санчесом. Повторные выборы в 2019 г. состоялись 10 ноября, их сценарий оказался намного более сложным, чем на предыдущих выборах. ИСРП вновь стала первой в условиях схожей расстановки политических сил, как и в

апреле. Утверждение П. Санчеса премьер-министром в январе 2020 г. положило конец затянувшемуся политическому кризису, в ходе которого правительство Испании около восьми месяцев находилось в статусе исполняющего обязанности.

→ Ключевые слова

Испания, Каталония, Педро Санчес, Мариано Рахой, всеобщие парламентские выборы, внутривластный кризис, временное правительство

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Review article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-102-113>

Political history of Spain (2016–2020): overcoming the crisis

© N.E. Anikeeva, 2021

Natalya E. Anikeeva, PhD (History), Professor, Department of European and American Studies, MGIMO University, Moscow (Russia)
For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo ave., 76

E-mail: anikeevan@yandex.ru

Received: 20.05.2021

Revised: 26.06.2021

Accepted: 12.07.2021

For citation: Anikeeva N.E. Political history of Spain (2016–2020): overcoming the crisis. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 102–113. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-102-113>.

→ Abstract

In this article the author analyses the development of political process in Spain between the two crises of 2015–2016 and 2019–2020, highlighting the strong suits and problem issues of the domestic political debate, including the Catalan issue, as well as the problem related to the migration aspect. An overview of the evolution of the country's foreign policy agenda is presented, including the foreign policy course towards the Russian Federation. The author analyzes political and economic aspects after the general parliamentary elections of June 26, 2016, which resulted in overcoming the governmental crisis that began in Spain in December 2015

and establishing Mariano Rajoy the head of the Popular Party (PP) government. The latest cabinet of the PP government was approved in November 2016. Rajoy himself had been serving as a Prime Minister of Spain from December 2011 to June 2018. Soon, a new stage in the political history of the Spanish state began, which was associated with the rise to power of the Spanish Socialist Workers Party (PSOE) led by Pedro Sánchez since 2018. PSOE thus won the parliamentary elections in Spain on April 28, 2019. The next elections in 2019 were held on November 10 and turned out to be much more complex and unpredictable than the previous one. PSOE stroke a similar political balance of power to that of April. Confirmation of Pedro Sánchez as a Prime Minister of Spain in January 2020 ended a protracted political crisis in the country, when the Spanish government had been in an acting status for some eight months.

→ Keywords

Spain, Pedro Sánchez, Mariano Rajoy, general parliamentary elections, internal political crisis, acting government

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Кризис Народной партии 2015–2016 гг.: испытание для правых

В январе 2016 г. Мариано Рахой отказался занять пост премьер-министра после состоявшихся в декабре 2015 г. всеобщих парламентских выборов в Испании. Ему было необходимо провести переговоры с Народной партией (Partido Popular, далее – НП), а также крупными партиями «Граждане» (Ciudadanos) и «Подemos» (Podemos), которые также прошли в Конгресс депутатов¹.

Не дали результатов переговоры М. Рахоя с главой Испанской социалистической рабочей партии (Partido Socialista Obrero Español, далее – ИСРП) Педро Санчесом и лидером «Подemos» П. Иглесиасом. Он рассчитывал, что возглавит правительство НП при поддержке партии «Граждане» и социалистов, которые имеют схожие взгляды в отношении таких проблем, как территориальное единство, европейская интеграция, противодействие терроризму, а также негативно относятся к инициативе проведения каталонского референдума о независимости.

Король Филипп VI 2 февраля 2016 г. дал поручение П. Санчесу провести работу по формированию правительства после того, как исполняющий обязанности премьер-министра страны М. Рахой вновь сообщил, что ему этого сделать не удалось. 2 марта 2016 г., а затем 4 марта Генеральные кортесы уже в ходе второго тура голосования не утвердили лидера социалистов П. Санчеса на посту главы правительства². Таким образом, в сложившейся ситуации в Испании либо ИСРП должна была заручиться поддержкой партии «Подemos», либо свою кандидатуру вновь должен был выдвинуть исполняющий обязанности председателя правительства М. Рахой, несмотря на то что он

1 Martínez-Fornes 2017, 201.

2 НП и «Подemos» проголосовали против лидера социалистов. Вместе этим партиям принадлежало 188 мандатов в парламенте. Поддержала П. Санчеса партия «Граждане». «За» проголосовал 131 депутат, «против» – 219. Для избрания нового премьер-министра была необходима поддержка простого большинства. См.: Marisa Cruz, "El fracaso de Pedro Sánchez inicia la cuenta atrás hacia las elecciones," *El Mundo*, March 4, 2016, <https://www.elmundo.es/espana/2016/03/04/56d9e27622601d083f8b460d.html>.

уже отказывался от проведения процедуры переизбрания, ссылаясь на отсутствие соответствующей поддержки испанского парламента. НП предложила ИСРП образовать коалицию в случае, если левые силы не смогут договориться.

30 марта 2016 г. ИСРП и «Подемос» объявили о возобновлении переговоров. В них приняла участие правоцентристская партия «Граждане» во главе с А. Риверой; изначально же «Граждане» и «Подемос» отказались быть в одной коалиции. П. Санчес отметил, что руководство ИСРП смотрит на перспективы переговорного процесса с оптимизмом.

Декабрьские выборы 2015 г. продемонстрировали кризис двухпартийной политической системы постфранкизма. Филипп VI ожидал от кандидатов на пост главы правительства, что ими будет осуществлено формирование коалиции большинства вплоть до 2 мая 2016 г. В связи с тем, что до 2 мая ведущие партии Испании не сумели сформировать правительство, Филипп VI объявил о своем решении распустить парламент, чтобы назначить новые выборы (данный механизм предусмотрен статьей 99 Конституции Испании).

В ходе состоявшихся 26 июня 2016 г. внеочередных парламентских выборов, как и в ходе предыдущих (20 декабря 2015 г.), НП, возглавляемая М. Рахоем, не смогла добиться абсолютного большинства мест в парламенте. Тем не менее, это не помешало ей одержать победу¹.

Накануне выборов испанских граждан больше всего волновали такие проблемы, как экономика и сепаратизм; вопросы внешней политики в меньшей степени интересовали избирателей. «Подемос» 13 мая 2016 г. вступила в союз с «Объединенными левыми» (Izquierda Unida) и образовала коалицию под названием «Объединившись, мы можем» (Unidos Podemos). Напомним, что «Подемос» поддерживала идею проведения референдума о выходе Каталонии из состава Испании, а «Граждане», НП и ИСРП выступали за единство страны². Этот вопрос являлся препятствием на пути к формированию коалиционного правительства ведущих политических сил. Партия «Граждане» во главе с А. Риверой³ выступала за реформу Конституции, повышение конкурентоспособности и модернизацию экономики, единство ЕС.

После проведения 26 июня 2016 г. вторых за полгода всеобщих парламентских выборов М. Рахой вновь не был утвержден в должности премьер-министра, но продолжал занимать пост в статусе исполняющего обязанности. После парламентских выборов политики не сумели преодолеть существующие разногласия. М. Рахой опять пришлось пойти на переговоры с оппозиционными партиями. С некоторыми из них он достиг соглашения. Голосов «за» не хватило для утверждения М. Рахоя в должности премьер-министра и формирования коалиционного правительства.

На заседаниях парламента, состоявшихся 31 августа и 2 сентября 2016 г., за М. Рахоя отдали свои голоса 170 депутатов из 350, 180 высказались против. После этого на декабрь могло быть назначено проведение третьих с декабря 2015 г. всеобщих парламентских выборов. Филипп VI в соответствии с Конституцией имел право в очередной раз объявить о роспуске парламента и проведении новых выборов.

25 октября 2016 г. в ходе встречи с королем, который проводил консультации с партийными лидерами, М. Рахой согласился вновь выставить свою кандидатуру. В итоге после проведения первого тура голосования 26 октября 2016 г. ему не удалось получить абсолютное большинство голосов. Понадобился второй тур, на котором ИСРП поддержа-

1 По итогам этих выборов НП получила в парламенте 137 мест, ИСРП – 85, «Объединившись, мы можем» – 71, «Граждане» – 32. В результате голосования расстановка политических сил была таковой: НП (33,03%), ИСРП (22,66%), «Объединившись, мы можем» (21,10%), «Граждане» (13,05%). См.: "Resultados Elecciones Generales 2016 – Congres," *El Mundo*, accessed April 30, 2021, <https://www.elmundo.es/elecciones/elecciones-generales/2016/index.html>.

2 См.: Pucciarelli and Russo Spena 2014.

3 Аникеева 2019, 130.

лась при голосовании по кандидатуре представителя НП на пост председателя правительства, чтобы избежать третьих за этот год всеобщих парламентских выборов¹.

Указ о назначении М. Рахоя премьер-министром король подписал 30 октября 2016 г. Правительственный кризис, начавшийся в декабре 2015 г., был преодолен.

Генеральный секретарь ИСПП П. Санчес из-за разногласий в партии ушел в отставку. В начале ноября 2016 г. правительство Испании во главе с М. Рахоем было приведено к присяге. Во главе тринадцати министерств стали представители НП. Примечательно, что 5 министерских постов заняли женщины.

Что касается экономических показателей, то уровень безработицы в 2017 г. был равен 17,23%², а годовой рост ВВП в третьем квартале 2017 г. составил почти 3%³. Одним из факторов улучшения экономической конъюнктуры стала политика жесткой экономии, проводимая правительством НП⁴.

В июне 2017 г. продолжились кризисные явления в политической жизни Испании, партия «Подemos» предложила вынести вотум недоверия М. Рахою, но инициатива не получила поддержку парламента.

Проблема сепаратизма в Каталонии

Каталония давно стремится к отделению от Испании. После того как в 1931 г. была образована Испанская республика, Каталония получила право на самоуправление, однако с приходом к власти диктатора Ф. Франко автономия Каталонии была упразднена. Лишь в 1979 г., после ухода Франко и принятия Конституции 1978 г., автономия была восстановлена⁵. В начале XXI в. в Каталонии проявилась тенденция к расширению полномочий. Испанский парламент поддержал эту инициативу за счет определенных оговорок относительно налоговой системы, юстиции и миграционной политики.

Каталония – одна из самых промышленно развитых территорий Испании. В этой автономии проживает почти 16,1% населения страны⁶. Она производит около 19% ВВП Испании⁷. Глобальный финансовый экономический кризис, а также тенденции, проявившиеся в экономическом управлении Евросоюза, а именно более строгий контроль за экономической политикой стран-членов, содействовали, с одной стороны, усилению централизации государственного управления в Испании, с другой – привели к росту сепаратистских настроений. Определенное влияние оказал и внешний фактор⁸.

В 2014 г. Конституционный суд по обращению правительства два раза (весной и в октябре) блокировал проведение референдума. Глава Женералитета Каталонии Артур Мас согласился с этими решениями. Несмотря на это, 9 ноября 2014 г. националисты все же провели консультативный опрос населения, который дал следующие результаты:

1 В итоге 29 октября за М. Рахоя проголосовали 170 депутатов, 68 воздержались, еще 111 проголосовали против. Для утверждения на пост председателя правительства достаточно было простого большинства. Против М. Рахоя голосовали представители ИСПП, «Объединенных левых», «Подemos», националистических партий Страны Басков и Каталонии, Валенсии. ИСПП в своем большинстве воздержалась при голосовании. См.: Marisa Cruz, "Rajoy, investido presidente gracias a la abstención de todos los diputados del PSOE excepto 15," *El Mundo*, October 29, 2016, <https://www.elmundo.es/espana/2016/10/29/5814b9cb46163fce668b4581.html>.

2 "Unemployment rate," OECD Data, accessed April 30, 2021,

<https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm>.

3 "GDP growth (annual %) – Spain," The World Bank. Data, accessed April 25, 2021,

<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=ES>.

4 Прохоренко 2017, 276.

5 См. также Орлов 2020.

6 "Catalonia," European Commission, accessed April 25, 2021, <https://clck.ru/Wujvc>.

7 "Gross domestic product at market prices," Eurostat, accessed April 25, 2021,

<https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tec00001/default/table?lang=en/>; "Regional

gross domestic product by NUTS 2 regions – million EUR," Eurostat, accessed April 25, 2021,

<https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tgs00003/default/table?lang=en>.

8 Прохоренко 2017, 278.

суверенитет Каталонии поддержало 80,76% граждан¹. При этом никаких юридических последствий результаты голосования не имели. М. Рахой отозвался о резолюции (Парламентская резолюция об «обретении независимости от Мадрида» от 27 октября 2015 г.²) о независимости Каталонии как о «провокации»³.

Каталонский кризис стал центральным событием в Испании в 2017 г. Еще один референдум был проведен в Каталонии 1 октября 2017 г. Новый глава Женералитета Карлес Пучдемон 10 октября 2017 г. подписал декларацию о независимости Каталонии⁴, несмотря на критические отзывы относительно референдума, последовавшие со стороны Испании, США⁵ и ЕС⁶. МИД России также «рассматривает события в Каталонии как внутреннее дело Испании»⁷. В итоге Сенат Испании ввел прямое правление в автономии в соответствии со статьей 155 Конституции, после того как была провозглашена независимость. М. Рахой объявил руководству Каталонии об отстранении от должностей и о роспуске парламента⁸.

По итогам проведения досрочных парламентских выборов в Каталонии Мадриду не удалось достичь своих целей, поскольку сторонники независимости набрали на них большинство голосов. Найти решение проблемы отношений испанских властей с Барселоной не удалось. После выборов М. Рахой сделал заявление, что центральное правительство вновь, и всегда в рамках закона, предлагает диалог с теми, кто возглавит каталонское правительство⁹.

Конституционный кризис в связи с проведением региональными властями референдума в Каталонии по вопросу возможности ее выхода из состава Испании и провозглашения в одностороннем порядке независимости завел ситуацию в тупик. После того как 1 июня 2018 г. начало работать новое каталонское правительство, было автоматически отменено прямое правление Мадрида, введенное в соответствии со статьей 155 Конституции в конце 2017 г.

Свидетельством взаимозависимости Барселоны и Мадрида является недавнее развитие событий в Испании, связанное с эпидемией коронавирусной инфекции, которая привела к экономическому кризису и обострению многих внутривластных про-

1 "Resultados globales," Generalitat de Catalunya, accessed May 5, 2021, <http://www.participa2014.cat/resultats/dades/es/escr-tot-resum.html>.

2 "Resolució 1/XI del Parlament de Catalunya, sobre l'inici del procés polític a Catalunya com a conseqüència dels resultats electorals del 27 de setembre de 2015 (250-00001/11)," Parlament de Catalunya, accessed May 5, 2021, <https://www.parlament.cat/document/bopc/153123.pdf>.

3 "Rajoy solemniza que frenará la "provocación", " *El Periódico*, October 28, 2015, <https://www.elperiodico.com/es/politica/20151027/respuesta-gobierno-rajoy-resolucion-independencia-provocacion-4623699>.

4 "Declaració dels Representants de Catalunya," *Ara*, accessed May 5, 2021, https://www.ara.cat/2017/10/10/Declaracio_Independencia_amb_logo_-1.pdf.

5 "On U.S. Support for Spanish Unity," U.S. Department of State (Archive), October 27, 2017, <https://2017-2021.state.gov/on-u-s-support-for-spanish-unity/index.html>.

6 "Statement on the events in Catalonia," European Commission, October 2, 2017, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_3626.

7 Заявление МИД России по ситуации в Автономном сообществе Каталония (Испания) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/2895398 (дата обращения: 03.05.2021).

8 В результате досрочных выборов в региональное законодательное собрание Каталонии, состоявшихся 21 декабря 2017 г., три политических движения, выступающих за отделение от Испании, получили в совокупности 70 мест из 135: «Вместе за Каталонию» (Junts per Catalunya, 34 места), «Левые республиканцы Каталонии» (Esquerra Republicana-Catalunya Si, 32 места) и «Кандидатура народного единства» (Candidatura d'Unitat Popular, 4 места). Хотя лидировала центристская партия «Граждане» с 25,3% голосов и 36 мандатами, выступающая за единство с Испанией, у социалистов Каталонии было 17 мандатов, у НП – 3, а у нейтрального блока «Каталония сообща – Мы можем» (Catalunya en Comú – Podem) – 8. См.: "Eleccions al Parlament de Catalunya 2017," Generalitat de Catalunya, accessed May 5, 2021, <http://gencat.cat/economia/resultats-parlament2017/09AU/DAU09999CM.htm?lang=ca>.

9 "Rajoy ofrece diálogo "abierto y realista" a nuevo Govern y siempre dentro ley," *La Vanguardia*, December 22, 2017, <https://www.lavanguardia.com/politica/20171222/433818101501/rajoy-ofrece-dialogo-abierto-y-realista-a-nuevo-govern-y-siempre-dentro-ley.html>.

блем, включая сепаратизм¹. Впрочем, известный испанский исследователь Рамон Тамамес, много лет занимающийся изучением истории каталонского сепаратизма, полагает, что «отделение Каталонии от Испании и выход из Европейского Союза невозможны». Поэтому «попытки экс-главы Женералитета Каталонии Карлеса Пучдемона отсоединить эту автономию от всей страны в результате проведения нелегитимного референдума о независимости в 2017 г. абсурдны»².

Иммиграция в Испанию

Испания в 2018 г. лидировала в ЕС по числу прибывших в страну вынужденных иммигрантов: государство приняло 43% беженцев от общего числа прибывших в европейские страны средиземноморского региона³. На июньском саммите Евросоюза в Брюсселе в том же году удалось найти решение по миграционному кризису: было отменено правило, по которому за беженцев несла ответственность страна, в которую они изначально прибыли.

Беженцы пытались проникнуть в Испанию из Марокко. Всего с начала 2017 г. на Пиренейский полуостров из Африки переправилось морем около 9,3 тыс. чел. Мигранты продолжали проникать на территорию Марокко через Сеуту и Мелилью, несмотря на охрану и ограждения. 7 августа 2017 г. более 300 африканцев предприняли штурм Сеуты и Мелильи. 186 человек проникло на испанскую территорию. В результате власти Испании 9 сентября 2017 г. закрыли границу на неделю.

Испания не может в одиночку справиться с проблемой управления миграционными потоками. Эта проблема требует проведения единой европейской политики и дополнительных экономических ресурсов. По мнению главы Европарламента (2017–2019) Антонио Таяни, «иммиграция стала проблемой проблем»⁴. Таким образом, на современном этапе Мадрид продолжает предпринимать меры для решения проблем в области иммиграционной политики.

Особенности внешней политики Народной партии

В 2015–2016 гг. Испания была непостоянным членом Совета Безопасности ООН. Глава испанского МИД Альфонсо Дастис Кеседо в декабре 2016 г. подтвердил, что «основными направлениями испанской внешней политики являются: Европа, Иberoамерика, Средиземноморье»⁵.

1 См.: Яковлев 2020.

2 Tamames 2018, 72. По теме также см., например, Верников 2021.

3 "Mediterranean Migrant Arrivals Reach 74,501; Deaths Reach 1,586," International Organization for Migration, September 14, 2018, URL: <https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-reach-74501-deaths-reach-1586>.

4 "Meeting Tajani-Kurz: migration is Europe's biggest challenge and the Austrian Presidency has to provide concrete solutions," European Parliament. The President, June 19, 2018, https://europarl.europa.eu/former_ep_presidents/president-tajani/en/newsroom/incontro-tajani-kurz-migrazione-e-sfida-piu-grande-da-presidenza-austria-risposte-concrete.html.

5 "Comparecencia del señor ministro de Asuntos Exteriores y de Cooperación (Dastis Quecedo), para informar sobre las líneas generales de la política de su departamento. Sesión núm. 8 celebrada el miércoles 21 de diciembre de 2016," Diario de sesiones del congreso de los diputados, Cortes Generales, accessed May 10, 2021, http://www.congreso.es/public_oficiales/L12/CONG/DS/CO/DSCD-12-CO-84.PDF.

Несмотря на антироссийские санкции ЕС 2014 г., а также ответные меры, принятые РФ, нормализации двусторонних связей способствует интенсивный политический диалог, а также работа Межправительственной смешанной Российско-Испанской комиссии по экономическому и промышленному сотрудничеству. Объем торговли между Испанией и Россией в 2017 г. продемонстрировал рост и достиг 5,3 млрд долл. США¹, хотя и был далек от показателей трехлетней давности, предшествовавших спаду в двусторонних отношениях. В 2018 г. также наблюдались положительные тенденции и перспективы дальнейшего роста двусторонней торговли.

С государствами Латинской Америки в 2011–2018 гг. была продолжена линия правительства НП на укрепление двустороннего сотрудничества. В ходе официальных визитов М. Рахоя в Бразилию и Уругвай в апреле 2017 г. испанское руководство продемонстрировало заинтересованность в продвижении переговоров о свободной торговле между странами ЕС и МЕРКОСУР.

В сентябре 2017 г. произошло важное событие для испано-американских отношений: визит М. Рахоя в Вашингтон. Что касается совокупного оборонного бюджета НАТО, то Испания выделила на оборону 0,92% ВВП в 2017 г.² Мадрид обещал НАТО увеличить военные расходы к 2024 г.³

Важное место во внешней политике страны занимают испано-марокканские отношения. Испанское руководство выразило удовлетворение в связи с тем, что в 2017 г. произошло значимое для Марокко событие⁴ – возвращение Рабата 30 января 2017 г. в состав Африканского Союза.

Среди важных внешнеполитических событий, произошедших в заключительный период правления М. Рахоя, отметим проведение в апреле 2017 г. саммита южных стран Европы. В рамках этой встречи были обсуждены такие важные для будущего Евросоюза темы, как проблемы безопасности, миграционный кризис, борьба с терроризмом, социальная политика, а также Брекзит.

Приход к власти лидера социалистов Педро Санчеса

1 июня 2018 г. королем Испании Филиппом VI был подписан указ о назначении новым председателем правительства Педро Санчеса⁵, в ответ на что Конгресс депутатов принял решение о вынесении вотума недоверия правительству, возглавляемому М. Рахоем⁶. Правительство Народной партии подало королю заявление об отставке, а лидер ИСРП П. Санчес, получивший поддержку парламента, был назначен главой кабинета министров на срок до 2019 г. – года проведения очередных всеобщих парламент-

1 Королевство Испания. Двусторонние отношения [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации.

URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/es?currentpage=main-country> (дата обращения: 04.05.2021).

2 "Defence Expenditure of NATO Countries (2010–2017). Press Release," NATO, Public Diplomacy Division, March 15, 2018, https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_03/20180315_180315-pr2018-16-en.pdf.

3 "España se compromete con la OTAN a aumentar en un 80% su gasto militar para 2024," *El País*, December 27, 2017, https://elpais.com/politica/2017/12/26/actualidad/1514312944_214046.html.

4 "Reacciones: Ministerio de asuntos exteriores y de la cooperación. Comunicado 031. Admisión de Marruecos en la Unión Africana," Embajada del Reino de Marruecos en Madrid, January 31, 2017, <http://www.embajada-marruecos.es/reacciones-ministerio-de-asuntos-exteriores-y-de-la-cooperacion-comunicado-031-admision-de-marruecos-en-la-union-africana/>.

5 См.: Аникеева 2019.

6 Бывшему премьер-министру Испании М. Рахою объявили вотум недоверия 15 июня 2018 г., и он отказался от депутатского мандата. Новым председателем НП стал депутат испанского конгресса Пабло Касадо. Такими оказались результаты голосования более 3 тыс. участников съезда НП, состоявшегося в Мадриде в июле 2018 г. См.: "Pablo Casado es elegido presidente del PP con el voto de 1.701 compromisarios," *Populares*, July 21, 2018, <http://www.pp.es/actualidad-noticia/pablo-casado-es-elegido-presidente-pp-voto-1701-compromisarios>.

ских выборов в Испании. Выдвижение кандидатуры Санчеса на должность премьер-министра было инициировано ИСРП¹.

Новым главой МИД Испании стал Жозеп Боррель. В 2017 г., еще до проведения референдума о независимости Каталонии, Ж. Боррель вместе с другими авторами написал книгу «Слушай, Каталония. Слушай, Испания» (*Escucha, Cataluña. Escucha, España: Cuatro voces a favor del entendimiento y contra la secesión*), где выступил с критикой правительства М. Рахоя за «равнодушное» отношение к кризису в Каталонии. По его мнению, в тот момент этот кризис «мог превратиться в общеевропейский»².

П. Санчес посетил саммит НАТО в Брюсселе 11–12 июля 2018 г. В ходе этого мероприятия состоялась первая встреча главы правительства ИСРП и президента США Д. Трампа.

В позитивном ключе продолжило развиваться Иberoамериканское направление внешней политики. В августе 2018 г. в рамках визита П. Санчеса в Боливию состоялась его встреча с президентом Эво Моралесом. В итоге были подписаны документы, направленные на укрепление двустороннего сотрудничества. Затем Санчес побывал в Колумбии и Коста-Рике³.

По инициативе испанской стороны 6 сентября 2018 г. состоялся телефонный разговор президента РФ В.В. Путина с П. Санчесом. В ноябре 2018 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров прибыл в Мадрид с официальным визитом, в ходе которого состоялась встреча с королем Филиппом VI и с главой МИД Ж. Боррелем. Итогом переговоров стало подтверждение согласия касательно готовности сторон к созданию двусторонней рабочей группы по кибербезопасности⁴. В рамках заседания глав внешнеполитических ведомств «Группы двадцати» 23 ноября 2019 г. в Японии С.В. Лавров вновь провел беседу со своим испанским коллегой Ж. Боррелем.

Политическая и экономическая ситуация в Испании в 2019 г. продолжала оставаться непростой. Уровень безработицы составлял 14%⁵, а показатель роста ВВП Испании – 2,4%⁶. Принятие проекта государственного бюджета, предложенного правительством ИСРП, было блокировано 13 февраля 2019 г. Конгрессом депутатов⁷.

28 апреля 2019 г. на досрочных парламентских выборах победу одержала ИСРП во главе с П. Санчесом. Король Филипп VI 6 июня 2019 г. предложил его кандидатуру на пост председателя правительства. Санчес принял от короля поручение поставить

1 За П. Санчеса проголосовали депутаты левой партии «Подemos», баскские националисты и каталонские политические силы. Против проголосовали представители правящей консервативной НП и правоцентристской партии «Граждане». См.: Miquel Alberola, "Pedro Sánchez, presidente del Gobierno tras ganar la moción de censura a Rajoy," *El País*, June 1, 2018, https://elpais.com/politica/2018/06/01/actualidad/1527837969_067262.html.

2 Borrell et al. 2017.

3 См.: Аникеева, Н.Е. Испания: основные итоги 2018 года [Электронный ресурс] // МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/ispaniya-osnovnye-itogi-2018-goda/> (дата обращения: 05.05.2021).

4 Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел, по делам Европейского союза и международного сотрудничества Испании Ж. Боррелем, Мадрид, 6 ноября 2018 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3400181 (дата обращения: 05.05.2021).

5 "Economically Active Population Survey," Instituto Nacional de Estadística, accessed May 7, 2021, https://www.ine.es/dyngs/INEbase/en/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176918&sidp=1254735976595&menu=ultiDatos.

6 "GDP growth (annual %) – Spain," The World Bank. Data, accessed May 7, 2021, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=ES>.

7 Моисеев, А. Испания, страна выборов и надежд [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24681> (дата обращения: 05.05.2021).

вопрос о доверии правительству в парламенте. На этих выборах НП серьезно уступила ИСРП. Ее результаты показали разочарование масс в политике НП. Правые партии «Граждане» и «Вокс» (Vox) заняли третье и пятое места соответственно.

11 июня 2019 г. П. Санчес начал переговоры о формировании правительства Испании с левым блоком «Объединенные Подемос» (Unidas Podemos), консервативной НП и правоцентристской партией «Граждане» – партиями, прошедшими в парламент по итогам досрочных выборов. Конгресс дважды не утвердил лидера ИСРП в должности премьера. Конгресс был распущен 24 сентября 2019 г.; король Испании вновь назначил всеобщие выборы. Повторные в 2019 г. выборы состоялись 10 ноября. В декабре и.о. премьер-министра Испании П. Санчес принял решение встретиться с главой каталонского Женералитета Кимом Торрой, который стремился к обретению Каталонией «права на самоопределение» и требовал освобождения каталонских политиков, осужденных Верховным судом за проведение референдума о независимости в 2017 г., который Конституционным судом был признан нелегитимным¹.

5 января 2020 г. в первом туре голосования в парламенте П. Санчес не набрал необходимого для утверждения в должности премьера числа голосов. Во втором туре требовалось лишь простое большинство. Парламент Испании 7 января 2020 г. утвердил лидера ИСРП П. Санчеса на посту председателя правительства. Это положило конец затянувшемуся политическому кризису, так как правительство страны около восьми месяцев находилось в статусе исполняющего обязанности.

→ Список литературы / References

- Аникеева, Н.Е. *Очерки политической истории Испании (1982–2018 гг.)*. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 138 с.
- Anikeeva, N.E. *Essays on the Political History of Spain (1982–2018)*. Moscow: MGIMO University, 2019. [In Russian]
- Верников, В.Л. Выборы в Каталонии – тест для правительства в Мадриде // *Аналитические записки института Европы РАН*. – 2021. – №3. – С. 1–5. <https://doi.org/10.15211/analytics32021>.
- Vernikov, V.L. "Elections in Catalonia – a test for the government in Madrid." *Analiticheskie zapiski instituta Evropy RAN* 3 (2021): 1–5. <https://doi.org/10.15211/analytics32021>. [In Russian]
- Орлов, А.А. *Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее*. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 550 с.
- Orlov, A.A. *Nationalism in the History of Catalonia: Past and Present*. Moscow: MGIMO University, 2020. [In Russian]
- Прохоренко, И.Л. Испания: конституционный кризис в Каталонии // *Год планеты* / Гл. ред. В.Г. Барановский, Э.Г. Соловьев. – М.: Идея-Пресс, 2017. – С. 274–284.
- Prokhorenko, I.L. "Spain: Constitutional crisis in Catalonia." In *Planet's Year*, edited by V.G. Baranovskii, and E.G. Solov'ev, 274–284. Moscow: Idea-Press, 2017. [In Russian]
- Яковлев, П.П. Каталония: от национализма к сепаратизму // *Латинская Америка*. – 2020. – №8. – С. 104–110. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0010349-2>.
- Yakovlev, P.P. "Catalonia: from nationalism to separatism." *Latin America* 8 (2020): 104–110. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0010349-2>. [In Russian]
- Borrell, Josep Fontelles, Francesc de Carreras, Juan-José López Burniol, and Josep Piqué. *Escucha, Cataluña. Escucha, España: Cuatro voces a favor del entendimiento y contra la secesión*. Madrid: Ediciones Peninsula, 2017.

¹ Josep Catà, "Torra defiende la autodeterminación como condición para el diálogo," *El País*, December 31, 2019, https://elpais.com/ccaa/2019/12/30/catalunya/1577733708_340817.html.

Martínez-Fornes, Almudena. *Felipe VI. Un rey para la España de hoy*. Barcelona: S.L.U. Espasa Libros, 2017.

Pucciarelli, Matteo, and Giacomo Russo Spena. *Podemos: La sinistra spagnola oltre la sinistra* [Podemos: The Spanish left beyond the left]. Roma: Edizioni Alegre, 2014. [In Italian]

Tamames, Ramón. *¿Adónde vas, España? Como salir del laberinto independentista*. Barcelona: Ediciones Península, 2018.

Artículo de revisión

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-102-113>

Historia política de España (2016-2020): superando la crisis

© N.E. Anikeeva, 2021

Natalya E. Anikeeva, PhD (Historiadora), Profesora del Departamento de Estudios Europeos y Americanos, Universidad MGIMO, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 1194554, Rusia, Moscú, calle Prospekt Vernadskogo, 76

E-mail: anikeevan@yandex.ru.

Recibido: 20.05.2021

Revisado: 26.06.2021

Aceptado: 12.07.2021

Para citar: Anikeeva N.E. Historia política de España (2016-2020): superando la crisis. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 102-113. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-102-113>.

→ Resumen

En el presente artículo el autor analiza el desarrollo del proceso político en España entre las dos crisis de 2015-2016 y 2019-2020, destacando los puntos fuertes y débiles del debate político interno, incluyendo la situación catalana, así como la problemática relacionada con el aspecto migratorio. El autor presenta un panorama general de la evolución de la agenda política exterior del país, incluida la dirección del vector político exterior y su desarrollo con respecto a la Federación de Rusia. El artículo profundiza los aspectos políticos y económicos de la vida de España tras las elecciones generales parlamentarias del 26 de junio de 2016, que dieron como resultado superar la crisis gubernamental que comenzó en el país en diciembre de 2015 y que convirtieron a Mariano Rajoy en presidente del Gobierno del Partido Popular. Por otro lado, el último gabinete del gobierno del PP se aprobó en noviembre de 2016, donde Rajoy fue primer ministro de España desde diciembre de 2011 hasta junio de 2018. Pronto comenzó una nueva etapa en la historia política del estado español, que se relaciona con la llegada al poder del Partido Socialista Obrero Español (PSOE), presidido por Pedro Sánchez desde 2018. De esta forma, la victoria en las elecciones parlamentarias anticipadas en España del 28 de abril de 2019 la obtuvo el PSOE, liderado por Sánchez, así como en las nuevas elecciones que tuvieron lugar el 10 de noviembre de 2019. Su escenario resultó ser mucho más complejo

e impredecible que en las elecciones anteriores. El PSOE volvió a ser el primero en un equilibrio político de poder similar al de abril. La aprobación de Pedro Sánchez como primer ministro español en enero de 2020 puso fin a la prolongada crisis política del país, en la cual, el gobierno español cumple sus funciones cerca de ocho meses.

→ Palabras clave

España, Pedro Sánchez, Mariano Rajoy, elecciones generales parlamentarias

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

• Для авторов

Уважаемые коллеги! Подробная информация о журнале, требованиях к предоставляемым материалам, о редакционной политике и этических принципах доступна на официальном сайте по адресу: www.iberpapers.org. Рекомендуем внимательно ознакомиться с разделом «Прием статей». При оформлении списка литературы обязательно указывайте DOI цитируемых материалов. Подать рукопись статьи на рассмотрение можно через специальную форму на сайте.

Приветствуется указание идентификаторов автора: ПИНЦ Author ID, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

Точка зрения авторов, материалы которых публикуются в журнале «Ибероамериканские тетради», может не совпадать с мнением редакции.

→ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

Адрес редакции:

119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тел./факс: +7 (495) 225-33-13

E-mail: submissions@iberpapers.org

Оформить подписку на журнал «Ибероамериканские тетради» можно в почтовом отделении по каталогу «Пресса России».

Подписано в печать 20.10.2021.

Формат: 108×70/16. Оффсетная печать. Цена свободная

Объем: 10,9 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз. Заказ № 914.

Издательство ИМИ МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

• Para los autores

¡Estimados colegas!

La información detallada sobre la revista, los lineamientos para los autores, la política editorial y los principios de la ética e integridad académicas están disponibles a través del siguiente enlace: www.iberpapers.org. Recomendamos examinar la sección sobre el envío de los documentos. Al dar formato a la lista de referencias, por favor, indiquen el DOI de los materiales citados. Como parte del envío de un manuscrito para que sea considerado para su publicación, se debe completar un formulario especial que se encuentra en el sitio web oficial de la revista.

Se recomienda a los autores a proporcionar la siguiente información: el ID del autor del Índice de Citación Científica de Rusia, el ID del autor del Scopus, el ID del investigador, ORCID.

El punto de vista de los autores cuyos materiales se publican en la revista «Cuadernos Iberoamericanos» puede no coincidir con la opinión de los editores de la revista.

→ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

Fundador:

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia (Universidad MGIMO)

Registrado

por el Servicio Federal de Supervisión de las Telecomunicaciones, Tecnologías de la Información y Medios de Comunicación (Roskomnadzor).

Certificado de Registro de Medios de Comunicación ПИ No. FS77-78906 de agosto 7, 2020

Datos de contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú Rusia, 119454

Tel/Fax: +7 (495) 225-33-13

E-mail: submissions@iberpapers.org

Puede suscribirse a la revista *Cuadernos Iberoamericanos* en la oficina de correos utilizando el catálogo «Prensa de Rusia».

Firmado para imprimir el 20.10.2021.

Formato: 108×70/16. Impresión offset. Prensa libre

Volumen: 10,9 pliegos editoriales. Tiraje: 200 ejemplares

Publicado por el Instituto de Estudios Internacionales de la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Imprimido en el Departamento de la impresión instantánea y equipamiento de multiplicación de la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

• For authors

Dear colleagues! Detailed information on the journal, guidelines for authors, editorial policy and principles of academic ethics and integrity is available at the following link: www.iberpapers.org. We recommend examining the submission section of the website. When formatting the reference list please indicate DOI of the cited materials. In order to submit a manuscript to be considered for publication please fill in a special form on the official website of the journal.

Authors are encouraged to supply the following indicators: Author ID of the Russian Science Citation Index, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

→ IBEROAMERICAN PAPERS

Founder:

Federal State Autonomous Institution of Higher Education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

Registered

by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
Mass Media Registration Certificate
ПИ No. FS77–78906 of August 7, 2020

Contacts of the Editorial Staff:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
Russia, 119454
Ph./fax: +7 (495) 225–33–13
E-mail: submissions@iberpapers.org

You can subscribe to *Cuadernos Iberoamericanos* at your post office using the «Press of Russia» catalogue.

Signed to print on October 10, 2021.
Format: 108×70/16. Offset printing. Free price
Volume: 10,9 printer's sheets. Circulation: 200 copies
Published by the Institute for International Studies,
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in the Department
of Instant Printing and Multiplying Equipment,
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Наталья Аникеева → Natalya Anikeeva

Эмиль Дабагян → Emil Dabagyan

Аркадий Еремин → Arkadii Eremin

Витор Ленгруббер → Vitor Lengruber

Винисио Ксавьер Медина Гонсалес →
Vinicio Xavier Medina González

Дмитрий Морозов → Dmitry Morozov

Борис Некрасов → Boris Nekrasov

Виктор Уго Рамирес Лавалье →
V́ctor Hugo Raḿrez Lavalle

Карлос Уриарте Санчес → Carlos Uriarte Sánchez

Александр Шинкаренко → Alexander Shinkarenko

ISSN 2658521-9

